

84Р6
Л13

*Юлия
Лавряшина*

Девочки мои

8496
113

Юлия
Лавряшина

Девочки
МОИ

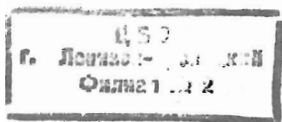

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

101488(1)

Оформление серии *П. Петрова*

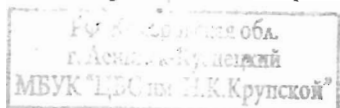

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 Девочки мои : [роман] / Юлия Лавряшина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-699-99360-4

Три непростых женских судьбы связало в один узел искусство. Ангелина – талантливая актриса, променявшая жизнь на сцене на благополучный уют и тиранию нелюбимого мужа. Сима – режиссер, она сумела создать театр, но не может справиться с собственными детьми, ради которых готова пожертвовать всем, даже любовью. Наташа – только-только получившая свою первую роль романтическая, чистая девочка, еще ничего не знающая о предательстве и три женщины, три пути, и на каждом свои испытания. Предательство и ревность, ложь и кровь разъединяют и вновь соединяют эти судьбы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99360-4

© Лавряшина Ю., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая

Они просто разминулись на улице — поравнялись и прошли каждая в свою сторону. Вернее, одна из них несла свое юное лицо навстречу ветру и не заметила другую. А Сима почему-то засмотрелась на девочку с пепельными волосами, не слишком длинными, не слишком густыми, но не вызывающими жалости, как обычно случается со всем, что «не слишком». Эти волосы были дымчатыми и клубились по ветру осенним дыханием, прозрачным и легким. Девочка шла, чуть приподняв тонкое личико — не из гордости (хотя ее тоже хоть отбавляй в четырнадцать лет), а чтобы и шею, тоненькую шейку ее тоже невинно ласкал ветер. И Сима своей уже не слишком, прямо скажем, младенческой кожей почувствовала ее наслаждение, от которого сердце так и заходится.

Мгновенно вспомнилось — даже не мозг подсказал, а тело, оказывается, сохранившее ощущение, — как она сама в свои подростковые «...надцать» стремилась использовать любую возможность, чтобы вот так же броситься бегом навстречу ветру, воображая, будто обретает волю вольную и может, как цыганка, скитаться по свету, который Симе хотелось увидеть весь, целиком, с самыми заброшенными уголочками, в которых есть своя прелесть, непонятная жителям столиц. Обойти его пешком, трогая нагретые, неровные камни мосто-

вых, пересыпая из ладони в ладонь легкий песок, втягивая аромат картинно-красивых цветов скошенной травы. И все время чувствовать кожей морской ветер, так же подставлять ему лицо, чтобы сгладил первые морщины, освежил...

И это немного надуманное совпадение с девочкой заставило Симу выкрикнуть:

— Девушка, подождите!

Но девочка не оглянулась. Возможно, просто никто до сих пор не называл ее «девушкой», и она не сообразила, что обращаются к ней. А может быть, то, что сейчас нарастало, вскипало у нее внутри, обдавая волнением неокрепшее сердце, было настолько важнее всего внешнего — звуков, запахов, людских лиц, — что грех было и отвлекаться на них.

— Подождите же, девушка!

Рукав простенькой джинсовочки в первый момент показался пустым — такой тоненькой была ее ручка. Сима быстро разжала пальцы, как будто птенчика побоялась раздавить. В глазах девочки мелькнула насто-роженность: что это за странная женщина с прической из вороньих перьев, с маленькой татуировкой на левом предплечье, одетая в нечто напоминающее обычную мужскую майку черного цвета, заправленную в джинсы?

— Да?

— Извините, если я вас напугала, — заторопилась Сима, стараясь произносить слова с той невесомостью, которая должна была успокоить. — Я просто увидела ваше лицо и поняла, что именно вы мне нужны. Для роли. Я — режиссер молодежного театра «Версия». Это не любительский театр, но многие ребята из театральной студии у нас уже заняты в спектаклях. Вы были на наших спектаклях?

На загоревших за лето щеках вспыхнули пятна:

— Я... Я еще не успела. Мы недавно переехали в этот город.

— Серьезно? И откуда же? — Сима давно уже позволяла себе быть бесцеремонной, когда ее что-то действительно интересовало.

— Из Москвы.

Это прозвучало с некоторым вызовом, словно покинуть столицу уже значило объявить себя пораженцем, неудачником.

«В общем-то, так и есть, — наспех согласилась Сима. — Россия ведь страна одного города, и если ты хочешь настоящего успеха, то покорять нужно именно Москву».

Решив на время закрыть эту тему, чтобы девочка не сбежала прямо сейчас, она опять заговорила о спектакле, который еще только собиралась ставить, хотя вынашивала дольше, чем двух своих дочерей вместе взятых.

— Я нашла для нашего театра одну пьесу... Современную, и как раз о подростках. Там есть роли и для взрослых актеров, но главную должна исполнять девочка... девушка вашего возраста. Но никого из наших ребят я в этой роли не вижу.

— Я никогда не играла в театре...

— Я понимаю! И не собираюсь прямо сейчас выпускать вас на сцену. Но я предлагаю вам попробоваться. Как вы?

И заверила, не дожидаясь ответа:

— Если я увижу, что у вас ничего не выходит и нет ни малейшей надежды научить, то оставлю вас в покое, обещаю. Кстати, меня зовут Симой. Сима, — еще раз повторила она, чтобы девочка не переспрашивала, как это бывало обычно. — Довольно редкое имя — родите-

ли постарались. Зато меня ни с кем не путают. Только, умоляю, Серафимой не называйте, этого я не терплю! Отчество в нашем общении не потребуется, а фамилия моя Матроскин, — протянула Сима незабвенным голосом Табакова и тут же вернула свой, немного резкий, звонкий, словно невидимая птица выкрикивала за нее. — Шучу. Лобанова. Это чтобы вы могли проверить мое досье через своего папу-полицейского.

Взгляд девочки кольнул остро, улыбки как не бывало:

— С чего вы взяли, что мой папа — полицейский?

— Да это так — предположение! Вы такая строгая де-вушка... Все по правилам?

— Вовсе нет! В нашей семье не так уж много правил. А папа у меня доктор. Педиатр.

Ненужной заинтересованности Сима изображать не стала, спросила нетерпеливо:

— Так что, вы согласны попробоваться? Да как же вас зовут-то, в конце концов?!

— Наташа Лукьянцева, — произнесла она тем застенчивым тоном, каким в начале пьесы и должна была говорить ее героиня.

Сима так и вцепилась в ее рукав, уже не вспомнив про того беззащитного птенчика, что померещился внутри:

— Вот! Именно так! Наташенька, я ведь просто не отпущу вас. У вас ведь Гелин взгляд...

— Чей?

— Гели, героини, которую я вам сватаю. Это очень интересный персонаж. Надломленная судьбой, но не скисшая. И другим не дает сдать. Вы очень похожи на нее, Наташа. И слова вы выговариваете в точности как она.

Чуть наклонив голову вправо («Гелин жест!»), Наташа спросила с любопытством:

— А откуда вы знаете, как она выговаривает слова? Там ремарка есть? Или это вы так представляете?

— О! — Сима даже отступила, пораженная. — Вам известно даже слово «ремарка»? Вы читаете пьесы?

— Если честно, только Чехова.

— Это уже немало. Может быть, бессознательно вы готовились к нашей встрече?

— Кто может знать, к чему готовит его подсознание?

«А непростая девочка, — отметила Сима с удовольствием. — Очень непростая».

Ей нравилось работать с личностями, колоться об их шипы, спорить с ними. Даже орать приходилось, а как же? Подростки же. Иногда необходимо напоминать им, кто в доме хозяин... Но с послушными детьми Симе становилось скучно. Они напоминали ей комнатные растения: польешь — выживут, не польешь — засохнут. Сами жизни не отвоюют. Не то что дикие колючие кустарники, которые на любом, самом немыслимом склоне зацепятся, вопьются корнями, отыщут необходимые им соки в самой песчаной почве, и выживут, выживут...

— И об этом мы тоже поговорим подробнее, — промурлыкала Сима, жмурясь от радости: нашла Гелю, на улице встретила, надо же! — Когда вы сможете к нам прийти? Чем вы вообще занимаетесь, кроме того, что читаете Чехова?

Опять проявились горячие пятна на щеках:

— Вообще-то я его не так уж часто читаю... Я все больше в Сети...

— Ну, это нормально. Сейчас все девочки, как Русалочки — сетью опутанные. Ножки не болят?

Облегчение сделало Наташин смех особенно легким:

— Нет, ходить-то я еще не разучилась!

— Сейчас домой?

— Уроки надо сделать...

— А потом? У нас в шесть репетиция. Приходите, Геля... То есть Наташа. Видите? Вы для меня уже Геля! Так что не отвертеться вам, девушка... Вот вам моя визитка, там есть адрес. Это недалеко. В нашем городе понятие «далеко» вообще отсутствует.

— Я уже поняла. — Наташа опустила глаза на карточку. — Я даже знаю, где эта улица, там одна девочка из нашего класса живет.

— Ну и прекрасно. Погодите! У меня же диск с текстом пьесы с собой есть. — Сима чуть не с головой нырнула в объемистую сумку, забитую всякой всячиной, которая могла понадобиться в любую секунду. — Держите. Уроки, конечно, надо сделать, но, может, и на пьесу времени хватит?

Она уже собралась бежать, переключившись мыслями на других актеров, мальчишек, которых нужно было вытащить из лап полицейского инспектора («Окно разбили, подумаешь! Ну, спяну... С кем не бывает в пятнадцать-то лет?»), когда Наташа окликнула ее:

— Сима, а вы можете говорить мне «ты»? Пожалуйста. А то очень непривычно.

* * *

Девочка придет на репетицию, в этом Сима даже не сомневалась. Настолько не сомневалась, что тут же забыла о Наташе Лукьянцевой, как об уже взятой вершине, не такой уж и поднебесной, если говорить начистоту. Еще неизвестно, как покажет себя это создание, что за тайное сокровище принесет в своей душе... Пустышки, обманки уже встречались не раз, и потому Сима каждый раз ругала себя последними словами, которых

знала достаточно, за то, что опять вцепилась в кого-то на улице, мимолетно влюбившись во взгляд, в поворот головы, в намек улыбки. А не возникнет тайной связи режиссер—актер на уровне биения сердца и рождения мысли, и ничего не будет — ни спектакля, ни слез в зале, ни смеха. Поэтому совершенно запретить себе впускать в душу искры, высекаемые соприкосновением взглядов, Сима не могла. Это было равносильно самоубийству себя как профессионала. Что осталось бы в ней тогда? Одиночество одинокой одиночки. Вакуум.

Замедлив шаг возле столиков летнего кафе, которые еще не убрали, потому что весь сентябрь был настоящим бабьим летом, Сима посомневалась не дольше трех секунд, взглянула на часы: «Успеваю!» — и присела за свободный. Лицом к реке села, чтобы чувствовать тот оживляющий ветер, который ловила Наташа Лукьянцева. Но Сима это сделала, не вспомнив о девочке, как будто инстинктивно переняла понравившееся. К тому же это напоминало ее саму, двадцатилетней давности... Лучше ли она была тогда? Цинизма в ней не было, это помнится. Хотя и поросычьей восторженности вроде бы тоже. Достаточно здравомыслящая была девочка... Глупее была, это наверняка. Трусливее. Даже подумать не решалась всерьез, что можно стать режиссером театра, хоть и маленького и в глуши, но все же... Их «Версия» не совсем безвестна, Сима уже лет пять вывозит свою труппу на фестивали, их даже хвалят в прессе и дают дипломы. Это радует, конечно, особенно ребят. Вот только не получается отделаться от липкого ощущения, что ты всего лишь наложница из гарема, которую на четверть часа удостоили всемиловейшего внимания, чтобы потом забыть еще на год...

— Кофе, пожалуйста, — сказала она подошедшей официантке, откровенно новенькой, изо всех сил старающейся каждой улыбкой.

— Вам какой? — Перед Симой возникло меню — узкая длинная картонка. — У нас, видите, сколько всего!

«Господи, она и двух дней здесь не продержится. — Сима удержала вздох и послушно ткнула пальцем напротив самой высокой цены, чтобы порадовать бедняжку напоследок. — Или они все тут ведут себя как начинающие купчики, слегка ошалевшие от первых денег?»

В памяти неожиданно возник слепок разлапистых лосиных рогов, висевших в передней бабушкиной квартиры. Почему вдруг вспомнились эти рога? Официантка слишком похожа на туповатую, хотя и безобидную коровку, которая наслаждается сочной травкой и не подозревает, что скоро отправится на бойню? Но рога-то не коровьи были. Признак дореволюционной роскоши — так их воспринимала маленькая Сима. На лосиных рогах висели плащи, и она воображала, что в полумраке этого уголка таятся картины прошлой жизни. Той, которую даже ее бабушка, родившаяся в семнадцатом, не застала. Так явственно шуршали шелка, обдавая грустными запахами, кто-то требовал нетерпеливо: «Будь любезен, мою крылатку!» — и даже дети повизгивали как-то особенно...

Сима усмехнулась, затянувшись сигаретой. Какой дурехой была, боже мой... Сейчас меха и кринолины ее сердце не трогали, исторических, костюмных пьес их театр не из бедности не ставил, а потому, что Симе был интересен сегодняшний день. И та пьеса, которой она болела сейчас, была о ребятах, практически живших в ее театре. По крайней мере, многие узнали в героях себя, и Сима надеялась, что и Наташа увидит в Геле свое отражение. Тоже ведь девочка себе на уме.

«Что за семья у нее? — получив наконец свой кофе, попыталась представить Сима. — Коммерсанты-лохи, сбежавшие от кредиторов? Что еще, кроме пистолета у виска, может заставить человека уехать из Москвы? Мне бы только перебраться туда... Надо бы по-быстрому навести справки об этих Лукьянцевых... Хотя — зачем? Девочка-то хороша вне зависимости от мамы-папы. Если еще и осилит сцену...»

— Кофе совершенно дрянной, — пробормотала она, подавив желание выкрикнуть это так, чтобы услышали на кухне.

И чуть не подавилась, заметив знакомый взгляд поверх опущенного стекла.

— Ну, выходи уж! — сказала Сима резко. — Оставь своего драгоценного «мерина» попасться.

Окно в светлом «Мерседесе» закрылось, но следом распахнулась дверь, выпустив стройную ножку.

«Насмотрелись американского дерьма, — отметила Сима мрачно. — Научились выходить красиво. А на то, что Голливуд методично четвертует искусство, всем плевать! Таким, как она, — плевать».

— Здравствуй, Сима!

Ангелина только что по струнке перед ней не вытянулась, даже присесть без разрешения не решалась. Короткое узкое платье кремового цвета, «лодочки» ему в тон, узкие, «хищные» солнцезащитные очки, которые Ангелина уже сняла и вертела в руке... Все очень стильно и ей идет. Позволив взгляду медленно проползти снизу вверх, Сима вынужденно признала, что девочка все так же хороша, как и в те дни, когда на нее смотрели из зрительного зала, — изящная, гибкая, да еще и дорого выглядит.

«Рано продалась, зато за хорошие деньги», — она не произнесла этого вслух. Не требовалось. Ангелина Пол-

тавцева всегда улавливала любую ее мысль. Самая восприимчивая из ее актрис. Самая талантливая. Ее могло ожидать блестящее будущее... Но она захотела все быстро и сразу.

— Садись. — Сима толкнула ногой стул, Ангелина успела поймать. — Как это ты оказалась среди нас, смертных?

— Думаешь, я больше не хожу по улицам?

Едва не поморщившись, Сима в который раз пожалела о том, как сглупила однажды, позволив этой девочке обращаться к ней на «ты». Тогда Ангелина была затюканным чересчур уж религиозными родителями, а еще больше бабушкой, ребенком. Ей необходим был взрослый, которого она приняла бы как родного человека. И Сима от безысходности, одурманенная жаждой вновь обрести все радости материнства, распахнула ей объятия. Ангелина же невероятно быстро расправила свои слабые крылышки...

— Честно? — Сима поймала лицом новый порыв ветра, чтобы напитаться его куражом. — Я вообще о тебе не думаю. У меня в голове только мой театр, ты же знаешь.

— Я знаю.

— Тебя в нем больше нет.

— Ты же в курсе, Вахтанг поставил условие...

— Только, ради бога, не надо оправдываться! Ты все это мне уже объясняла...

— И ты тоже поставила условие... Чтобы я больше никогда не появлялась в театре.

— Надо было сказать, чтоб ты никогда не показывалась мне на глаза...

— Но почему? — Ангелина подалась вперед, навалилась заметно увеличившейся грудью на столик. Симе показалось, будто раздался силиконовый скрип.

— Ты сделала свой выбор. Вот живи теперь и радуйся.

— Я могла бы уговорить Вахтанга спонсировать...

Сима резко отодвинула опустевшую чашку:

— Вот только этого не надо! Я грязных денег не беру.

— Да что ты? — Ангелина откинулась на спинку стула, мгновенно скопировав ее же манеру язвить. — С каких это пор? Ты же всегда твердила, что ради своего театра на любой компромисс готова пойти!

«А вот теперь улыбнуться и ответить абсолютно спокойно!»

— Так и есть. Но речь все-таки шла об отношениях с богатыми людьми...

— В смысле? — Теребившие край меню пальцы замерли.

— А не с обезьянами-воришками. Ты при дневном свете своего Вахтанга видела? Или он тебя только в темноте...

— Перестань! — Ангелина выкрикнула это с отчаянием Герды, роль которой лет пять назад стала для нее первой, но, видимо, не запала в душу, не убедила, что от холода и одиночества может спасти только любовь.

Не поясняя, Сима пробормотала:

— Теперь пытаешься сыграть Кая?

Пунцовые губы дернулись, искривились, будто кто-то смял цветок. Сима не без злорадства отметила: девочка сразу поняла, о чем речь. А может, и сама об этом думала, ежась в ледяном дворце мандаринового магната.

— Оно того стоило? — Сима посмотрела поверх ее плеча на «Мерседес». — Машинка, конечно, хороша, ничего не скажешь. Ты о ней думаешь, когда он возит-ся на тебе?

— Сима! Не надо так...

— А о чем нам тогда разговаривать?

В прозрачных озерных глазах, сохранивших, как ни странно, наивное выражение, робость:

— Расскажи мне, что вы сейчас ставите?

— Пьесу Потапова.

Ангелина отпрянула:

— Какую? Ту самую? «Что такое палисадник?»

— Еще помнишь?

— А кто играет Гелю? Это же я должна была сыграть ее! Я уже всю роль выучила. Да я даже не учила ее, она просто вошла в меня, как... Не знаю, как что. Как будто я вдохнула эту Гелю, и она поселилась во мне.

Сима безжалостно проронила:

— Я нашла девочку на эту роль.

— Что за девочка?

— Новенькая, ты ее не знаешь. А свои претензии оставь, пожалуйста. Ты больше не в труппе, так что не закатывай истерик.

— Но ты же говорила, что я просто создана для этой роли!

— Была. Опомнитесь, девушка, вам уже сколько? Восемнадцать? А Геле — пятнадцать. Старовата ты, мать, для этой роли.

Волосы у Ангелины были такими густыми — прибор не просвечивал. Этот цвет называют темно-русым, у Наташи Лукьянцевой такой же, хотя у той, конечно, жиденькие в сравнении... Сима подумала с беспокойством: «Главное, чтоб она сама не показалась жидковатой в сравнении с этой... Ангелина чудно сыграла бы Гелю. Она и была этой Гелей. Только финал для своей пьесы другой выбрала».

Затягивая паузу, Сима смотрела на ее опущенную голову, прекрасно понимая, что сейчас творится в душе девочки, но ничуть не жалея ее. Продалась дьяволу,

учись терпеть, как душу рвут демоны. Безнаказанно такие сделки не проходят. Она ведь понимала это. Любой дурак понимает.

— Мне пора, — сказала она, так и не выразив сочувствия. Ангелина же догадывалась, что его не было, к чему играть? Они слишком хорошо знают друг друга, чтобы попасться на притворство.

Забавляясь, ветер забросил волосы на лицо, и Симе на миг показалось, будто девушку опутала паутина, держит ее, душит, залепив и ноздри, и рот, и глаза — во внезапной слепоте тоже нехватка воздуха. Ангелина ловко собрала волосы обеими руками, обнажив свое удивительное лицо — смотреть бы часами.

— Действительно пора или просто я тебе надоела? Я могу уехать. Может, тебя подвезти?

— Не смешно.

— Я и не пыталась...

— Прощай. — Сима встала первой и сунула деньги под блюдце. — Я тебе зла не желаю, что бы ты про меня ни думала. Твой выбор, тебе с ним и жить. Но и видеть тебя больше не хочу. Это уже мой выбор.

— Ты не можешь запретить мне прийти на спектакль!

Сима рассмеялась, едва сдержав желание ударить ее:

— А тебе непременно нужно разбередить свои язвы до крайности? Мученица ты наша... Сиди себе лучше в своем дворце и выкладывай слово «вечность». Наш театр, если помнишь, называется «Версия», а в твоей жизни никаких версий быть не может.

— Не говори так!

— Разве я сказала что-то неожиданное?

Изо всех сил удерживая улыбку, Сима кивнула и быстро прошла между столиками к выходу. Ангелина мог-

10/18/10/12

ла и не смотреть ей вслед, но на всякий случай лучше было держать спину до первого поворота.

Забежав за угол, она привалилась к стене, даже не подумав, что может испачкаться. Ей было тяжело дышать.

* * *

Опять отдалось пульсацией в крови: «Так писем не ждут, так ждут письма...» Эта строчка цветаевская всплывала в памяти всякий раз, когда Наташа проверяла электронную почту. Что было у Марины дальше — она не помнила, и не пыталась найти стихи в сборнике, стоявшем на полке перед учебниками. Некоторые строки способны на отдельную жизнь.

«Здравствуйте, Ната! У вас нет новых писем», — бодро возвестил компьютер, и колотившаяся в груди радость предвкушения замерла, обернулась обычным ритмом. Не написал таинственный Барон, не удостоил сегодня...

Стараясь удерживаться на грани благоразумия, Наташа Лукьянцева внушала себе, что знакомство в Сети никого ни к чему не обязывает, и таких адресатов у Барона могут быть десятки, это она, дурочка, хранит верность ему, даже не виденному. Хотя, конечно, дело было не в ее преданности собственной фантазии и не в глупости, которая была не столь уж очевидна. Просто Наташе трудно было — да что там! — невозможно было представить, как можно довериться кому-то еще. И, главное, что кто-то другой сможет также прочувствовать боль каждой ссадины на ее душе, как умеет это тот, кто скрывается под вымышленным титулом.

Она пыталась понять его выбор: «Этот псевдоним — отзвук его внутреннего благородства. Он бессознательно присвоил себе титул, отвечающий его натуре».

Мысль о бессознательном напомнила о сегодняшней встрече с женщиной по имени Сима. Встрече немного странной, пугающей, интригующей. Какая девочка не мечтала, что ее прямо на улице заметит режиссер и пригласит... Правда, в мечтах речь всегда шла о кино, однако театр — даже более возвышенно. Воспетый полумрак кулис, где готовятся создать чудо, нарочитая неестественность загримированных лиц, на которые нужно смотреть только из зала, глухой голос Гамлета на сцене... Родители, наверное, будут довольны, в Москве они часто ходили в театр.

«А он? — Наташа взглянула на экран компьютера. — Как он отнесся бы к этому? Написать ему? Нет, он еще на последнее письмо не ответил... Пускай ответит! Нельзя быть навязчивой, мама сколько раз говорила, что не нужно пытаться всучить себя человеку, который этого не просит. Не буду. Может, он занят, потому и не пишет. Я ведь даже не знаю, сколько ему лет... А может, вовремя не заплатил и его просто отключили от Сети. Не может ведь быть, чтобы он не вспомнил обо мне?!»

Не кольнуло — прошило насквозь. Наташа оттолкнулась ногами от стола, отъехала на своем вращающемся кресле, замерла на секунду, закинув руки за голову, потом вскочила. Углы большой комнаты съехались, стиснули пространство уродливым ромбом, о стороны которого не она билась плечами, коленями, они сами втыкались в нее, твердо, тупо. Ей захотелось закричать от ужаса: «Что происходит? Что такое со мной происходит?!» — но голоса не было, он тоже затерялся где-то между реальностями — той, в которой Наташа жила пять минут назад, и этой, будто созданной воображением Пикассо. Здесь все предметы имели неправильные формы, присваивали чужие цвета, и от этого абсурда

мутилось в голове. Или все было с точностью до наоборот: от того, что мутилось в голове, все предметы...

Зацепившись за спинку кровати, Наташа рухнула прямо на застеленную покрывалом кровать, — ей до крайности необходимо было зацепиться за что-то устойчивое, не поддавшееся общему безумному перемещению, и кровать показалась самой надежной. Вжавшись лицом в пупырчатую шелковую поверхность, девочка пробормотала, пытаясь заглушить шум в ушах:

— Я ведь не влюблена в него... Как можно влюбиться в человека, которого даже не видела? Мне просто не с кем больше поговорить...

Наташа не играла сейчас, ей действительно казалось, что мир обезлюдел, оставив вокруг нее пустыню, в которой сгнули и родители, и брат с маленькой сестренкой, еще пару лет назад составлявшие особый, радужный мир семьи Лукьянцевых. Теперь же ей все чаще хотелось укрыться от них в своей комнате — там находился выход в ту виртуальную реальность, где обитал единственный, кто понимал ее с полуслова. Барон. Полуреальное существо, в котором для Наташи было жизни больше, чем в любом из тех, с кем ей приходилось сталкиваться за день.

Не ее первую застиг врасплох этот холод подросткового одиночества, все проходили этим же путем, но каждого ощущение изолированности застигало врасплох, сколько бы о нем ни писали и ни говорили. «Меня никто не понимает!» Для ребенка это становится неподдельной трагедией, ведь он даже не подозревает того, что ему предстоит вырасти с этим убеждением и пронести его до смерти. «Меня никто не понимает», — может повторить за дочерью отец. Только он больше не произносит этого ни вслух, ни про себя, — зачем бороться с ветряными мельницами.

Некоторым не хватает сил признать эту бесполезность, примириться с реальностью человеческого существования, и тогда их дрожащие от страха и нетерпения пальцы извлекают из прозрачной бумажки тонкое лезвие или с хрустом выдавливают таблетки из приятного на ощупь стандарта — одну за другой, одну за другой...

Но природная жизнерадостность Наташи Лукьянцевой, унаследованная от матери, подсказала ей другое: почему бы действительно не отправиться на репетицию этого театра?.. Как там его? Может, это покажется ей забавным... И, когда Барон отзовется, ей будет чем удивить его. Возможно, даже поразить его воображение. Его скрытое от нее, таинственное воображение... Что там в нем?

Девочка села на постели: как же называется этот театр? «Вариант»? «Легенда»? Нет, все не то... Хмурясь от невозможности вспомнить, Наташа снова принялась рассказывать по комнате, только на этот раз углы мебели не бросались ей навстречу, не пытались поранить в кровь. Все оставалось на своих местах, а экран плоского монитора даже подмигивал «смайликом», призывая расслабиться и подумать о чем-нибудь другом, тогда само вспомнится.

Этот совет Наташа слышала довольно часто, но он ей почему-то не помогал. Она пыталась опробовать его в музыкальной школе, когда во время экзамена по специальности начисто забыла этюд. Наверное, как раз потому, что именно этюд играть было страшнее всего — техника у нее всегда хромала. И, стоя перед дверью зала, откуда вот-вот уже должна была выйти закончившая свое выступление ученица, Наташа принялась судорожно хвататься мыслями за всякую всячину, никак не

связанную с музыкой: краской пахнет, мама сказала, что им нужно будет покрасить окна, когда начнутся каникулы, пластиковые-то никогда не вставят... Тогда они еще жили не в этом доме на Крутом — деревенском районе маленьких Березняков, а в двухкомнатной квартирке в Москве, которую Наташа вспоминала без сожаления: вечные суета, толкотня, гам... Но в тот момент, когда забьлся и никак не желал восстанавливаться в памяти этюд Черни, мысли девочки почему-то уцепились именно за эту квартиру: дисгармония звуков, ее наполнявших, меньше всего напоминала музыку.

Но текст все равно не вспомнился. Почти теряя сознание, Наташа на ватных ногах дошла до рояля, слыша только глухой шум в собственных ушах, машинально поклонилась комиссии, села на вращающийся стульчик, который нужно было бы опустить после предыдущей девочки, и с отчаянным внутренним воплем: «Руки вспомнят!» опустила пальцы на клавиши.

Руки вспомнили, но не все. Получив тройку, Наташа долго бродила по закипающим весной московским улицам и мрачно размышляла о том, зачем нужно такой бездарности, как она, отнимать время у прекрасной учительницы, к которой ей повезло попасть? В сентябре Наташа на занятия не вышла. Учительница звонила ей и пыталась уговорить вернуться, не дурить, с кем не бывает — даже с великими пианистами такое случалось, все же люди... Но за лето Наташа уже настолько свыклась с отречением от музыки, что даже не пообещала подумать. К тому же родители подарили ей компьютер, а с клавиатурой иметь дело проще, чем с клавишами рояля.

А сейчас, расхаживая по комнате, Наташа впервые подумала, что тогда проявила малодушие. Сегодня с компьютером на «ты» каждый дурак, а многим ли дано

играть на рояле? Ей вдруг стало так обидно за себя, подавшуюся общему увлечению, моде, — ей всегда хотелось быть выше этого, а оказывается, она потихоньку подстраивалась под общую линейку... Захотелось побежать в гостиную, сдуть пыль с крышки старенького фортепиано, которое родители все же перевезли сюда, не слушая старшую дочь, настаивавшую на том, что его нужно продать. И попытаться возродить в себе хоть отголосок той музыки, что звучала когда-то...

И Наташа уже сделала шаг к двери, когда экран монитора вдруг возвестил: «Новых писем: 1». Она заметила надпись краем глаза и замерла от счастья, мгновенно забыв, куда только что собиралась, потом бросилась к столу. Не успев сесть, она щелкнула «мышкой»:

— Открывай, открывай!

Компьютер послушно сообщил, что письмо прислал Барон, и у нее вырвалось:

— Дурак! А кто же еще?!

Ей вовсе не было обидно, что других приятелей в сетях до сих пор не появилось, Наташе хватало одного. Зато какого! Умный, ироничный, знающий все на свете, с жадностью расспрашивающий о ее жизни...

— Ну, что он пишет?

«Ната, привет! Вынужден попрощаться с тобой ненадолго — уезжаю по делам. На связь выйду через месяцок, и уж тогда мы с тобой наговоримся вдосталь. А сейчас — ни минутки, извини! Твой Барон».

Ласкающе провела по экрану кончиками пальцев, повторила шепотом:

— Твой Барон...

Девочке и в голову не пришло, что у взрослых принято так подписывать письма и это ничего не значит. Человек вовсе не отдается тебе душой и телом, если

в электронном послании стоит «твой». Такое многообещающее слово... Наташа улыбалась, глядя на экран, потом спохватилась и поскорее отправила Барону короткое пожелание: «Счастливого пути!» Ей хотелось верить, что он еще успеет получить письмо.

* * *

Сима вспомнила о ней лишь за несколько минут до начала репетиции, доклеивая голову Дракона для другого, совсем детского спектакля. Спыхватилась: «А этой... Лукьянцевой... еще нет? Ну, и где же мы ходим?! Начинать пора». И тут впервые подумалось, что девочка может и не прийти. Не заинтересовалась. Струсилась. Мама не отпустила, пока уроки не сделала. Чтобы объяснить свое отсутствие, причин всегда найдется с десяток.

— Почему ж я ее номер-то не записала? Неужели еще и эта не придет?

Яростными движениями вытерев перепачканные клеєм пальцы, Сима швырнула тряпку на стол. Тонкие концы картонных обрезков на столе сплетались в причудливый узор. Симин цепкий на все необычное взгляд поймал этот рисунок, и Сима замерла, вглядываясь. Остренькие уголки ядовито впились прямо в мозг: «Все может сложиться в жизни независимо от твоих планов... Само по себе. Ангелина была бы превосходной Гелей, лучше не придумашь. Только она выбрала другую роль. Без меня обошлась... И что я могла с ней поделаться?!»

Схватив мешок для мусора, Сима одним движением сгребла со стола весь ворох обрезков. Могла, могла... От пульсации в голове заболело в левом виске, Сима сморщилась, с силой прижала к нему ладонь. Что там у

нее то и дело бьется изнутри? Опухоль растет? Не дай бог... Она только на ноги поставила свой театр...

Равнодушно откликнулось: «Вот именно. Уже поставила. Теперь он не пропадет и без тебя».

Сима смятенно забормотала:

— Как это — без меня? Это же *мой* театр! Я его выносила, родила.

И сама услышала ответ в этих словах. Никто из детей не умирает от горя, когда уходят их матери. Пуловина давно обрезана, даже энергетическая, ребенок находит новый источник подпитки, пристраивается к нему жадно, нетерпеливо — дай жизни! Печаль позволяет лучше почувствовать особый вкус этой жизни, уловить оттенки. И не порченная ржой эгоизма женщина только и подумает, прощаясь: «Все для тебя, мой маленький. Лишь бы тебе было хорошо». Ему хорошо и без ее напутствия, но благословение всегда окрыляет, с ним легче лететь по жизни... А улететь уже не терпится...

«Но это все не про нас. — Сима резко вернула мысли в привычное русло. — Я не собираюсь бросать свой театр на произвол судьбы! Подумаешь — в виске кольнуло... Я просто не умею болеть. Другие вон только и стонут, и охают».

И, легко забыв о неприятном, она бросилась в зал, где все уже собрались на репетицию. Там, как обычно в ее отсутствие, творилось черт-те что: ребята прыгали на сцену и с нее, гонялись друг за другом и неистово орали, потому что не умели тихо разговаривать между собой. Сегодня их было не больше пяти человек, а шуму столько, будто буянит половина Березняков.

Скрытая полумраком, Сима наблюдала за ними, не шевелясь. Перед ее глазами творилась сюрреалистическая картина: разинутые рты, перекошенные лица, нелепые

позы. Она учила их подражать животным, быть естественными и ловкими, но сейчас она видела перед собой скорее бесов. Они одолели ее детей, изгнали из них то настоящее, что обнаружила Сима в каждом из них...

Но она знала, что стоит ей подать голос, и чары спадут.

— Успокойтесь! — негромко призвала Сима и приготовилась насладиться эффектом.

Всегда поражало, как этим безумным детям удавалось слышать ее голос и мгновенно, словно вывернувшись с изнанки, стать теми, кто был ей нужен, — вдумчивыми, совсем взрослыми людьми, талантливыми и пластичными душой и телом.

Не дожидаясь следующей команды, они быстро заняли свои места и устали на нее в радостном нетерпении. Наташи Лукьянцевой среди них не было. Куснув губу, Сима решила на признание:

— Сегодня у нас должна была появиться Геля. Мне показалось, что я нашла девочку... Очевидно, я была недостаточно убедительна. Наверное, следовало больше рассказать ей о Геле.

— Нужно было показать.

У Симы даже шею прострелило — так резко она обернулась:

— Что ты здесь делаешь?

Махнув тонкой загорелой рукой в ответ на приветственные возгласы («Вот бестолочи! Радуются ей!» — скрипнула зубами Сима), Ангелина прошла к сцене и поднялась на нее так уверенно, будто имела на это право. И с вызовом улыбнулась режиссеру:

— Нужно было сыграть ей одну сцену. Ту самую...

Не только Сима, но и все остальные сразу поняли, что речь идет о том эпизоде, когда изнасилованная отцом Геля пытается сказать об этом матери, но не может

решиться: стоит ли? Родители всегда были так нежны друг с другом... И если бы Геля не примерила прозрачный пеньюар матери — просто из девчоночьего любопытства, перед зеркалом повертеться! — и не побежала бы прямо в нем открыть дверь, ничего бы и не было. Отец так и сказал: «Сама напросилась». И Геля мечется между стыдом за себя и отвращением к отцу, и жалостью к матери, и невозможностью так жить дальше. Как можно просто принять случившееся и сделать вид, будто она — прежняя?! Тяжелая и пронзительная сцена.

— Я встретила Наташу на улице. Я не могла...

Сима не договорила. Могла. Конечно, могла. Нужно было затащить девочку в какую-нибудь подворотню, за старый сарай, каких множество в Березняках, и показать ей Гелины смятение и боль. Может быть, она прочувствовала бы их, как свои... Кто знает, какая там у нее семья?

— Если вам нужна именно эта девочка, ее легко найти через городской телефонный справочник в любом компьютере.

«При ребятах все-таки «вы», — отметила Сима с облегчением. — И то хорошо...»

— Может быть, мне только померещилась в ней Геля, — сказала она в благодарность.

Лицо Ангелины расцвело удовольствием, затуманившим ее разум. Решив, что шаг навстречу сделан с обеих сторон, она умоляюще проговорила, обращаясь к Симе, но заглядывая в глаза каждому:

— А если все-таки мне сыграть Гелю? Это же была моя роль, вы же знаете!

— Нам пора начинать репетицию, — сухо ответила Сима. — Прошу посторонних покинуть зал.

Просительная улыбка еще несколько мгновений дрожала на нежных губах, потом сползла, потянув уголки

вниз. Со сцены Ангелина спустилась так неуклюже, будто у нее сковало все мышцы. Мимо режиссера она прошла, не подняв головы, не обожгла напоследок взглядом, и как раз это заставило Симу сжаться от жалости: «Вот же она — изнасилованная Геля! Живая. Что еще надо?! Кто сможет так разом утратить природную грацию и превратиться в сплошную неловкость? Разве я знала, что она может так некрасиво двигаться? Что я вообще о ней знаю?»

— Ангелина, подожди! — вырвалось у нее.

Человек искусства опять взял в ней верх над обиженным человеком. Их спектаклю нужна была именно эта девушка, и заменить ее было нечем. Как же можно пестовать собственную обиду в ущерб театру?!

Ангелина замерла на пороге, еще не решаясь повернуть голову. Сима окинула быстрым взглядом лица своих детей: они смотрели на нее, едва не открыв рты: «Неужели?!» Оказывается, они хотели и ждали этого. Почему же никто из них до сих пор ни слова не сказал в защиту бывшей подруги, которой они так восхищались?

— Что вы молчите, черт возьми?! — зло выкрикнула Сима. Она редко позволяла себе такой тон с актерами, потому что всегда считала свинством унижать человека, который зависит от тебя. — Почему вы не попросите меня остановить ее? Вы что — ослепли? Не видите, что лучшей Гели нам не найти? А ты что стоишь? — заорала она уже на Ангелину. — Быстро на сцену! Мы же теряем время.

Не сказав ни слова, не заставив Симу ни секунды пожалеть о сделанном, Ангелина легко пробежала на тоненьких каблуках через зал и вспрыгнула на сцену. Ей уже снова было пятнадцать. Она оставила лишние годы

еще там, у двери, без сожаления навесила их на медную ручку. И никакого Вахтанга больше не было в ее мыслях. Никакого «Мерседеса».

— Текст помнишь? — сурово спросила Сима, стараясь не задерживаться взглядом на сияющем от счастья лице девочки, и бросила, не дожидаясь ответа: — Дайте ей текст. Сегодня репетируем другую сцену...

Но начать они не успели. Обернувшись на скрип двери, петли которой давно требовалось смазать, она едва не простионала: «Вот черт!» Наташа Лукьянцева мялась на пороге, близоруко щурясь:

— Извините... Я туда...

— Туда-туда, — выдохнула Сима. — Проходи, Наташа. Ну, знакомьтесь. Это еще одна Геля...

Взглянуть на Ангелину она не смогла себя заставить. Наблюдать, как меркнет то чудное сияние, которое она сама вызвала к жизни? Ей захотелось крикнуть: «Погоди, не гасни! Еще ничего не решено. Она опоздала». Но Сима понимала, что упрекать в опоздании человека, совсем не знающего их города, несправедливо. Она же толком не объяснила девочке, как их найти. В общем, во всем виновата она сама...

Мягко ухватив Наташу за локоть, Сима ласково заворковала, понизив голос, чтобы их не слышали со сцены:

— Наташенька, тут такое дело... Неожиданно к нам вернулась бывшая исполнительница роли Гели. Вот она — Ангелина Полтавцева. Когда я вам... тебе сватала эту роль, об Ангелине не было ни слуха ни духа. И тут вдруг... — переведя дыхание, Сима стиснула в кулак свободную руку и быстро проговорила: — Наташенька, Ангелина очень хорошо подходит для этой роли. Лучше и быть не может.

— Вы же говорили, что я похожа на Гелю. — Наташа взглянула на сцену и отвела глаза. На лицо Ангелины лучше было не смотреть, потому что оторвать взгляд было трудно.

Сима тут же подтвердила:

— Похожа. Но Ангелина... Ей даже играть не надо, понимаешь? Она и есть Геля.

И договорила уже про себя: «А когда играла Герду, была ею. А в «Обыкновенном чуде» — Принцессой. Она просто потрясающая актриса... Какого черта она связалась с этим «Мерседесом»?!»

— И мы с ней уже репетировали эту роль. Раньше... Она практически готова, если Ангелина ничего не забыла. А мне не верится, что она может забыть это.

— Значит, я не буду играть?

— Будешь! Наташа, у нас свободна еще одна интересная роль. Конечно, она не главная... Но иногда, знаешь, второстепенные персонажи выходят более яркими, чем главные.

— Например, шут Олега Даля в «Короле Лире»?

Сима едва не отшатнулась. Даль был для нее одним из тех актеров, ради которых когда-то и был создан театр.

— Ты видела этот старый фильм?

— Трагедия Шекспира еще старше. Я сначала прочитала, папа мне давал, а потом уже посмотрела по телевизору.

— Какая ты умница! — заметила Сима без тени иронии. — Я очень рада, что мы с тобой встретились. И я очень прошу тебя остаться с нами.

Наташа улыбнулась:

— Да вы еще не знаете, смогу ли я играть на сцене! Я и сама этого не знаю.

Вместо обычных прощальных слов Сима сказала ей: «А выдержишь? Это тебе не на сцене лицедействовать... В жизни спектакль не заканчивается через два часа». Ангелина попыталась изобразить улыбку: «А что мне еще остается?»

Получилось не очень — иллюстрация к Симиным словам. Об этом обе подумали одновременно, как всегда и было: некоторые мысли удваивались, приходя в голову обоим сразу, делались как-то значительнее, запоминались надолго. Ангелина догадывалась, что именно поэтому для Симы и стало таким ударом ее решение уйти из дома, но поселиться не у нее, а у Вахтанга. В лучшем особняке на Крутом, выглядевшем помещицкой усадьбой среди домишек крепостных крестьян. Был, правда, еще один неплохой дом, так давно пустовавший, что Ангелина успела забыть его историю. Недавно поселившаяся там семья вызывала недоуменное восхищение: явно не воры и не коммерсанты, детей куча мала, а сумели купить такой дом. Видно, своим трудом заработали...

Ангелине не хотелось знакомиться с этой семьей. Как смотреть в глаза таким людям? Ей, продавшейся за сытный обед... И когда старшая девочка семьи Лукьянцевых так же неожиданно, как и она сама, появилась в «Версии» на репетиции, да еще и оказалась той самой претенденткой на роль Гели, Ангелина испытала смятение едва ли не большее, чем утром, когда встретила в уличном кафе Симу.

Но волнение всегда только помогало ей, и она отработала требуемый эпизод из спектакля так, что Сима качнула стриженной, «вороньей» головой, пряча улыбку: «Хороша, чертовка!» Так она хвалила ее раньше, хотя Ангелину коробило, когда поминали черта.

— Как это уживается в тебе? — допытывалась Сима, когда они еще были близки, как сестры. — Воспитана в такой религиозной строгости, что у старообрядцев и то, наверное, попроще, а тянешься к актерству? Это внутренний протест или усталость от вечного поста?

Когда Ангелина ушла к Вахтангу, Сима о ее религиозности даже не заикнулась. Она не могла понять и принять другого: как Ангелина решилась отказаться от театра?

Ее возвращение удивления не вызвало — это должно было случиться. Но предупредить о трудностях постоянной... нет, уже не игры — лжи! — в повседневной жизни Сима считала себя обязанной. Или лгать каждым вздохом, или уходить. Других вариантов не существовало.

Остановив машину у крыльца, Ангелина смотрела на дом, построенный с кавказским размахом, но без учета единства стиля. Здесь было смешано и барокко, и классицизм, и модерн. Вычурное, безвкусное, нелепое сооружение, уродующее и без того захолустную окраину.

В родном ее доме было всего две комнаты, и Ангелина спала на одной кровати с бабушкой, потому что делить диван с подростком братом было уже неловко. А родители ютились в проходной, вызывая прилив негодования у бабушки, если начинали дышать громче положенного. Всегда находился повод, почему их должен наказать Бог за плотские утехи, не дозволенные именно в этот день. Ангелина с младенчества слышала, что она зачата в страшном грехе, потому что тогда шел Великий пост, а ее распутные родители...

— Это все мать твоя, — цедила бабушка сквозь зубы, жарко дыша девочке в ухо. — Кошка ненасытная... Со всем сын мой из-за нее в грехе увяз! Не будет ему про-

щения на том свете. А уж матери-то твоей пламя черти разведут пожарче!

Ангелине было жалко маму, которая ничем не напоминала кошку. Уж та фыркнула бы с независимым видом и ушла на все четыре стороны. А мама в бабушкином присутствии глаз боялась поднять, лишний жест сделать. Только тайком, торопливо гладила Ангелинины волосы, прижимала к груди кудрявую головенку ее младшего брата и снова хваталась за работу, которой у нее всегда было как у Золушки. И платье такое же заносенное — до того, что сеточки светились под мышками.

— Бабушка злая? — спросила Ангелина несколько лет назад, когда они остались с матерью вдвоем.

Та испуганно передернулась:

— Что ты! Ваша бабушка — святая женщина.

— Разве святые не должны всех любить? — не унималась девочка. — Христос вон всех любил. Скажешь, не так?

Мама отозвалась неуверенно:

— Бабушка тоже любит. Она всем нам добра желает.

Не сдержавшись, Ангелина выкрикнула, оскорбленная материнским смирением:

— Она тебя кошкой называет! Говорит, что ты папу в грех втягиваешь.

— Я?! — ахнула мать. — Да мне оно и не надо сроду...

— Не надо? Совсем?

— Рано тебе еще задавать такие вопросы, — спохватилась мама. — Разве этим можно в тринадцать лет интересоваться?

Ангелина фыркнула:

— Депутаты вон хотят разрешить замуж с четырнадцати выходить, а ты поговорить боишься!

— С четырнадцати? Да быть не может! Когда же девочки жить будут, если так рано — замуж?

Ангелине запомнилось: если замужем — значит, уже не жизнь. И, приглядываясь к матери все чаще, она получала только подтверждение этому. Унизительно, больно, мерзко... Зачем вообще это нужно?!

Она и сейчас, уже прожив с Вахтангом несколько месяцев, не нашла ответа на этот вопрос. Спала на шелковых простынях, ванну принимала в джакузи, ужинала в ресторане, а в остальном было так же, как у матери, — унизительно, больно, мерзко. Зачем это нужно женщине? К нему Ангелина сбежала сразу после выпускного бала, не распаленная желанием, а измотанная ненавистью, на которой зиждилась их семья. А Вахтанг нашептывал о любви... И, наверное, действительно любил, по-своему, по-мужски, отчего как раз и становилось больно и мерзко. С чего она взяла, что любовь чем-то лучше ненависти?

Лишь однажды ей показалось, что человек, которого она по-настоящему любит, может стать ей другом без всяких условий. И она уже готова была умолять Симу принять ее к себе, лишь бы освободиться от гнета отчей нелюбви, как однажды, перемывая чашки после вечернего чая, вспомнила то, о чем хотела спросить (сейчас уже забылось — о чем?), и, не выключив воду, вышла из кухни. Сима скрючилась на коленях перед тумбочкой, где хранились фотоальбомы, и целовала снимок своих дочерей. Ангелина узнала его издали, потому что ревность выделила из десятков других, вынудила запомнить.

Вернувшись в кухню, она домыла посуду и тихонько ушла, не попрощавшись. Ушла к Вахтангу, который уже и не надеялся заманить ее...

«Нужно выйти из машины и подняться к нему, — подумала Ангелина с тоской. — Сейчас начнет допрашивать: где была? С кем? Почему телефон на целых два

часа выключила? Лучше сразу сказать ему про театр, а то он накрутит столько — сама не рада буду, что правду скрыла. Весь город носом перероет, будет соперника искать. Полный идиот!»

Мстительно хмыкнув, она решилась выбраться из «Мерседеса» и, стараясь держать спину прямо, быстро прошла к двери. Было не видно — красное закатное солнце било в окна, — но Вахтанг вполне мог наблюдать за ней. Ангелина все же подняла голову, прищурилась, но стекла показались залитыми кровью. Ей захотелось поежиться: страшновато... Нет чтобы зазвать в гости эту новенькую девчонку — Наташу Лукьянцеву, все не так жутко было бы входить в свой же дом. Нет, не свой... И своим, похоже, не станет. Тот, пропахший затхлостью и невкусной едой, тоже не стал. Может, ей просто не суждено иметь свой дом — такой, в котором любишь каждую плашку пола, каждый гвоздь в стене? Не приживается она как-то... Уже и здесь плохо. А будет ли где-нибудь лучше?

Пытаясь хотя бы внешне изобразить независимость, Ангелина свободным жестом отбросила густые волосы, чуть прищурила глаза, чтобы страх во взгляде был не так заметен, и, наконец, шагнула через порог. В груди у нее колотилось так лихорадочно, что стоило Вахтангу приблизиться вплотную (а он вообще не мог разговаривать без того, чтобы одновременно не тискать ее), и он без труда уловил бы, как она испугана.

«От чего? — потребовала она у себя ответа. — Я ничего не сделала такого уж... Репетиция — это же не свидание с другим! Да нет... Именно свидание. Больше, чем свидание».

Не обнаружив его в холле (думалось-то, что поджидает за порогом!), Ангелина растерянно огляделась,

прислушалась, не доверяя тишине, которая могла расколоться криком в любой момент. Сбросив туфли, чтобы не стучать каблуками, прошла в гостиную, зацепилась взглядом за рога зубра, которые этот дурак Вахтанг повесил на стену, несмотря на то что рядом находился заповедник, злорадно подумала: «Тебе такие были бы в самый раз...» И показала язык зеркалу, без обиды подтвердившему следом: она все равно красавица, хоть и корчит рожи.

На первом этаже никого не оказалось, и Ангелина с тоской подумала, что дела как в сказке — чем дальше, тем страшнее. Со второго этажа Вахтанг может запросто спустить ее, а это уже совсем не то, что убежать с первого. Но делать было нечего. Не отсиживаться же здесь всю оставшуюся жизнь? В любом случае нужно переодеться — во время репетиции посадила на платье несколько пятен.

Внезапно осенило: а что, если наврать, будто заезжала к своим? И сотовый, мол, выключала потому, что бабуля не выносит все эти новомодные штучки. У них и городского-то телефона до сих пор нет... А чтобы потом не пришлось ехать туда вместе с Вахтангом и подтверждать визит к родителям, можно сказать, будто любимая бабушка погнала ее палкой и, спасаясь бегством, Ангелина натыкалась на все подряд, вот платье и перемазала.

Уже просияв от радости, она вдруг подумала, что именно так и было бы, если б она появилась дома, и улыбка тут же обернулась плаксивой гримасой.

«Нет, не сейчас! — остановила она себя. — Ночью наплачусь. Когда он захрапит прямо на мне и придется его сталкивать...»

Придуманная версия разодрала Ангелину, пока она поднималась на второй этаж. Если выдать именно

ее, то придется придумывать что-то каждый раз, когда ей нужно будет идти на репетицию. А пропускать нельзя, особенно сейчас, когда появилась конкурентка. Если Сима снова разозлится, то махом отдаст роль Наташке... И Ангелину больше на порог не пустит.

Остановившись перед закрытой дверью в спальню, Ангелина попыталась дышать ровнее, но от мысли, что деваться некуда и придется сказать правду, у нее перехватывало горло. Слегка помассировав его пальцами, она решительно толкнула дверь и сразу же увидела голого Вахтанга, возлежавшего на их постели в позе Данаи, о которой он наверняка и не слышал. Складки толстого живота оплывали на покрывало чудовищным наростом, покрытым шерстью, пальцы волосатых ног возбужденно шевелились — по их движению Ангелина первым делом определяла, что сейчас ее опять призовут к ответу за красоту.

«Но сейчас-то меня ведь даже дома не было! — едва не взвыла она. — Сам себя распалил, что ли?!»

Ей тут же пришло в голову, что, может, это и к лучшему. Может, пока он так одержим ею, удастся уговорить его отпустить ее на репетиции. Разве ему не хочется, чтобы она блистала на сцене, а он горделиво поглядывал бы по сторонам: «Это моя женщина!»

Правда, роль у нее в этой пьесе такая, что любому нормальному мужику стало бы стыдно за себя и за весь свой род. Ангелина подозревала: Сима специально выбрала эту пьесу. И ее желание отыграться на сильной половине человечества хотя бы таким образом, было вполне понятно. Озадачивало другое — автором пьесы был мужчина...

— Привет, дорогой! — пропела она тем голоском, который у нее самой вызывал отвращение. — А ты, я смотрю, уже в полной боевой готовности?

— Раздевайся, — коротко приказал Вахтанг.

«А что еще я надеялась от него услышать? Хорошо, что я не пригласила Наташку в гости. Она еще маленькая, ей рано знать, как это бывает...» — Неудобно завернув руку, Ангелина расстегнула замок на спине, вышагнула из платья.

— Все снимай, все! — нетерпеливо выкрикнул он. — Давай, на лыжах катайся!

Она так и взвыла:

— Опять?!

Вахтангу страшно нравилась биатлонистка Лив Грета Пуарэ, и время от времени, измученный своими фантазиями, он заставлял Ангелину раздеваться и имитировать лыжный бег. Потом ложиться на ковер, широко раздвинув ноги, и «стрелять» по видимой ему одному мишени, обязательно содрогаясь всем телом от каждого выстрела. Стрельбу стоя он волевым решением отменил. Такая поза — со сгорбленной спиной — его не возбуждала.

— Беги, беги! С горки едешь... Да попой ко мне повернись! Вот хорошо...

«Сволочь! — подумала она с ненавистью. — Извращенец хренов! Да Лив Грета на тебя плюнуть бы побрезговала, урод...»

— Теперь стреляй. Ай, молодец — в «яблочко» попала!

«Я бы тебе попала в «яблочко». — Ангелина старательно изобразила отдачу от выстрела. — Если б твоя рожа была мишенью, я точно не промазала бы».

— А теперь сюда прыгай. Да скорей, скорей!

Она вскочила на постель, упала навзничь: «Ну, сейчас раз-два, и все. Мог бы и без меня справиться...»

Захрипев ей в ухо, Вахтанг расслабился, совсем расплющив Ангелину, с тоской признавшую, что упустила

момент, теперь заводить разговор о театре уже бесполезно. Сейчас он от нее ничего не хочет, значит, и ее желания не имеют значения. Вот когда ему снова приспичит посмотреть биатлон...

* * *

Она не держала фотографий на комодe, не развешивала их по стенам, как теперь было принято. Ничего не имела против этой заимствованной на Западе моды, но постоянно наткаться взглядом на лица отвергнувших ее дочерей было слишком больно. Точно жить в узкой трубе, усеянной шипами...

Конечно, было всего лишь хоть и жутковатым, но совпадением, что Ангелина была ровесницей ее старшей дочери, а Наташа Лукьянцева — младшей. И Сима даже не сразу поняла это, ведь не о возрасте спросила, когда поймала девочку за рукав. Ощущение маленького, трепещущего птенца осталось в ладони... У ее Лизоньки ручки, наверное, такие же тоненькие, ведь в раннем детстве она походила на мать, значит, ростом не выйдет. Для нынешних девчонок это трагедия, будет еще и за это проклинать Симу...

Когда виделись в последний раз, Лизе было одиннадцать, волосы пока не набрались материнской жесткости и черноты, разлетались сереньким пушком. Сима рванулась прижаться к нему лицом, но девочка оттолкнула ее и выкрикнула с легким американским акцентом, повергнувшим Симу в уныние:

— Не трогай меня! Ты меня бросила, теперь не лезь!

— Я не могла уехать из России, — пробормотала Сима, понимая, как это неубедительно звучит в устах

матери, не сумевшей отказаться от абстрактного для дочерей дела ради детей.

Конечно, она должна была оставить свой театр, сказала себе Сима в миллионный раз. Должна была поставить крест на всех своих мечтах и отправиться вместе с ними в Штаты, где была бы одной из тысяч — мужней женой. Но была бы и матерью, и Лиза не отталкивала бы ее руки, а сама бросалась бы на шею, как было раньше, когда Сима приходила за ней в детский сад. Они всегда держались за руки, хотя машин в Березняках можно было не опасаться. Им просто было необходимо касаться друг друга, делиться теплом, незаметно для остальных поглаживать пальцы. Громко хрустеть опавшими листьями, громко делиться важными детсадовскими новостями, громко смеяться, не стесняясь прохожих, которые по-настоящему и не существовали для них двоих. Никого больше не было в мире.

Когда-то так же было и с Ритой, старшенькой, которая теперь просто не замечала мать. На ходу подарила вежливую улыбку — точно такую же, как таксисту, который доставил Симу к их дому в Далласе и донес чемодан до крыльца. Парень оказался русским эмигрантом из Питера, и всю дорогу они с Симой проговорили не умолкая. Это был последний человек, с которым ей толком удалось поговорить в Америке. Рита даже не спросила, как она долетела — и, собственно, зачем? Лиза хлестнула упреком и убежала в свою комнату.

Их отец, изображая смущение, развел руками:

— А что ты хотела, дорогая? У них трудный возраст. К тому же положила руку на сердце их можно понять...

— Я-то их понимаю. Это они отказываются понять меня.

— Нет, им как раз все понятно, дорогая!

— Перестань называть меня «дорогой»! Терпеть этого не могу.

У Антона — Энтони! — разом затвердело лицо:

— Не указывай мне в моем доме, как и что я должен говорить. Если тебя что-то не устраивает, ближайший отель в пяти минутах езды. Ты сама напросилась приехать к нам, мы тебя не приглашали.

— У меня есть твое приглашение...

— Это всего лишь формальность.

— Я знаю. Наши отношения теперь — сплошная формальность.

— Это ты сделала их такими, дорогая. — Он улыбнулся с американской жизнерадостностью. — Хочешь чего-нибудь выпить?

У Симы вырвалось:

— С тобой? Нет, спасибо.

Опустившись в белое кожаное кресло («Жлобское!» — отметила Сима), Антон закинул ногу на ногу и спросил с той ласковостью, по которой она определяла, что он закипает от бешенства:

— Что еще тебе предложить? Обратный билет на самолет?

— У меня есть, успокойся.

— О! И когда же ты отчаливаешь, дорогая?

— Я рассчитывала побыть здесь неделю...

Он качнул головой:

— Это много. Девочкам вредно испытывать дискомфорт так долго.

— И когда же ты собираешься меня выставить?

— Завтра.

Это прозвучало так жестко, что Сима даже не нашла что возразить. Она взглянула на часы: этот день почти закончен, а утром Антон отправит ее в аэропорт. Зачем

надо было тащиться через полмира? Чтобы переночевать в комнате для гостей?

— Я хочу... Я должна попытаться еще раз...

— Попытаться — что? — с интересом уточнил он.

Только теперь Сима расслышала, что в его речи тоже появился едва заметный акцент. Они, все трое, изо всех сил старались превратиться в американцев. Нацию попкорновых толстяков, от имени и в интересах которых пытаются уничтожить мир. Ей стало страшно.

— Попытаться поговорить с девочками... Мы же можем просто поговорить!

— С ними тебе будет труднее найти общий язык, чем со своими актрисульками.

— В этом я уже убедилась, ты мог бы и не напоминать.

— Но о чем-то же нам надо беседовать!

— Необязательно, — решила Сима за обоих, как делала всегда. Правильно ли?

Антон пристально следил за ней, пока она поднималась наверх, и его ненавидящий взгляд сверлил Симе спину между лопатками. «Как же ему хочется, чтобы я сейчас оступилась и свернула себе шею! Он ведь до жути боится, что мне удастся вернуть девочек. Хотя бы их сердца...» — Она подарила бывшему мужу улыбку, растянутую до американской.

— Не оступись, дорогая, — напутствовал он. — К этой лестнице нужно привыкнуть.

— Я всю жизнь карабкаюсь вверх, дорогой. Этим меня не испугаешь, — отозвалась она.

Вот что действительно страшно было сделать, так это постучать в Лизину дверь. Когда они все вместе жили в Березняках, комнаты не закрывались, просто незачем было, ведь у них все было общее, одно — на

всех. Даже у них с Антоном, хотя сейчас в это трудно было поверить и плохо помнилось. Но — было! Тринадцать лет счастья. Может, число виновато? И нужно было всего лишь попытаться удержать его в России еще на год, вцепиться и не пускать... Тогда бы его когда-то так неистово любимое Симой лицо не изуродовала американская гримаса. Но у Антона возникло Дело. Предложение, от которого он не смог отказаться. У него дело, и у нее — дело.

Все остальное угодило в пропасть между этими важными делами, а среди этого остального был и громкий смех на засыпанной листьями улице; и хрустящие вафли-трубочки, которые пекли все вместе, потешаясь над вафельницей, издававшей протяжные стоны; и «прикольные» записочки, которые писали друг другу на липких бумажках и наклеивали в самых неожиданных местах... Все это как раз и было их жизнью. Как она могла пожертвовать реальностью любви ради откровенно эфемерного театрального искусства?!

«Но люди уходят после наших спектаклей потрясенными, преобразенными, унося свет в душах, — наспех заспорила с собой Сима, стоя перед дверью младшей дочери. — Разве это не стоящее дело? А если говорить об эфемерности, так ведь и душа человеческая такова. Может, тогда не стоит и стараться ради нее? И тогда религия, литература, музыка, театр, живопись не нужны вовсе? Вот этим, попкорновым, точно не нужны...»

Она понимала, что несправедлива к американцам, и в этой стране не у всех мозги заплыли жиром. Концертные залы полны, и художники...

Дверь перед ней распахнулась так неожиданно, что Сима не успела додумать. И, очевидно, сожаление отразилось на ее лице, как случалось всегда, если она

теряла мысль. И Лиза это сразу заметила, — тоже еще окончательно не утратила связи с тем прошлым, когда они были родными, — ошетинилась:

— Что ты хочешь?

«Боже мой, она скоро разучится говорить по-русски! Или будет коверкать слова и фразы, как голливудские актеры, играющие наших...»

— Тебе редко приходится общаться с русскими?

— Я с ними не общаюсь, — отрезала дочь, презрительно скривив рот. Когда-то она, засыпая у Симы под боком, несколько раз поворачивалась, прежде чем уснуть, и целовала мать в губы. — Они все воры. Ты зачем приехала?

— Повидать тебя. Вас с Ритой.

— Повидала?

Лиза уже хотела захлопнуть дверь, но Сима успела упереться в нее ногой. Колено заныло, удерживая напор ненависти, переполнявшей девочку.

— Пусти! — взвизгнула она, покраснев от натуги и гнева. — Я вызову полицию.

От изумления Сима так и обмякла, отступила:

— Что ты сделаешь?

Но Лиза уже и сама сообразила, что сболтнула глупость несусветную, даже почесалась от неловкости. Отвела глаза, буркнула:

— Ничего. Что тебе нужно в моей комнате?

— Всего лишь хотела взглянуть, чем ты сейчас живешь...

— Зачем это?

— Мне хочется это знать... Я буду представлять тебя в твоей комнате, когда вернусь домой.

Презрительная гримаска исказила лицо девочки почти до неузнаваемости.

«А у нее выразительная мимика, — непроизвольно отметила Сима. — Можно было бы попробовать поработать с ней на сцене. Господи, о чем это я?!»

— Думаешь, я заплачу от жалости?

— Ко мне? Нет, конечно. Может, от жалости к себе?

— А себя почему жалеть?

— Потому что ты уже с трудом говоришь по-русски! Боюсь, что ты уже и думаешь, как американка. И мир воспринимаешь с их тупым самодовольством.

Отступив, словно ища поддержки у ставших привычными вещей, Лиза прокричала, сжимая кулачки:

— Ты просто завидуешь! Вы там гниете в своей России, а у нас все есть!

— Я вижу. — Сима отважно шагнула за ней следом, быстро осмотрела комнату: постеры, компьютер, аудиосистема. Из книг — только учебники. — Я привезла тебе кое-какие книги.

— Зачем?

— Зачем книги? В великой державе этого не знают?

— Джоан Роулинг пишет по-английски. А что еще читать?

Симу бросило в жар, даже руки задрожали:

— Неужели ты действительно так думаешь? Если только пытаешься вывести меня из себя, то лучше не надо. Не унижай себя такими словами.

— Я не поняла, что ты сказала, — заявила девочка с вызовом.

— Ты все поняла. Давай не будем спорить... Я ведь только хотела узнать, хорошо ли тебе здесь?

— Хорошо!

«Когда человеку на самом деле хорошо, он не кричит об этом с таким напором», — подумала Сима с грустью. Но дочери улыбнулась:

— Ну, и слава богу! Теперь мне будет спокойней.

Стало заметно, что девочка слегка опешила:

— Это все?

— А что еще нужно, если тебе хорошо?

— И ты больше ничего не хочешь?

Сима вздохнула:

— Хочу. Я очень хочу усадить тебя на колени, обнять крепко-крепко, поцеловать твои волосы, твои глаза, щеки... И рассказать, как я люблю тебя. Но ты ведь, наверное, не позволишь этого?

Все Лизино личико напряглось, съежилось:

— Ты не захотела жить со мной! А теперь говоришь, как любишь!

— Что мне делать в этой стране? — взмолилась Сима. — В России мои зрители, мои актеры, воспоминания, вся жизнь! А тут — что?

— А тут я, — тихо сказала девочка. — Уходи. Я не верю, что ты меня любишь. Или это очень маленькая любовь...

...Закрыв альбом, Сима ладонью вытерла слезы — платка никогда не оказывалось под рукой. Старшая дочь даже не открыла ей.

Всю ночь Сима провела в комнате для гостей, а утром Антон отвез ее в аэропорт и сам заплатил за регистрацию билета на более ранний рейс. С тех пор они больше не виделись.

* * *

— Зачем она пригласила автора? — спросила Наташа как можно тише, чтобы Сима не расслышала. — При нем как-то страшно играть... Так всегда делается?

Ангелина дернула губами, выразив неосведомленность:

— Я такого не помню. Правда, Андерсена как пригласить было?

— Вы ставили Андерсена?

— «Снежную королеву». Давно уже.

— Ты играла...

— Герду. Это была моя первая роль. — Ангелина улыбнулась, но улыбка вышла какой-то жалкой.

Проследив, как длинные пальцы без усталости наматывают и распускают поясok летней юбки, Наташа быстро проговорила, наклонившись так, что их волосы примагнитились:

— Хорошо иметь такого друга, как Герда.

— Наверное, — отозвалась Ангелина равнодушно. — У меня никогда не было друзей.

— Никогда не было друзей? Совсем никогда?

— Меня практически не выпускали из дома. Из школы сразу домой. Молитва, уборка, уроки...

— Ты молилась после школы?

Наташа попыталась представить ее стоящей на коленях. В воображении это выглядело как-то ненатурально, словно кадр из плохого фильма. Может, потому, что в их семье это не было заведено и она видела молящихся только в кино.

Дернув поясok, Ангелина пробормотала:

— Попробуй не помолись! Бабуля меня со свету сжила бы. Она из тех, кто ради веры способен камнями забросать...

И крикнула Симе:

— Может быть, мы начнем репетировать? А когда этот ваш автор, наконец, появится, прервемся. Хотя за-

чем — непонятно... Он же все уже сказал этой пьесой! Что он еще хочет добавить?

В сотый раз просматривавшая текст Сима подняла голову:

— Ты очень торопишься?

— Не очень. — Ангелина тут же пошла на попятную. — Просто не хочется торчать тут без толку...

— Так иди домой. Если там от тебя больше толку.

«Как-то она с намеком это сказала, — уловила Наташа. — Ей что-то известно об Ангелине... особенное. А я вообще ничего о ней не знаю».

Вроде бы это и не могло быть поводом для переживаний, ведь в последнее время рядом с Наташей Лукьянцевой появилось много людей, подробности жизни которых были ей неизвестны. Но как раз об Ангелине ей хотелось бы знать побольше. Не только потому, что до сих пор Наташа еще не встречала вживую таких красивых людей. Ее притягивала некая печальная тайна, отсвет которой виделся в Ангелинином взгляде. Мгновенно гаснущая улыбка, нервные пальцы, явственно проступающее беспокойство — все это выдавало постоянную тревогу, но о чем или о ком, Наташа спросить не осмеливалась.

Она решила попытаться разузнать исподволь:

— А о чем ты молишься?

— Уже не молюсь, — отозвалась Ангелина не сразу. — Я получила все, что хотела.

«Это вряд ли, — подумала Наташа с сомнением. — Не похожа она на счастливого человека... Когда мы подарили маме мастерскую, вот это действительно было для нее счастьем!»

— Я не совсем поняла, — робко начала она, — ты уже замужем, что ли?

— Нет!

Это прозвучало так, будто Ангелина оттолкнула ее. И подступиться с расспросами снова теперь казалось невысказанным.

Чуть отвернувшись, Наташа принялась разглядывать зрительный зал, который сейчас был занят скучающими артистами, небольшую сцену, пустую без декораций и действия. Обычно она была освещена, а зрителей скрывал полумрак, но сейчас Сима везде включила свет, и очарование таинственности сразу исчезло, возникло ощущение будничности, даже скуки, с которой для Наташи никогда не был связан театр.

«Для Симы это — просто работа? Все равно что овощами торговать? Или она еще улавливает присутствие чуда, которое я тут ощутила в первый раз? Тогда Ангелина играла так, будто ей предстояло умереть после репетиции и ей непременно нужно было, чтоб ее запомнили такой... Вот это и называется — обыкновенное чудо. А сейчас сидит рядом как ни в чем не бывало и ногти грызет. Как самая обычная девчонка...» — Наташе захотелось силой опустить ее руку, прокричать ей в лицо, что она не может вести себя как простая смертная, не имеет права! Она должна нести свой талант бережно, точно драгоценный нектар, себя подавать как сокровище, к которому даже приблизиться страшно... Неужели Ангелина сама не понимает этого? Те люди, что с ней рядом, не понимают...

— Я не замужем, — неожиданно заговорила Ангелина о том же. — Но я живу с одним типом... Об этом ты, наверное, и слышала. Болтают, да? Я так и знала... Сбежала к нему из дома, думала — на свободу! А оказалось... Ну, в общем, как всегда.

— Ты его не любишь? — еле слышно прошептала Наташа.

— Ненавижу.

Вот в это поверилось сразу, потому что в нежном Ангелинином лице внезапно проступила та холодная жесткость, что сейчас, пожалуй, позволила бы ей сыграть в «Снежной королеве» другую роль. И у Наташи от жалости зашло сердце: это же как надо было потрудиться, чтобы так ожесточить Герду...

Она проговорила умоляюще:

— А уйти от него ты не можешь?

— Куда? К своим вернуться? Чтобы меня бабка поедом ела? Да она такую грешницу и на порог не пустит...

— А хочешь, — Наташа даже подскочила, осененная спасительной идеей, — хочешь у нас пожить? У нас есть свободная комната! Дом, знаешь, какой здоровый!

Не выказав ни малейшей радости, Ангелина кивнула:

— Видела. И как это твой папа-врач ухитрился купить такой?

— Нам его бабушка в наследство оставила. Но лучше бы она не умирала. Родители не сразу переехать решились, все-таки Москву бросать... Все спорили, пока моя младшая сестренка не родилась. Тогда уже у нас совсем не протолкнуться стало.

— А у бабушки откуда взялся этот дом? — Вот теперь Ангелина будто проснулась. — Дедушка каким-нибудь партийным начальником был?

— Был, — отозвалась Наташа с вызовом. — Так ты будешь жить с нами?

И снова отчуждение:

— С какой стати? Думаешь, твои родители будут счастливы заполучить приживалку?

— Почему — приживалку?!

— Все, хватит об этом. И не заговаривай даже. Я свои проблемы сама разгребу. Хватит на кого-то надеяться...

Все, молчи! — заметив, что Наташа пытается что-то возразить, прервала она. — Вон Потапов приехал. Сейчас начнет нам мозги вкручивать.

Обернувшись к двери, Наташа увидела, как Сима трясет руку кому-то, больше похожему на артиста, чем на драматурга.

— Ты уверена, что это и есть Потапов? Стильный такой... Симпатичный, да? И не такой старый, как я думала. Вообще — молодой!

— Значит, это не он был тем отцом, — пробормотала Ангелина. — По возрасту не подходит... А я уж думала, он пытается от чувства вины избавиться.

— Ты думала, это он о себе написал? — удивилась Наташа. — Да разве в таком кто признается? Хоть и в пьесе...

— Да сколько угодно! Серийные убийцы и то воспоминания пишут. Бестселлерами становятся, между прочим.

Присмотревшись, Наташа убежденно сказала:

— Он не похож на насильника.

— Они все не похожи...

— А как его, кстати, зовут? Сима все: Потапов да Потапов. Смешная фамилия, правда? Не подходит для писателя.

— Не знаю, как его зовут, — буркнула Ангелина, снова занявшись своим пояском. — Надеюсь, теперь мы начнем репетицию?

Подтащив Потапова за руку, Сима радостно провозгласила:

— Долгожданное свершилось! К нам приехал автор пьесы «Что такое палисадник?» Лев Алексеевич Потапов.

— Лучше — без Алексеевича, — поправил он.

Ангелина тихо просвистела:

— Гос-споди... Он еще и Лев!

— Разве в литературе может быть второй Лев? — поддержала ее Наташа, еще не разобравшаяся, нравится ей Потапов или вызывает отвращение.

Он был так красив, что трудно было отвести взгляд. Серые глаза казались слишком большими, чересчур насмешливыми. Правда, смущали темные, набрякшие круги под ними, что Наташа привыкла считать признаком пережитого страдания или алкоголизма. Где-то она читала об этом... Неужели человек с таким лицом мог страдать? Взгляд его казался слишком ироничным, а губы выражали постоянную готовность к улыбке. Или все же к усмешке? Едва наметившаяся ямка на подбородке... Короткие волосы теплого, золотистого оттенка.

— Он похож на Джуда Лоу! — сообразила Наташа. — А я-то думаю, почему мне сразу показалось, что он больше напоминает артиста, чем писателя! Ты ведь знаешь Джуда Лоу?

— Не помню, — отрезала Ангелина.

Она нервничала все заметнее и каждую минуту поглядывала на часы.

— Может, он — алкоголик? — продолжая свою мысль, проговорила Наташа, больше не обращаясь к ней. — Говорят, все писатели пьют...

Сима, от которой так и разлетались искры радости, подтащила Потапова к ним:

— Вот наша Геля.

— Которая из двух? — уточнил он, заставив Ангелину вспыхнуть.

Наташа поспешно сказала:

— Конечно, она. Вы бы видели, как она играет!

— Надеюсь, что вы доставите мне такое удовольствие.

Он вроде бы говорил вежливо, но даже Наташе слышалась издевка в его тоне. «Зачем он так? — вскрикнула она про себя. — С Ангелиной нельзя так... Она и без него вся — оголенный нерв!»

Но Ангелина тоже огрызнулась, порадовав ее:

— Доставлю. Не сомневайтесь.

Сима засмеялась:

— Вы с нашей Ангелиной поаккуратнее. Она из тех, кому палец в рот не клади. Не стоит даже протягивать.

— Серьезно? Геля такой не была, — заметил Лев.

— Ангелина может быть всякой, — завершила его Сима. — Сами увидите.

Ангелина неожиданно встала:

— Поздно. Вы слишком долго добирались, господин Лев. Мне уже пора уходить.

— Ты с ума сошла? — задыхнулась Сима.

— Репетиция была назначена на семь часов. Сейчас уже без двадцати девять. До свидания.

Схватив ее за руку, Сима отчеканила:

— Ты никуда не пойдешь, поняла? Пока мы не покажем хотя бы одну сцену, ты останешься здесь.

— Вы хотите, чтобы меня убили? — поинтересовалась Ангелина с таким спокойствием, что это произвело впечатление даже на Потапова.

— Не надо крови. — Правый уголок его губ пополз кверху. — Я вполне могу подождать до завтра. Надеюсь, в ваших гостиницах найдется один свободный номер?

Сима быстро закивала:

— Я все устрою, Лев Алексеевич.

— Сима!

— Простите! — Она прижала руку к груди, выразительно округлив глаза. — Просто — Лев. Как я могла забыть?

Не дожидаясь, пока они закончат любезничать, Ангелина быстро пошла к выходу, больше ни с кем не прощаясь. Потапов проводил ее взглядом.

— Кто знает, — сказал он, — какой стала бы Геля через какое-то время...

— Она — лучшая Геля, — убежденно произнесла Сима. — Завтра вы убедитесь в этом.

* * *

Уже после все произошедшее показалось ей сценой из дешевой мелодрамы: она устроила его в номере, он удержал ее руку, протянутую на прощание.

— Разве вы не останетесь?

— Да вы с ума сошли! — Сима взглянула на круглые настенные часы, даже на вид стоившие копейку, как и весь номер. — Уже почти полночь. Я и сейчас-то с трудом доберусь домой. С такси у нас тут проблемы...

Лев потянул настойчивее:

— Серьезно? Вот и оставайтесь. Не пешком же идти среди ночи.

— Лев Алексеевич, вы перепутали роли. Вы — не герой-любовник, вы — автор, — отчеканила она, чтобы разозлить его хотя бы отчеством, которое было вполне приличным, но почему-то раздражало Потапова больше, чем претенциозное имя.

Но на этот раз он только поморщился и улыбнулся во весь рот. Тому, кто видел его улыбку, немедленно хотелось острить и валять дурака, лишь бы это сияние не гасло. Но Сима успела подумать об этом раньше, чем впасть в зависимость, и потому постаралась так же улыбнуться в ответ. *Так*, конечно же, не получилось, но какое-то подобие солнечного света она из себя выжала.

Не отпуская ее руку и уже причиняя боль, потому что Сима не оставляла попыток вырваться, Лев ласково проговорил:

— Ладно, пусть я не герой-любовник... Но я ведь не безнадежный урод, чтобы перспектива провести со мной ночь так ужасала! А в ваших глазах — ужас.

— В моих глазах — обида, — пояснила Сима, стараясь не распалиться и говорить спокойно.

— Серьезно? Обида на что?

Склонив голову набок, он заглядывал в ее глаза с таким простодушным видом, что Симе захотелось не отчитать его, а потрепать по щеке. Прижать ладонь к этой щеке и насладиться теплом, которого она еще не знала. Рукопожатие, из которого Сима так упорно выбиралась, не позволяло прочувствовать его...

— На то, что меня приравнивают к гостиничной шлюхе, которой к тому же можно и не платить, — ответила она, и сама услышала, какая глупость прозвучала.

Лев рассмеялся взახлеб, совсем по-детски:

— А вы хотите, чтоб я вам заплатил?

— Я сама могу вам заплатить!

— Ага! — У него даже глаза просияли. — Так вы иногда покупаете себе мальчиков, а? Признавайтесь!

— Вы — не мальчик.

Вздыхнув, он подтвердил:

— Не мальчик. Похоже, мы с вами ровесники. Я староват для вас? Это мой преклонный возраст мешает вам остаться?

— И мои нравственные устои. — Сима оскалилась и мгновенно спрятала улыбку.

Неожиданно Лев выпустил ее руку:

— Просто я вам не понравился. Ну что ж... На нет и суда нет. Спокойной ночи.

Она даже растерялась. И больше оттого, что внезапно поняла, как же ей не хочется, чтобы он ее отпускал. Но пришлось принудить себя:

— Спокойной ночи.

Подхватить сумочку, сделать несколько шагов до двери, повернуть ручку — что может быть проще? Но когда раздался оклик, Сима испытала невероятное облегчение.

— Подождите, Сима! А просто посидеть со мной в ресторане вы согласитесь?

Забыв, как показывала этот кокетливый жест своим артисткам, она посмотрела через плечо:

— Ужин и по домам?

— И я сам вызову вам такси.

«Эти глаза умеют лгать. Еще как!» — Она подумала об этом без страха, без сожаления. В конце концов, что она теряла? Свою безупречную репутацию? Да не была она такой уж безупречной... Мальчиков, конечно, не покупала, до этого еще не дошло, но мужчины бывали у нее в доме, и она не считала это чем-то постыдным. Обета безбрачия после развода не давала...

— Ладно, пошли.

Пальцы Потапова сошлись выше ее локтя:

— У меня знакомый поэт есть, он любой женщине может сказать: «Худенькая ты моя!» Многим это нравится...

— Я не сижу на кремлевской диете, если вы об этом.

— Просто безумие какое-то с этими диетами... Кто внушил девочкам, что мужчинам нравится биться о кости?

— Мужики тоже подсчитывают очки, будьте спокойны!

— У вас татуировка на руке. — Лев погладил ее согнутым пальцем. — Что она значит?

«А вот это зря!» — едва не вырвалось у нее. Но отвечать на это приходилось не впервые. Сама виновата, нужно было делать тату где-нибудь на животе, чтобы в глаза не бросалось.

— Первые буквы имен моих дочерей. Переплетены накрепко и вживлены в мою кожу.

Потапов остановился посреди гостиничного коридора:

— Seriously? С кем же они сейчас?

— С мужем.

— Ого! Так вы поэтому так рвались домой?

— В Америке.

— А-а, — с облегчением выдохнул он и снова потянул ее за собой. — И надолго они?

Сима заставила себя произнести это. Ей даже не пришлось зажмуриваться, чтобы не выдать боли.

— Навсегда. Наверное, навсегда.

Он сконфуженно пробормотал:

— В самом деле?

— И муж, кстати, уже бывший, так что крепкую советскую семью вы не разрушаете.

— Ну, слава богу!

— Я была уверена, что вы ответите: и не собирался.

Спустившись на одну ступеньку ниже, Лев обернулся, и они оказались лицом к лицу.

— Seriously? А если как раз собирался?

— Если бы семья была, то вам это не удалось бы. Я была верной женой, как это ни странно. Хотя почему — странно? Не такая уж это и редкость в нашем театральном мире, как думает обыватель.

— Вам кажется, он думает о нас?

— Может, мы уже пойдем? — взмолилась Сима.

Потапов улыбнулся так, будто все понял, вообще уже все знал о ней, и повел Симу вниз, церемонно поддерживая ее руку. Ей увиделось это кадром из еще не задуманного фильма: «Какая шикарная картинка! Он — шикарный мужик, ничего не скажешь... Хотя, наверное, не очень богатый. На электричке приехал. В одежде не разбираюсь... Может, эти джинсы на нем стоят целое состояние, а может, три копейки. Ему вообще-то можно и не тратиться. С таким-то лицом! Дело даже не в том, что черты правильные, зубы хорошие... В нем столько обаяния, что от его лица просто невозможно отвести глаз. Что за идиотизм — отказываться от возможности полюбоваться им спящим?!»

В ресторан Сима уже вплыла сомнамбулой, завороченная самой же придуманным видением: едва прикрытый простыней, Лев спит, утомленный, по-детски чуть приоткрыв губы, словно удивляясь своим снам, а она, приподнявшись на локте, напивается его красотой. Адонис, наверное, был таким...

— Нам, пожалуйста, столик на двоих, в каком-нибудь укромном уголке, — обратился он к администратору.

— И подальше от музыкантов, если можно, — встала она.

Лев посмотрел на нее с любопытством:

— Вы не любите джаз?

— Люблю. Но я люблю слушать его, а не пытаться перекричать.

— Верно. — Он улыбнулся. — Пойдемте, кажется, нам что-то подыскали.

Ресторанчик ей понравился. Интерьер — стилизация под начало прошлого века: старые буфеты темного дерева, тяжелые бордовые портьеры, фотографии Чарли Чаплина и других кумиров того времени, даже книж-

ные полки... Сима попыталась рассмотреть, настоящие там стоят тома или муляжи, но на глаз распознать не удалось.

Шустрая официантка, похожая на Лайзу Миннелли из фильма «Артур», принесла им меню и, откликнувшись на просьбу Потапова, посоветовала им не брать куропаток, а вот семушку попробовать обязательно — прекрасный засол.

— Мне салат с телятиной и стакан светлого пива, — не боясь показаться неутонченной, попросила Сима.

В конце концов, не она затащила сюда Льва, не ей и очаровывать, переступая через саму себя. Если он решит, что она простовата для него, так ведь они действительно могут распрощаться после ужина, как собирались.

Но Потапов выслушал ее заказ без тени улыбки. Потом кивнул:

— Мне тоже пива, только большую кружку. И стейк из говядины. Порция не слишком маленькая? А-а, ну нормально.

«Это он меня так поддерживает или тоже не любит выпендриваться?» Сима удержалась, чтобы не улыбнуться ему, ведь Лев мог счесть это благодарностью, а ей этого не хотелось. Каждый сам по себе, никто никому ничем не обязан — вот единственно возможный уровень их отношений. Шаг в сторону от намеченной линии — и сразу обрушится целый ворох проблем. А у нее их с труппой хватает... С Ангелиной вон что-то непонятное творится...

— Хороший голос, — прислушавшись, сказал Лев. — Всегда завидовал людям, умеющим петь. Вы умеете?

— Уметь-то умею. Но не думаю, что мой вокал кому-то ласкает слух.

Он охотно рассмеялся:

— А вы не кокетливы, да? Ни в коем случае не хотите показаться лучше, чем есть...

— А какой в этом смысл? Другой от этого не станешь. И рано или поздно это проявится.

— Бывает, это проявляется так поздно, что уже ничего не исправить...

— Если вы имеете в виду брак, то существует процедура развода.

— Только не в том случае, если брак венчанный.

Сима непритворно ужаснулась:

— Так вы венчались со своей женой? И после этого вы предлагали мне задержаться в вашем номере? А ведь Бог наблюдает за вами особенно пристально...

— Уже нет! Я похоронил ее зимой. — Он улыбнулся с такой радостью, что у Симы мурашки по коже побежали.

Она пробормотала:

— Вы просто олицетворение скорби...

— А я и не говорил, что скорблю.

— Вы ее убили, что ли?!

— Ну что вы, — заметил Потапов без возмущения. — Она перебежала дорогу в неподобающем месте и поскользнулась. Бог проложил перед ней ледяную дорожку.

Ей стало не по себе не только от этих слов, но главным образом от того, каким тоном Лев рассказывал о смерти жены. Он явно упивался неожиданной свободой и не думал скрывать этого.

«Как я своих плебейских вкусов, — признала Сима. — Ну, люблю я пиво, что тут поделаешь?!»

— Не богохульствуйте, — все же призвала она.

— И не думаю! Я благодарен Господу просто бесконечно. К сожалению, люди зачастую создают такие отношения, из которых живыми не выпутаться. По крайней мере, один должен умереть.

— Но ваша Геля не убила своего отца...

— Потому что она еще ребенок. Он переложил вину на нее, а она и поверила. Привыкла верить папе...

— Геля была на самом деле?

Он помолчал, пристально взглядываясь в резной край бумажной салфетки. Потом поднял глаза, и Симе стало нехорошо от этого взгляда.

— Была. Только ее-то отец как раз умер. Упал поздно вечером с балкона восьмого этажа. Никто даже не заметил, как это случилось... Он был пьян.

— А... Это она его...

— Нет, — быстро ответил Лев. — Его никто не убивал. К сожалению. А надо было... Только гораздо раньше...

— Откуда вы знаете, что он упал сам?

В улыбке — ничего зловещего:

— Я все знаю. Я ведь автор.

— Но ведь это не вы придумали ее! Реальную, я имею в виду. О настоящей Геле вам откуда все известно? Это она была вашей женой?

Вот тут он изменился в лице:

— Да вы что?! Как вы могли подумать? Геля... Нет.

— Но вы ее хорошо знали?

— Наш заказ несут, — бесстрастно заметил он. — А вы цепкий режиссер... Хотите докопаться до самой сути? Фрейдом не увлекаетесь?

— Нет. Хотя во многом он был прав. Детство действительно никогда не оставляет нас в покое... Не знаю, хорошо это или плохо. Так реальная Геля...

Лев перебил ее:

— Лучше расскажите мне про ваших дочерей.

«Нокаут, — продохнув, признала Сима. — А он не даст загнать себя в угол... Так ударит в ответ, что живой бы остаться!»

— Спасибо, — машинально сказала она официантке, поставившей перед ней тарелку с салатом, и подняла стакан холодного пива. — Ну, за знакомство? Это просто потрясающе, что вы смогли к нам выбраться. Ребята счастливы!

— А вы счастливы?

От его испытующего и одновременно умоляющего взгляда исподлбья у нее сжалось сердце: «Какой он... Господи, ну почему ты создал меня такой маленькой и простенькой?! Такому мужику под стать... — У Симы мгновенно возник образ, который поразил ее: — Ангелина?»

— Безумно, — отозвалась она с иронией, чтобы он даже не заподозрил, что творится в ее мыслях.

Опустив глаза, Лев отпил из стеклянной кружки и неосторожно грохнул ею о стол. Сима посмотрела в его тарелку:

— Стейк с кровью? Разве вы это заказывали?

— Нет. Но, видимо, по мне заметно, что крови я не боюсь.

На секунду Сима перестала жевать:

— В каком смысле?

— Во всех. Раньше я работал хирургом.

— В самом деле? Вы были хорошим хирургом?

— Неплохим. Но мне показалось мало власти над человеческими телами, мне захотелось власти и над их душами!

— Вы осуждаете себя? Жалуете, что занялись литературой?

Он повторил:

— Занялись литературой... Занялись любовью... Слово сочетание, обесценивающее сам процесс.

— Да и сам процесс уже не тот. Я говорю о любви, — поспешно уточнила Сима, испугавшись, что может обидеть профессионала.

Поморщившись, Лев процедил:

— Глупости. Любовь все та же, что и во времена Петрарки и Шекспира. Она ведь и тогда выпадала на долю одного из тысячи. И сейчас так же... Почему? Никто этого вам не объяснит. Почему мне так хочется пригладить твои торчащие волосы, всю тебя огладить ладонями, усмирить твою ненависть к себе самой?

У нее перехватило дыхание:

— Что вы сказали?

Не отводя взгляда, он продолжал говорить, совсем тихо, но Сима не пропустила ни одного слова:

— Почему еще на пороге вашего зрительного зала, когда я и не разглядел никого толком, у меня уже возникло ощущение, что здесь ждет меня что-то необыкновенное? Единственное. И сразу увидел тебя, вскочившую мне навстречу. Листы с придуманными мною словами уронила... Ключицы тоненькие торчат из-под майки. Волосы — перьями, как у девчонки. А глаза так и светятся... И в них — ожидание: окажусь ли я таким, как ты придумала? Я не такой, да?

— Такой, — ответила она, с трудом шевельнув губами.

* * *

Эта боль пробуждения, она совсем забыла ее. А сейчас не смогла сразу открыть глаза — нужно было привыкнуть к тому, как рвется и ноет в груди. Нужно было

просто встать, избегая смотреть на него спящего, о чем сдуру мечталось накануне, когда Сима еще не понимала, что это будет не в радость, сердце остановится, если взглянуть. Нужно встать. Нужно.

Она сползла вбок, села на ковер возле кровати: «Ни дать ни взять — собака возле постели хозяина. Охраняю его сон. Так и сидела бы всю жизнь, а он пусть бы спал, только б не уходил никуда. Ни к кому другому». Осмелившись повернуть голову, взглянула на его лицо, и от нежности защемило сердце: неужели эти губы целовали ее с такой жадностью? Почему? Разве в ней есть то, за что могло ухватиться его сердце? Сима тут же запретила себе даже думать об этом. Сердце здесь вообще ни при чем. Она просто подвернулась ему, не пришлось искать другую, хотя бы и более подходящую. А наговорить писатель способен и не такого, последней дурой надо быть, чтобы поверить...

Стараясь не шуметь, она поднялась и на цыпочках прошла в ванную. Нужно было принять контрастный душ, чтобы поскорее прийти в себя, обрести обычное здравомыслие. Горячей водой растопить воцарившийся в душе холод уже вернувшегося ощущения одиночества. Ледяной — разогнать кровь, чтобы хватило сил выйти из этого номера и начать новый день. Обычный день, в котором ее свободе ничто не угрожает.

И она уже была почти готова к бою, когда шторка, отделявшая Симу от остального мира, отдернулась, и Лев, не спрашивая разрешения, шагнул к ней, отнял душ, прижался всем телом — именно так: он к ней, не ее прижал. И то, что это вышло у него так по-ребячески, будто он искал у нее защиты от собственного холода, мгновенно обессилило Симу, лишило даже желания со-

противляться и отстаивать невозможность каких бы то ни было отношений, кроме профессиональных.

— Почему ты такой?! — вырвалось у нее.

— Не уходи от меня, — попросил он.

— Ты сам уйдешь. Уедешь... Когда? Сегодня? Завтра?

— Не сегодня и не завтра. До премьеры я пробуду здесь точно, а потом... Как Бог даст.

— Ты опять надеешься на Его помощь?

Ей казалось невозможным говорить о Боге, говорить о чем бы то ни было в те минуты, когда они опять сливаются в одно, делясь радостью и болью. И Лев, наверное, почувствовал то же самое, не ответил ей.

«Неужели это происходит на самом деле? — медленно проплыло в ее мыслях. — *Со мной* происходит... Он такой красивый... Он такой...»

Она так обмякла в его руках, что Лев едва удержал. Прижал — вот теперь прижал ее сам! — немного покачал, как маленькую, поцеловал мокрые, слипшиеся сосульками волосы.

— Теперь уже не торчат...

— Думаешь, ты усмирил меня?

Ей не хотелось вырваться. Стоять бы так и стоять, чувствуя, как упавший душ омывает теплом ноги. Совсем не страшный мировой океан, и два человека, обнаружившие друг друга в пустоте. «Случайно столкнувшихся, чтобы разойтись каждый своею дорогой», — напомнила она себе. Нужно было повторять это постоянно, чтобы не дай бог не забыть, как мимолетно счастье.

— Думаю, тебе хорошо сейчас, — отозвался Лев.

С этим Сима спорить не стала. Возразить — значит обидеть так, что это уже не забудется. Не простится. Ей не хотелось, чтобы он увез в душе обиду. Пусть ему ста-

нет чуточку легче нести свое одиночество. А ей тащить свое...

— Мне хорошо. Ты самый добрый лев в мире.

— Отец два месяца не разговаривал с мамой за то, что она дала мне еще в роддоме такое имя, — усмехнулся он.

— В кого из них ты уродился таким красивым?

Не кокетничая, Лев признал:

— В маму. Отец, по-моему, всю жизнь мучился комплексом из-за этого. Ему никак не удавалось поверить, что она действительно любит его. Он просто с ума сошел.

Нарушить его молчание — брови сдвинуты, губы напряженно растянуты — Сима не решилась, ожидая, что он продолжит, и Лев добавил:

— Поэтому я и женился на красавице. Чтобы она не страдала.

— Но она страдала...

— Мы оба страдали. Давай не будем говорить об этом, а? Ни о моей жене, ни о страданиях. Их ведь больше не будет.

«О! Они только начинаются». — Сима улыбнулась его наивности. Или притворству? Может ли драматург не играть в жизни, если постоянно проделывает это в воображении?

— Давай не будем, — согласилась она. — Завтракать поедем ко мне?

— Мне не хочется есть по утрам. Может, просто выпьем где-нибудь кофе?

— Ты думаешь, эта вода унесла нас на берега Сены?

— А у вас нет кафе? — удивился Лев. — Серьезно?

Она рассмеялась:

— Есть, конечно! Я хотела проверить, попадешься ли ты?

— Я предложил бы поехать ко мне, но ведь до премьеры ты не вырвешься из своих Березняков.

— Я и после не вырвусь. — Сима одновременно закурила оба крана и храбро посмотрела ему в глаза.

Впрочем, сказала она себе, если со стороны Льва все — сплошное притворство, нечего и опасаться обидеть его.

Взгляд отвел он, нервно облизнул мокрые губы.

— То есть ты... уже все решила для себя, да? Скоро-течный роман с заезжим драматургом тебя вполне устраивает. Большого тебе не нужно.

— Мой ты дорогой! Можно подумать, что тебе нужно!

Ей хотелось, чтобы это прозвучало насмешливо, чуть хрипловато (так предполагалось характером ее роли), но явственно услышала, сколько в ее голосе унизительно-выпрашивающего: «Скажи: мне нужно!» Было даже странно, как это Лев не расслышал того же. Или опять сделал вид? Он ведь относился к интонациям с особенным трепетом, — очень много ремарок в его пьесе ...

Потянувшись за полотенцем поверх ее плеча, Лев прервал движение и обнял ее.

— Не надо так, — попросил он. — Наверное, ты — талантливый режиссер, так о тебе, по крайней мере, пишут... Но не нужно и жизнь разбивать на отдельные сцены и акты. Не нужно постоянно говорить не то, что думаешь, а то, что соответствует придуманному тобой образу. Давай хотя бы наедине побудем самими собой, а? Когда придем к тебе в театр, опять превратимся в привереду-режиссера и модного драматурга...

— Не модного! — вырвавшись, перебила она, молча приняв все предыдущее. — Талантливого. Очень тонкого. Как ты можешь относиться к своему делу с иронией?

— Не к делу, а к себе в деле. Разве можно относиться иначе? Так еще и «звездную» болезнь подцепишь...

Завернувшись в полотенце и вышагнув из ванны, Сима строго заметила:

— Кстати, я вовсе не привереда.

— Seriously?

— Почему ты все время так спрашиваешь? Seriously? — передразнила она его интонацию. — Тебе не верится, что в жизни бывает что-то всерьез?

Пытаясь дотянуться до другого полотенца, Лев пробормотал смущенно:

— Я на самом деле часто повторяю это слово?

— Очень часто. Как ты можешь не есть с утра? У меня так, наоборот, уже сводит желудок от голода.

— С утра мне хочется работать. Пить кофе и писать. Это такое блаженство, жаль, что ты этого не представляешь.

Из ванной он так и вышел — обнаженный, босой, с полотенцем в руке, мокрые волосы неожиданно скрутились завитками. Греческий бог, возвращающийся из термов... Впервые рассмотрев его со спины, Сима решила, что человеку с таким телом нужно вообще запретить носить одежду. Он обязан дарить людям радость не только своим пером... Что она делает рядом с ним? Что он делает рядом с ней?

— Баловень судьбы, — тихо проговорила она, любясь. — Наверняка единственный ребенок в семье.

Лев резко обернулся, и Сима вздрогнула, увидев его лицо — в него словно кипятком плеснули. Красный искаженный кусок мяса... ..

— Никогда не говори обо мне так, — быстро произнес он сквозь зубы. — Ты ничего не знаешь.

— Прости!

Она выкрикнула это быстрее, чем почувствовала себя виноватой. В чем? Ей действительно ничего не было известно о Льве, но разве это предосудительно? Пожалуй, он знает о ней больше: о ее дочерях, о бывшем муже, о том, почему она так ненавидит Америку...

Отвернувшись, спрятав свое неузнаваемое лицо, Лев пару минут смотрел на неубранную постель, но Сима не сомневалась, что мысли его сейчас не о ней. Вчерашнее упоминание Фрейда... Может, стоило развить эту тему? Теперь уже поздно, как-то неосторожно она задела обнаженный нерв. Сколько же ему лет, что он до сих пор так чувствует боль?

Об этом она решилась спросить. Лев оглянулся на нее с удивлением:

— А что? Тридцать семь. Пора умирать, если хочешь остаться в истории литературы.

— А мне сорок два. Тоже подходящий срок.

Он улыбнулся:

— Предлагаешь вместе?

— Жить, — заключила Сима, потом сообразила, что это прозвучало двусмысленно. — Не жить вместе, а просто жить. Обоим.

В его улыбке опять проступило что-то просительное:

— А почему бы и не вместе?

— Ха-ха! — отозвалась она с издевкой.

— А ты — вредная...

— Ты еще не представляешь, насколько! Если мы сейчас же не отправимся завтракать, я начну есть тебя поедом. Одевайся немедленно! Хватит меня соблазнять.

По-собачьи склонив голову, он с интересом заметил:

— Как только ты выяснила, что я — младше, сразу начала командовать.

– Вообще-то не стоило еще раз делать на этом акцент... Пять лет разницы и так не сотрешь.

– Они тебя раздражают?

– Слегка. Может, со временем раздражение будет расти, я не знаю. Мой муж был старше меня.

Лев насмешливо подхватил:

– И мальчиков ты после него не покупала.

– Они сами приходили, – поддела Сима.

– Приходили? – Он надвинулся на нее – неподдельный гнев. – И много?

Она уперлась кулаками и лбом ему в грудь:

– А в чем дело? Ты ревнуешь?

– Ревную. Это ненормально?

Ей хотелось обернуть все шуткой, а у нее вдруг вырвалось:

– Этого не может быть! Ты такой...

– Глупая, – вздохнул он. – Ты ведь еще даже не знаешь, какой я...

* * *

Во время репетиции Сима поймала себя на том, что с каждой минутой все меньше воспринимает Льва как мужчину, с которым только что была – ближе некуда, и все чаще думает о нем как о создателе пьесы и волнуется, каким видится ему уже ее детище. Еще недоношенное, но уже сформировавшееся. Детали изменить еще можно, а в целом для Симы уже все сложилось – не исправить.

Она с тревогой поглядывала на его профиль – сели через проход, чтобы не отвлекаться друг на друга. Ей показалось, будто Потапов едва сдерживает улыбку, и это его незначительное усилие отозвалось в ней дро-

жью: «Ах, ему все это кажется смешным?! Провинциальная труппа, бездарная режиссура... Ну ладно!»

Что скрывалось за этой последней угрозой, Сима и сама еще не успела понять. В качестве наказания отлучить от постели? Это ей и в голову не пришло. Но что-то как-то...

Прозвучавшая со сцены реплика заставила ее очнуться — этой фразой пьеса заканчивалась. Они показали автору не весь спектакль целиком, отдельные сцены, но последнюю Сима включила, чтобы попытаться предугадать реакцию зрителей, для которых финал может стать неожиданностью: «Как, и уже ничего не изменить?!» Она снова скосила глаза на Льва, и никакой усмешки не заметила: он смотрел на сцену в каком-то оцепенении, будто и сам ждал продолжения, просветления, чего угодно, лишь бы эта история не обрывалась воплем, который даже не прозвучал.

«Ты сам это написал, — ей захотелось прижаться к его щеке лицом, послушать его дыхание. — Неужели ты забыл, чем все закончилось?»

— Спасибо, — выдавил он, затем кашлянул и повторил громче: — Спасибо вам. Я даже не ожидал, что это будет... так.

Сима с облегчением подхватила:

— Все молодцы! Лев, ваши замечания, пожалуйста.

Он мельком взглянул на нее:

— Замечания? Это не то чтобы замечания... Некоторые пожелания. Но мне хотелось бы высказать их каждому в отдельности. Это можно?

— Да, конечно, — отозвалась она разочарованно: ей хотелось послушать, что он будет говорить.

А следом признала, что Лев — лучший педагог, чем она, ведь и вправду нужно работать с каждым индиви-

дуально, учить так, чтобы это не било по самолюбию ребенка, не заставляло его вертеться на сковородке стыда, который он неизбежно будет испытывать, если другие станут слушать. «Откуда в нем это? — подумала Сима с нежностью. — Еще один врожденный талант? Детей ведь у него нет...»

Ее вдруг так и прошило: а с чего она взяла, что их нет? Разве он что-нибудь говорил об этом? Он столько лет был женат, у них вполне могли родиться дети... Где они? С кем остались сейчас? Кто ждет его в Москве?

Это беспокойство, нахлынув, вытеснило тревогу о постановке, которой Сима жила уже полгода. И это поразило: «О чем я думаю? Он же сейчас будет критиковать мою работу!»

— Может, вы мне для начала скажете пару слов? — не удержалась она.

От волнения она прикусила нижнюю губу. Остальное — потом. На это еще будет время. По крайней мере, ей хотелось бы надеяться...

— Конечно. — Лев улыбнулся, заставив ее сердце дрогнуть.

Симе еще не удалось привыкнуть к этим его улыбкам. Каждый раз хотелось крикнуть: «Остановись, мгновенье!»

— Отдохните пока, — сказала она ребятам. — Только не уходите далеко. Автор хочет поговорить с каждым в отдельности.

— Ну, может, не с каждым, — тихо заметил он, пересев к ней поближе.

— Там видно будет. Все равно они мне еще понадобятся.

Ангелина требовательно спросила:

— Господин Потапов, а вы не могли бы поговорить со мной первой? Мне нужно уходить.

— Конечно, — опять согласился он. — Сейчас только скажу несколько слов вашему режиссеру.

Она хмыкнула и сбежала со сцены, пронеслась мимо них неудержимым ветром, обдав легким запахом духов, которых Сима не знала. Ей самой хорошие духи были не по карману.

«Аромат любви Вахтанга, — усмехнулась Сима вслед. — Лучше и не принимаиваться...»

Проводив артистов взглядом, Лев нашел ее руку, подержал в своей — горячей, потом поцеловал пальцы, смутив Симу, давно уже забывшую про маникюр.

— Спасибо тебе. Ты — потрясающая. Где ты отыскала таких ребят? Как научила их играть? Они же настоящие профессионалы, никакой любительщины не чувствуется!

— А у нас профессиональный театр! Хоть и юношеский. — Это всегда было ее большим местом.

— Да-да. Никакой наигранности не чувствуется... А ведь им всего-то лет по шестнадцать?

— Ангелине — восемнадцать. Наташе Лукьянцевой — четырнадцать.

— Ангелина твоя — это вообще что-то с чем-то... Ей нужно учиться, ты понимаешь? Она может стать большой актрисой.

Сима вздохнула:

— У нее Вахтанг.

— Что это значит?

— Она — содержанка, что тут непонятного? Живет у одного богатого мужика, о котором я только и знаю, что его зовут Вахтангом.

Лев прищурился, словно пытаясь рассмотреть:

— Так это ее «Мерседес» стоял у входа?

— Белый конь. Теперь *такие* кони и *такие* рыцари.

— Жалко девчонку, — не сразу отозвался он. — Эту гадость не так просто выдержать, как ей кажется. Ты заметила, как она дергается? Постоянно торопится. Не удивлюсь, если окажется, что она прибегает сюда тайком от него.

— Тайная страсть...

Внезапно он отбросил ее руку:

— Что в этом смешного? Ты даже не представляешь, чем все это может кончиться!

— Она сама сделала свой выбор, — прошипела Сима, уже начинавшая злиться оттого, что разговор, которого она так боялась, пошел совсем не в то русло. Ангелина, конечно, главная героиня, но не настолько же... Или...

Широко расставив колени, Лев уперся в них локтями и опустил голову.

— Литература не способна удержать от ошибок... Ты ведь говорила, что Ангелина еще раньше репетировала эту роль? Но Гелина беда ее не напугала.

— Вахтанг ее не насиловал.

— Это только так кажется.

— Она ушла к нему добровольно. Не так уж и плохо ей жилось дома... Не алкоголики же родители! Нормальная семья...

— Значит, было что-то...

Симе пришлось признаться:

— Бабка у нее — религиозная фанатичка. Но это, по моему, не самое страшное.

— Чужое горе всегда кажется менее болезненным, чем собственный порез на пальце.

Она так и задохнулась:

— Ты называешь... То, чем я живу... Это — порез на пальце?!

Опомнившись, Лев снова схватил ее руку:

— Нет-нет! Это я не о тебе сейчас, что ты? Это... о человечестве вообще...

Задумавшись, он посмотрел на ее пальцы, и хотя Сима понимала, что Лев сделал это машинально и во все их не разглядывает, ей опять стало неловко за свои короткие, не покрытые лаком ногти. А он вдруг прижал их к губам:

— Тоненькие... Откуда в тебе столько силы?

Она попыталась улыбнуться:

— Бог дает.

— Бог... Да. Конечно. Он дал тебе большой талант.

У нее заколотилось сердце:

— Правда? Ты так считаешь?

— Мне хотелось бы, чтоб ты работала в Москве и твои спектакли видели сотни людей, а не двадцать человек, как в этом зале...

— Зал рассчитан на сто...

— ...но я знаю, что там у тебя не будет своего театра. Ты сможешь устроиться только сменным режиссером. В лучшем случае.

Сима заставила себя солгать:

— Я и не собиралась в Москву.

— А чтобы создать в столице свой театр, пусть и небольшой, нужны огромные деньги. Спонсоры нужны.

— Вахтанга попросить? — усмехнулась она и вспомнила об Ангелине. — Давай обсудим это потом. Поговори с нашей Гелей, она там уже с ума сходит, наверное.

Он вдруг посмотрел на нее очень внимательно:

— Гелина судьба могла сложиться по-другому, как тебе кажется?

— Если б ее не изнасиловали? Тогда в ее жизни не было бы ничего интересного. Для театра, я имею в виду. Вся пьеса вырастает из поступка отца. Как это ни чудовищно звучит...

— Слава злодеям?

Неожиданный оскал мало походил на его обычную улыбку. Симе стало не по себе. Особенно, когда Лев добавил:

— Мы с тобой — стервятники. Слетаемся на запах беды и радуемся, что пролилась кровь.

— Ты говоришь об утрате Гелей невинности? Больше ничьей крови в твоей пьесе нет.

— Вот это и плохо...

Кажется, он произнес именно это. Или Симе почудилось? О чем это он?

— Что случилось с настоящей Гелей? Кем она приходилось тебе?

Его обычно живое, подвижное лицо разом превратилось в холодную маску:

— Этот персонаж не имеет прототипа, что ты выдумываешь?

— Но ведь ты говорил...

— Мало ли что я говорил!

— Ах, даже так! — Она вскочила, с трудом сдерживаясь, чтобы не ударить его. — Собственно, я это знала. Писателя несет, когда он имеет дело со словами. Поступков не дождешься! Зато слов — целый воз и маленькая тележка!

«Не кричать, не кричать! — попыталась она удержать себя. — Иначе он сразу догадается, как же мне больно...»

Будто разбуженный, Лев слушал ее, все больше становясь самим собой.

— Ты права, — наконец сказал он. — Мы подменяем словами все: поступки, которые никогда уже не совершим, саму жизнь...

— Это твоя работа, — испугавшись того, как легко он сдался, проговорила Сима умоляюще.

Он шмыгнул носом, как еще не до конца утешившийся ребенок, и она вдруг не удержалась — погладила его по голове. Это произошло впервые, и Лев вопросительно приподнял брови:

— Тебе жаль меня?

За секунду до его вопроса Сима и не думала о жалости, так — подавший голос материнский инстинкт удовлетворила. Такого красивого и талантливого — за что жалеть? У нее сжалось сердце: «Жаль его. Конечно же! Эти самые красота и талант вытесняют его из общего ряда. Но вот — куда? В одиночество? В холодную пустоту, где изредка встречаются такие же избранные и шараются друг от друга в страхе... Многие ли решаются просто погладить его по голове? Но ведь хочется же этого, хочется! И ему, и мне...»

Лев прижался лицом к ее летней майке, с шумом втянул запах и чуть слышно хрипло застонал. Наклонившись, она прошептала:

— Что ты? Что тебя мучает?

Он затих, потом отрывисто произнес:

— Я. Только я сам.

— И тебе не удастся от этого избавиться?

— От чего — этого? От себя? Избавиться от себя можно только одним способом...

— Нет! — Сима прижала его голову так крепко, что, наверное, причинила ему боль.

Ей внезапно открылось: Лев не рисуется — он действительно обдумывал такую возможность освобожде-

ния. Почему? Что гнетет его настолько сильно — вдохнуть трудно? Она заговорила торопливо, не совсем уверенная в убедительности тех слов, что срывались сами собой, но продолжала забрасывать ими Льва, как осенними листьями, сохранившими в себе солнечное тепло — целыми ворохами.

— Тебе нужно писать обо всем, что тебя мучает, ты это умеешь. Еще как! Сбрось на бумагу все темное, не дающее тебе жить, и станет легче, вот увидишь! Это ведь известный прием, его даже психотерапевты используют: нарисовать свои страхи, написать о них...

Не пытаясь высвободиться, он спросил:

— Разве я что-то говорил о страхах? Нет никаких страхов.

— Но что-то есть! Я не собираюсь тебя пытаться. Не хочешь говорить, не надо. Захочешь, я выслушаю. Постараюсь помочь, если смогу.

— Вряд ли... Как поможешь человеку, у которого вместо совести — трофическая язва?

— О боже. Это страшновато звучит!

— Но ведь ты ничего не боишься...

Сима взяла его лицо в ладони, отклонила его голову, посмотрела в глаза:

— Почему ты так решил? Что ты обо мне знаешь?

Он простодушно признался:

— Я читал твою страничку в Сети.

— Он читал мою страничку! — Ей стало смешно.

Легонько оттолкнув его, Сима присела на край сцены.

— Ты веришь всему, что плавает в Интернете?

— Почему — нет? Там лжи не больше, чем в обычном общении.

— Может, ты еще и друзей там завел?

Лев опять растерянно заморгал:

— Как ты догадалась?

— Бедный мой мальчик!

— Подростки. Девочки, мальчики... Мне хотелось получше узнать их сегодняшний мир, когда я начал эту пьесу...

— Ну и как? Сколько нашел отличий от нашего?

— Порядочно. Я обнаружил, что многие из них не умеют мечтать. У них очень реальные взгляды на жизнь, сложившаяся программа. Даже скучно...

Ей представились такие разные глаза Ангелины и Наташи Лукьянцевой. Последняя, может, и умеет мечтать...

— Тебе пора поговорить с моими ребятами, — спохватилась она. — Ангелине ведь убежать нужно...

— Ну ладно, — вздохнул Лев и энергично растер лицо, приводя себя в чувство. — Я готов.

«Не комкай его! — едва не вырвалось у Симы. — Нужно беречь такое лицо... Щеки покраснелись, волосы взъерошились... Мальчишка. Почему же мне так жалко его, господи?!»

Быстро подойдя к двери, она крикнула, распахнув ее:

— Ребята, позовите нашу главную героиню. Автор хочет побеседовать с ней.

Отозвалась Наташа:

— Ангелина уже ушла. Она сказала, что больше не может ждать.

* * *

«Привет, Барон! Я знаю, что ты еще не скоро прочитаешь это письмо, но мне просто не терпится рассказать тебе о том, что со мной произошло. Не поверишь,

я стала артисткой настоящего театра! Это случилось так, как мечтается каждой девчонке: режиссер остановил меня прямо на улице. Вернее, остановила, потому что режиссер у нас — женщина. Ничего такая тетка, немало смешная и придурковатая, но свое дело она знает. И все время придумывает что-то новенькое.

В общем, интересно, хотя роль у меня — с гулькин нос! А сначала она пригласила меня на главную роль, прикинь? Правда, тут же, как назло, вернулась артистка, которая должна была играть эту роль, но сбежала к какому-то грузину, который ненавидит театр. А может, не театр, а вообще все, что может отнять у него Ангелину. И его можно понять, потому что она такая красавица — челюсть отваливается, когда видишь. И играет она — просто супер, я так ни за что не смогла бы. Наверное, хорошо, что она вернулась.

Я за последние дни узнала столько интересных людей! И красивых. Кроме Ангелины, есть еще несколько прикольных девчонок. А из пола противоположного всех затмевает, как ни странно, автор пьесы. Ты знаешь Джуда Лоу? Есть такой обалденно красивый английский актер. Он еще все время берется за роли всяких подонков, наверное, как раз из-за своей красоты. Чтобы его не воспринимали как слащавого героя-любовника. По моему, Джуд ничего не боится как актер, на любой риск готов пойти. Даже ненависть вызвать у зрителей, даже омерзение. Настоящий артист.

Вот на него Лев Потапов и похож. Даже не столько чертами лица, хотя и это тоже есть, сколько обаянием. Смотришь — и просто сердце замирает. Сима (это наш режиссер) пригласила его, чтобы он тоже поучаствовал в создании спектакля, хотя, по моему, совсем не обязательно было это делать. Без этого Льва было как-то весе-

лее. Нельзя сказать, что все его побаиваются, но какое-то напряжение он внес. Может, потому, что рядом с ним любой начинает комплексовать и чувствовать себя уродом. Даже Ангелина постоянно дергается в последние дни, хотя уж у нее-то со внешностью все в порядке. Может, Вахтанг сильно психует и ей житья не дает...

Она почему-то думала, что я буду осуждать ее за то, что она живет с мужчиной, хотя ей вроде еще нет восемнадцати. Но мама всегда нас учила, что осуждать кого-то — глупо. Каждый сам выбирает себе дорогу и идет ею. Не нравится — не иди следом, ищи свою. Но я даже не могу сказать, что мне не нравится то, как живет Ангелина. Может, я и сама сбежала бы из дома, если бы меня позвал мужчина, которого я полюбила бы... Например, ты.

Шучу! Тебя я даже никогда не увижу. Я читала, что те, кто подружился в Сети, если встречаются в реальности, не могут найти общего языка и быстро разочаровываются друг в друге. Я не хочу терять тебя. Давай никогда не будем встречаться? Впрочем, что это я? Об этом ведь и речи нет.

Вчера этот Лев провел с каждым из нас беседу. Я боялась, что он начнет учить жизни и все такое, но он оказался умнее. Он только пояснил мне, что эта Гелина подруга, которую я играю (а Геля — это главная героиня), только делает вид, типа поддерживает ее в беде, а сама брезгует даже прикоснуться к ней. Как будто Геля стала прокаженной оттого, что отец ее изнасиловал. Представляешь, какая сволочь? И вообще там все сволочи, кроме самой Гели, хотя отец именно ее во всем и обвиняет.

Хорошо бы тебе удалось когда-нибудь посмотреть эту пьесу, она называется «Что такое палисадник?». По-

тапов дал такое название, потому что в конце эту бедную Гелю пытается соблазнить друг ее отца, который обещает увезти ее в какую-то станицу под Краснодаром, где у него свой дом, а возле дома — палисадник. А эта девочка, она до того уже замордована жизнью, что вообще ничего хорошего не знает: живет с родителями в одной комнате в коммуналке, в классе ее терпеть не могут из-за того, что она — странная и мечтает поступить в мореходку, а для девчонки это вроде как ненормально.

А для Гели море — символ свободы и красоты, поэтому она и рвется туда. И то, что она не знает, что такое палисадник, подчеркивает, что она вся в своих грезах, куда этой сволочи — ее отцу — нет хода. А от всего земного она сознательно отдалилась, иначе просто свихнулась бы.

И самое ужасное, что в конце непонятно: поедет она с этим уродом в его станицу или нет? Из мореходки ей прислали отказ, мать ее ненавидит лютой ненавистью и считает шлюхой, соблаздившей родного отца, в общем, сплошной мрак. Я спросила у Потапова, как ему самому кажется, что выберет Геля? И он ответил как-то туманно: «А у нее и нет никакого выбора...» Что он имел в виду, как ты думаешь?

Вообще со Львом очень трудно было разговаривать. Хотелось просто молчать и смотреть на него, любым движением его губ любоваться, ловить каждый взмах ресниц. А нужно было еще и отвечать что-то не совсем не в тему, чтобы не показаться ему полной кретинкой, которой нечего делать на сцене. Хотя Ангелина мне сказала, будто режиссеры считают, что актер должен быть дураком — на чистый лист легче нанести свою идею. Но, по-моему, это полная ерунда! Среди моих

любимых артистов дураков точно нет. Из наших — это Евгений Миронов, Костолевский, Меньшиков, Янковский, Табаков, Калягин, Алиса Фрейндлих, Чурикова... Да много! И никого из них не назовешь идиотом. Хотя Миронов и сыграл Идиота. Обалденно сыграл, правда? Мне даже стало жалко Яковлева, ведь до нового сериала он был единственным князем Мышкиным... Вообще старых артистов особенно жалко — все помнят их молодыми и красивыми, а тут уже... На Тихонова перед его смертью — взглянешь и слезы наворачиваются! Каким он был Штирлицем...

Я так много пишу о красоте и о красивых людях потому, что мне никогда не войти в этот круг избранных. Тебе, Барон, я могу сказать об этом, ты ведь меня не увидишь. Хотя не ужаснулся бы, конечно, но и в восторг не пришел бы... Даже странно, что Лев сказал мне одну потрясающе важную для меня вещь: то, что, если бы у меня было больше сценического опыта, я могла бы сыграть Гелю. Мол, есть у нас с ней что-то общее. Я его спросила: «Разве вы не знаете, что Сима меня на эту роль и пригласила? А потом уже Ангелина вернулась...» Он удивился: «Серьезно? Я не знал. Ты, наверное, жалеешь, что она вернулась?»

Но об этом я как раз не жалею, ведь я вижу, как она талантлива. Жалко другое: Ангелине так и не удалось поговорить с Потаповым. А ведь он понимает Гелю лучше, чем кто-либо другой. Интересно, выдумал он эту историю или как-то был замешан в этом кошмаре?

Когда ты вернешься, Барон, из своей таинственной поездки и прочтешь это письмо, у нас уже состоится премьера. Только подумаю об этом, и сердце замирает от страха, а кончики пальцев сводит холодом. Я напишу тебе потом, как все прошло... А может, не удержусь и

напишу еще до того. Привыкла я делиться с тобой всем, что происходит со мной, без этого уже трудно жить. Эмоции так и переполняют – жуть! Если я не выплесну их в письме, меня просто разорвет.

Конечно, я и с родителями разговариваю, но все время ловлю себя на том, что стараюсь казаться чуточку лучше, чем есть на самом деле. Даже говорить правильнее, чем с друзьями. То есть с тобой. Больше у меня друзей нет. Сейчас мы еще с Ангелиной немного сблизились, но я боюсь – вдруг она считает меня совсем маленькой, несмышленной. А она уже столько пережила... Иногда мне кажется, ей так хорошо удается играть Гелю потому, что сама настрадалась в жизни. Но Сима говорит, что Ангелина и другие роли исполняла не хуже. Просто она – прирожденная актриса. А я – нет...

Не знаю, о ком больше получилось это письмо: обо мне, об Ангелине или о Потапове. Обо всех. О моем новом мире, который мне очень нравится. О тебе, Барон. Ты хоть понял это?

Теперь буду ждать твоего ответа. Напиши, как только вернешься, ладно? Ты даже не представляешь, как я жду твоих писем...

Ната».

* * *

Ангелину бросило в жар, когда из окна кухни она заметила приближающегося к дому Льва Потапова. До спазма напрягла мышцы спины, удержала первый порыв – обернуться к Вахтангу, смачно обсасывающему косточку молодого барашка. Проговорила скучаяще:

– Какой ветрюга... Наверное, дождь нагонит. Пойду, закрою окно в спальне, а то нанесет пыли.

Вахтанг ее не остановил, купился на проявление хозяйственности, которая действительно была в Ангелине, так что ничего необычного. Ему было приятно приглашать гостей, наверняка зная, что в доме все будет блестяще, а стол — ломиться от угощений. И все это заметят и похвалят — не Ангелину, а выбор Вахтанга. Не каждый мужчина способен отыскать такое сокровище. Он ухмыльнулся: жаль, не всем можно рассказать, какие штуки он заставляет ее проделывать в постели... Кое-кто из близких в курсе — с друзьями как не поделиться?! — но многие из тех, что бывают в доме, даже не догадываются, как эта девочка умеет завести. А ведь всему он ее научил! Жаль, жаль, что не положено говорить об этом...

Сбегая по лестнице, Ангелина ловила обрывки мыслей: «Зачем он... Разве не знает, что нельзя? Даже приближаться ко мне опасно... Вахтанг — свинья. Для него писатель — не авторитет. «Колобка» и то не читал...»

Она успела распахнуть дверь прежде, чем Потапов позвонил. Напугала и успела запомнить, каким был его испуг, как всегда схватывала и запоминала проявление чужих эмоций. Это могло пригодиться для будущей роли, ведь неизвестно, кого ей предстоит сыграть в следующий раз. Ангелина собирала коллекцию чужих физиономий с самого детства, делала это, даже не отдавая себя отчета, не задумываясь — зачем? Цепляла перед зеркалом, придирчиво сравнивала — велико ли сходство. Это было ее игрой, которую она скрывала ото всех, от бабушки особенно, зная, как сурово она осуждает любого рода кривляние. В театр та не сходила ни разу за свою жизнь, убежденная, что лицедейство — от лукавого, телевизор тоже не смотрела и детям не уставала напоминать: через голубой экран дьявол высасы-

вает их души. Ангелина часто думала о том, что, если б она и не связалась с Вахтангом, бабушке было бы за что проклясть ее. Хотя большего проклятия, чем доставшаяся ей красота, трудно было вообразить...

— Что вы здесь делаете? — прошептала Ангелина и, притворив за собой дверь, прижалась к ней спиной.

И подумала с ненавистью: еще один стервятник прилетел, чтобы сожрать ее заживо. Всем хочется ее плоти...

Лев отозвался тоже шепотом:

— А что, нельзя было? Я вас подвел? Тогда я уйду, не беспокойтесь.

— А пришли зачем? Что-нибудь случилось?

Он пожал плечами:

— Мне просто хотелось поговорить о Геле.

На секунду задумавшись, Ангелина быстро проговорила:

— Через полчаса в церкви. Здесь недалеко.

И, ускользнув в дом, побежала закрывать окна, чтобы не попасться на лжи. Песка на подоконнике в спальне почти не было, но Ангелина все равно сбегала за тряпкой и протерла его, потому что Вахтанг уже выбрался из кухни и, сидя перед телевизором, следил за ней краем глаза. Наспех выдавив улыбку, Ангелина пробежала мимо и укрылась в ванной, не только ради того, чтобы прополоскать тряпку, но и — главным образом — попытаться угадать: в чем смысл этого неожиданного визита Льва Потапова. Разве авторы ходят за актрисами следом, чтобы поговорить о роли?

Она презрительно сморщилась: да какая там роль! Тоже туда же... В чем его пунтик? Хоть бы не биатлон... Правда, какое-нибудь фигурное катание может оказать еще хлеще. Впрочем, ей-то какое дело? Она перед

ним выступать не собирается, даже если он именно за тем и приходил. А зачем еще?

«Повезло же кому-то родиться уродкой», — подумала Ангелина со злостью на саму себя, на своих непримечательных родителей, которые как-то ухитрились создать красавицу, на бабушку, ненавидевшую ее лицо, как печать дьявола. Ей во всем удавалось отыскать эту самую печать, даже в безликости своей невестки.

Тщательно вымыв руки, Ангелина смазала их кремом (Вахтанг требовал, чтобы она перебирала волосы у него на груди своими нежными пальцами) и отправилась в гостиную, по дороге натягивая на лицо кроткое и грустное выражение. Присела перед Вахтангом на корточках, умоляюще заглянула ему в глаза:

— Дорогой, я хочу сходить в церковь. Замолить наши с тобой грехи.

— Ай, девочка, какие грехи! — возмутился он, но как-то слабо, неубедительно.

Возбуждение, которое дарила их порочная связь, было ему слишком дорого, чтобы от нее отказываться, но и детские страхи перед наказанием Божиим не оставляли его в покое. И потому Вахтанг был в глубине души даже рад тому, что Ангелина молится за них обоих и тем самым как бы облегчает его участь.

«Любит меня! — улыбался он тайком. — Как не любить? Я ее женщиной сделал. Кормлю, пою, балую. Катается, как этот самый... сыр в масле!» Сам он почему-то опасался даже зайти в храм Божий. Вахтангу чудилось, что его тут же поразит молнией...

— Ты знаешь, какие грехи. — Ангелина была неумолима, да он не особенно и сопротивлялся, ведь когда она возвращалась из церкви — тихая и непорочная, желание так и взрывало его большое тело. И он овла-

девал ею не раз и не два за ночь. Просыпался от нетерпения...

— Тебя отвезти? — предложил он, уже начиная волноваться. Быстрее доберется туда, раньше вернется.

«Уже распалается, ублюдок», — отметила она мрачно и мысленно послала куда подальше Потапова, который обрекал ее на бессонную ночь и ощущение нечистоты, между ног, слипшихся от выталкиваемой ее организмом нежеланной спермы. В такие минуты Ангелина была согласна со своей бабушкой, считавшей секс занятием, безусловно, бесовским.

— У меня и своя машина есть. Но здесь всего пятьсот метров, — напомнила она. — Сама дойду, зачем тебе утруждаться?

— Встретить не надо?

— Я же не в больницу иду! На своих ногах выйду.

Он вдруг обеспокоился:

— А в больницу когда пойдешь?

— Зачем мне в больницу?

— Ну, проверки там всякие... Гинекологи, туда-сюда.

Ангелина фыркнула про себя: «Туда-сюда — это ты. А гинекологи твои просчеты устраняют».

— Схожу как-нибудь... Пока вроде все нормально.

Вахтанг выразительно поплевал через левое плечо:

— Смотри, не упусти чего!

— Чего? — спросила она со злостью. — Отцом боишься стать? Как бы жениться не пришлось?

У него даже на груди волосы встопорчились:

— Я не могу на русской жениться, ты же знаешь!

— Мама не позволит? Тебе сорок три года, мои родители и то моложе, а ты все маму боишься! Даже дом на ее имя записал, чтобы угодить, хотя она в нем и жить не

собирается. А что я тогда здесь делаю, если мы никогда не поженемся?

— Что говоришь, а? Тебе плохо живется? Юбочек-кофточек не хватает?

— Хватает, — огрызнулась она. — Всего мне хватает. Все, я пошла.

Прихватив светлый газовый шарфик, Ангелина быстро вышла из дома, подгоняемая невозможностью даже дышать одним воздухом с Вахтангом. Его джип, оставленный прямо возле крыльца, попытался перегородить ей дорогу, и Ангелина не удержалась, пнула по заднему колесу, даже не убедившись в том, что Вахтанг не видит.

Ее рука то и дело тянулась к горлу — снять спазм: «Как я оказалась в его доме? Почему остаюсь здесь?» Последний вопрос самой казался риторическим: Вахтанг просто не позволил бы ей уйти живой. Он никогда не говорил этого, но даже развитого воображения Ангелины не хватало на то, чтобы представить другой исход. Разве человек, возбуждающийся от стрельбы по мишеням, может подарить ей свободу?

Так хотелось, чтобы ветер оказался в лицо, остудил постоянный жар стыда, позволил вдохнуть поглубже, но подуло в затылок, забросило на лицо волосы, вызвав очередной прилив раздражения. Ангелине подумалось, что грех — уже идти в церковь в таком настроении, но Потапов ждал ее, и хотя она не очень хотела ни видеть его, ни разговаривать с ним, обещание нужно было выполнять. Обязательность была в ее характере с детства, родителям никогда не приходилось напоминать, что нужно выполнить домашнее задание. Мать любила вспоминать, как в день рождения восьмилетняя Ангелина даже расплакалась оттого, как долго не расходятся гости, а ей нужно делать уроки.

«Мне бы такого ребенка, — подумалось ей. — Хоть какого ребенка...»

Она не думала об этом постоянно, делая скидку на свой возраст, и не хитрила, чтобы забеременеть. От кого? Впустить кровь Вахтанга в тельце единственного нужного ей существа? Самого желанного, уже любимого до самозабвения... Лучше уж безымянный донор, чем это животное, обросшее комплексами.

С беспокойством взглядевшись издали в тех, кто находился возле храма, Ангелина убедилась, что Потапов не торчит на улице, дожидаясь ее, и даже улыбнулась от облегчения. Накинув шарфик, Ангелина сосредоточенно перекрестилась у входа и медленно поднялась по ступеням. Льва она обнаружила перед иконой Богоматери. Он вглядывался в красивое, печальное лицо с непонятной требовательностью, будто задал вопрос и надеялся прочесть ответ в тонких чертах.

— Я здесь, — пришлось сказать Ангелине, потому что он не заметил ее.

Его лицо сразу просветлело, точно ее появление и стало тем знаком, которого Лев ждал. Быстро оглядевшись, он спросил шепотом:

— Здесь поговорим или пойдем куда-нибудь?

— Куда? В этом городе каждый как на ладони. Нигде не скроешься. К вам в номер я точно не пойду.

— Я так и думал! — отозвался Лев с необъяснимой радостью.

Слегка сбитая с толку, Ангелина нарочито нахмурилась:

— Так что вам так не терпелось мне сказать, что вы домой к нам заявились?

— Вам нужно поступать в театральный вуз.

Ему удалось потрясти ее. Изю всех вариантов разговора такого она не предполагала. С тех пор как в ее жизнь вошел Вахтанг, она вообще больше не помышляла об учебе. Зачем ему девочка с дипломом? Она может и отказаться голой имитировать бег на лыжах... Ей не так страшно будет оказаться на улице.

— Это все, о чем вам хотелось поговорить? — отозвалась Ангелина резко, внезапно запаниковав оттого, какой радостью заволновалось сердце, и отторгая ее, как нечто невозможное, практически инопланетное.

— Вам нужно бежать отсюда.

— Бежать? С вами?

Она старалась цедить слова презрительно, а не желавшая утихать радость мешала ей войти в образ: «Он что-то придумал! Он может помочь!» Ее взгляд метнулся к иконе: спаси меня! И тут же нахлынуло разочарование: эта бедная Мария своего сына не смогла спасти, как она ей-то поможет?

— Воображаете себя храбрым рыцарем, спасающим пленницу Черной Башни?

И тут Лев опять поразил ее, ласково погладив по голове. В первый момент Ангелина замерла, впитывая ощущение забытое, может, совсем незнакомое, потом отдернула голову, испугавшись того, какой силы токи идут из руки Потапова. Захотелось осесть на пол, закрыть глаза и погрузиться в это успокоение, далекое от бесчувственности. Напротив, ей показалось, будто все, на что способны были ее душа и тело, внезапно обострилось, обнажилось до самой сути, до боли, из которой рождаешься заново.

— Я не причиню вам зла.

— Почему я должна в это верить? — прошептала Ангелина, едва удерживая слезы.

— Потому что вы — Геля. Для меня вы — Геля. Я не знаю, какова Ангелина на самом деле и заслуживает ли она того, чтобы карабкаться за ней в Черную Башню.

— А Геля? Кто она? На самом деле она существует?

— Нет, — отозвался Лев не сразу. — Но она была когда-то моей сестрой. Я не спас ее. Мне было двенадцать лет. Вопрос в том — всего двенадцать или целых двенадцать?

Над этим ей некогда было задумываться, Ангелине впилося занозой другое: он собирается очиститься от угрызений совести за ее счет. Так?

Не найдясь, что сказать, Ангелина хмуро спросила:

— У вас есть какой-то конкретный план или так... сплошные прожекты?

— Не усложняйте, — поморщился он. — Можно просто сесть в электричку и уехать в Москву.

— А там? Где мне жить? Чем заниматься?

— Я же сказал: учиться. Я помогу вам поступить, есть у меня кое-какие связи.

— И жить с вами, да?

Уже несколько раз Ангелина замечала, как порой холодно стекленеют его глаза, что немного пугало, будто Потапов отгораживался непроницаемой пленкой. И сейчас произошло то же самое.

— Мне бы этого не хотелось, — сказал он, заставив Ангелину потерять дар речи.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, пытаясь понять больше, чем могли бы себе позволить произнести вслух. Потом Лев улыбнулся, опять из хищника превратившись в человека, сумевшего написать пьесу, пробиравшую до печенок.

— Я могу поселить вас у своей подруги, она как раз сдает комнату.

— Подруги или любовницы?

— Вам-то какая разница? Подруги. Она не влюблена в меня, если вас это беспокоит.

— А вы в нее?

— А это вас тоже беспокоит?

— Нисколько! Так вы в нее влюблены?

Он рассмеялся, вызвав возмущенное шиканье старушек.

— Нет. Я и в вас не влюблен, чтобы вы уж совсем успокоились.

— Давно я не слышала слово «влюбленность».

— Как же! В моей пьесе оно звучит. В той сцене, где...

— Да, я вспомнила!

— Так вы поедете со мной? Я могу увезти вас сразу после премьеры.

Ангелина больше не могла скрывать охватившую ее печаль. Ей захотелось уткнуться Потапову в плечо и откровенно всхлипнуть. Но старушки — темные призраки ее бабушки — были настороже.

— Все это слишком похоже на сказку. Нет, скорее на легенду.

— Все большие планы кажутся поначалу фантастическими.

— Нет, это не фантастика. В ней иногда что-то сбывается. А то, что вы... Это вообще несбыточно.

— Посмотрим.

Он усмехнулся так самоуверенно, что у Ангелины опять дрогнуло сердце: а ведь у него может получиться! Неужели? Нет, лучше даже не думать об этом...

Она твердила это всю дорогу до дома: «Нужно быть реалисткой. В наше время люди не помогают друг другу бескорыстно. Он сам сказал, что не влюблен в меня... Это, конечно, к лучшему. Что он может сделать? И что буду я делать в его Москве?»

Эти вопросы плотно облепили ее со всех сторон, и Ангелина вошла в свой дом почти машинально. И только увидев Вахтанга, дожидавшегося ее в кресле-качалке, стоявшем в холле, сообразила, что изменилось за какую-то четверть часа: его джип больше не загораживал крыльцо.

* * *

Позднее Наташа много раз благодарила Бога за свою забывчивость: если бы в тот вечер она отключила телефон, как обычно делала на ночь, то... Нет, лучше не представлять, что было бы тогда. Мелодия, которую она выбрала для Ангелины, разбудила ее уже после полуночи, и Наташа сразу, кажется, еще во сне, почувяла: случилась беда. Нашупала трубку, не успев включить свет, и прохрипела со сна:

— Да? Ангелин, ты?

В ответ донеслось что-то еще более нечленораздельное — то ли стон, то ли плач. Подскочив, Наташа рывком, рискуя оторвать цепочку, включила бра над кроватью.

— Геля, что с тобой? Ты где?

— У дома... У твоего...

Больше ни о чем не расспрашивая, Наташа крикнула, что уже идет, и бросилась вниз, как была в одной пижаме. Лестница со второго этажа показалась ей бесконечной, темнота подсовывала под ноги неожиданные препятствия — брошенные сестренкой игрушки, чьи-то тапки, оставленные не на месте. Она спотыкалась и перепрыгивала, ругалась вполголоса, боясь разбудить родителей, но уже понимая: скорее всего придется это сделать, если с Ангелиной стряслось нечто по-настоящему серьезное.

«Папа дома. Хорошо!» — Наташа даже подумала, что стоило поднять его сразу, но ее еще не оставляла надежда: может, ничего страшного, Ангелина просто выпила лишнего или что-нибудь в этом роде.

Выскочив во двор, Наташа негромко крикнула:

— Эй, ты где?

Но не услышала никакого отклика, даже стоны не донеслось. Двинувшись на свет фонаря, взгромоздившегося на ворота, Наташа настороженно всматривалась в темноту, вслушивалась в дыхание ночи, пытаясь поймать хоть шорох, потом сообразила и выбрала в памяти телефона последний из поступивших звонков. Тихая мелодия возникла справа, с той стороны, где и находился особняк Вахтанга. Не выключая телефона, Наташа бросилась навстречу музыке Моцарта, выкрикивая на бегу:

— Не отвечай! Я тебя по звуку найду.

Когда она отыскала Ангелину, скатившуюся в пыльный кювет, то так и не смогла понять: слышала ли она вообще, что кричала ей Наташа, или просто не в состоянии была ответить. Спрыгнув вниз, Наташа упала рядом с ней на колени:

— Ты живая? Что с тобой, а?

Нажав на первую попавшуюся кнопку, Наташа осветила лучом дисплея Ангелине в лицо и вскрикнула, увидев сплошную кровавую корку. Голова девушки откинулась так безвольно, что Наташа ни о чем больше не стала спрашивать. Выскочив на дорогу, она помчалась к своему дому, оглядываясь туда, откуда мог появиться Вахтанг. Но не было видно ни машин, ни людей.

Не позволив себе расслабиться ни на секунду, Наташа ворвалась в дом и взлетела на второй этаж:

— Папа! Скорее! Там Ангелину избили.

Она прошептала это негромко, чтобы не разбудить маму, но та все равно проснулась одновременно с отцом. Может, Наташа слишком активно трясла его за плечо и вся кровать заходила ходуном?

— Что, Наточка? — Оксану охватило ощущение, будто она угодила во временной провал и очутилась в том раннем Наташкином детстве, когда девочка, испуганная страшным сном, прибежала к ним в постель.

— Мама, там Ангелину избили. Наверное, ее Вахтанг... Она в кювете у нашего дома. Я не дотащу ее сама.

Иван уже натягивал спортивные штаны, а Оксана схватилась за халат. Сбежав с лестницы, Наташа потопрапливала снизу умоляющим шепотом:

— Скорее, пап! Пойдем же.

Но он и без того торопился — выскочил без рубашки, в домашних шлепанцах. Не дожидаясь матери, Наташа побежала к тому месту, где оставила Ангелину, больше всего опасаясь, что ее уже нету там — Вахтанг опередил их, разыскал и утащил в свою звериную нору...

Скрючившееся на земле тело оказалось на месте. Наташа нашла его сразу, не пришлось даже снова использовать телефон. Отец спрыгнул вниз следом за ней.

— А где мама?

— «Неотложку» вызывает, — бросил он и принялся нащупывать пульс на тонкой Ангелининой руке.

— Есть?

Наташе было сейчас так страшно, как еще никогда в жизни. Что-то буркнув, отец с усилием поднял Ангелину и, положив ее на край кювета, выбрался сам.

— Давай я помогу! — подскочила Наташа.

Но он несильно отпихнул дочь:

— Лучше не мешай. Останься на крыльце, чтобы «неотложка» мимо не проехала.

— А она не испугается, когда очнется и увидит тебя? Она же тебя не знает.

Отец отозвался так мрачно, что у нее все похолодело внутри:

— Я не думаю, что она скоро очнется. Похоже, у нее черепно-мозговая травма. Срочная операция нужна. В Склифосовского ее нужно везти...

— Далеко! — У Наташи вырвался вскрип.

— Далеко, — согласился он. — Вертолет нужен. А это дорогое удовольствие...

Задержавшись на крыльце, Наташа начала судорожно перебирать в памяти имена знакомых, которые могли бы помочь. Но богатых среди них не было... Ее вдруг осенило: если только... Богатым Потапов не выглядит, но у него могут быть друзья... Только как с ним связаться? Усомнившись только на секунду, Наташа позвонила Симе, которая наверняка знала, как отыскать их автора даже среди ночи.

— Кто это? — раздался сонный Симин голос. — Наташа? Что... Что?! Вот убудок, я так и знала... Потапова? Сейчас мы будем у вас, говори адрес.

От изумления Наташа даже забыла о том ужасе, в который погрузилась уже по макушку: «Потапов с ней? Ночью? Вот это да...» Но следом ей стало стыдно за то, что обывательское любопытство ненадолго одержало верх, заставило отвлечься от мыслей об Ангелине, которая, может быть, уже умирала...

— Нет! — вскрикнула девочка. — Только пусть она не умрет, господи! Она же такая талантливая, такая красивая! Она так нужна этому миру. Пожалуйста, господи!

Возникший в конце улицы свет фар заставил ее выскочить на дорогу, но, не разглядев, какая машина приближается, Наташа со страхом отпрыгнула назад:

«А вдруг это Вахтанг?!» На всякий случай, прикрыв калитку, девочка напряженно всматривалась в темноту до тех пор, пока ожидаемый «уазик», которому ни к чему было включать среди ночи мигалку, не поравнялся с их воротами. Тогда она выбежала навстречу медикам:

— Сюда, сюда! Скорее! Черепно-мозговая травма. Девушке восемнадцать лет. Без сознания. Состояние тяжелое.

— Ух ты, — усмехнулся шагавший впереди врач. — Как грамотно докладываешь!

— У меня папа — врач. Лукьянцев. Не знаете?

— Думаю, мы его сейчас увидим?

«Как он может оставаться таким спокойным и насмешливым, когда там умирает человек? — поразились Наташа. — Неужели и папа на работе такой же?»

Забежав вперед, она распахнула дверь и пропустила медиков, хотя ей не терпелось взглянуть, что там с Ангелиной, может быть, она уже пришла в себя. Отец ведь мог ошибиться в темноте насчет черепно-мозговой травмы... Просочившись следом за врачами, Наташа увидела совершенно белую руку, свесившуюся с дивана. И закричала так, что фельдшер схватил ее и потрянул:

— Ну-ка, успокойся! Это еще что? А показалась такой разумной девочкой...

Наташа захлебнулась:

— Она... Она умерла?

Мать крепко обняла ее:

— Она жива, детка. Ей очень плохо, но она жива. Ее должны спасти.

— В Склиф... — Она не смогла договорить.

— Вовсе не обязательно, — раздраженно отозвался врач, склонившийся над Ангелиной. — У нас есть пре-

красные нейрохирурги. А травма средней тяжести, они справятся. Вызовите кто-нибудь полицию.

Наташа повторила сквозь слезы:

— Средней? Точно — средней? А полицию не к нам надо вызвать...

— Сначала — к нам, — пояснил отец. — Мама уже звала.

Уступив место врачам со «Скорой», он стоял в изголовье старого дивана, куда уложил Ангелину, хмурый и встрепанный. Наташа вспомнила, как он говорил, что хотел бы стать земским врачом, умеющим справляться со всеми болезнями. Похоже, сейчас он сознавал свою беспомощность особенно мучительно.

— Кто-то приехал. — Оксана с тревогой всмотрелась в окно. — На такси. Это не...

— Это Сима с Потаповым! — сообразила Наташа и, оторвавшись от матери, бросилась встречать.

Но они уже бежали ей навстречу. Сима, задыхаясь, выкрикнула:

— Где она?

— Средней тяжести! — выпалила Наташа главное, что могло всех успокоить. — В нашей больнице справятся. Там хорошие нейрохирурги.

— Значит, Москва отменяется? — спросил Лев.

— А вы смогли бы увезти ее туда?

— Я и хотел увезти ее туда, — отозвался он не совсем понятно. — Нужно было сразу. Я опять не решился.

Сима оборвала его:

— Давай-ка без истерик!

«А у него истерика?» — удивилась Наташа. Ей представлялось, что истерика протекает совсем по-другому.

Они уже вошли в дом, и Сима о чем-то тихо спросила у Оксаны. Доктор недовольно оглянулся:

— Что вам тут — театр, что ли? Зачем столько зрителей? Наташа невольно взглянула на Потапова: «Как это он угадал насчет театра?»

— Надо везти ее, — тем же тоном сказал врач. — Полицию не дожدهшься. Поехали. Носилки принесли?

— Я могу поехать с ней? — спросила Сима с вызовом. — Я, в общем-то, самый родной ей человек... Получается так...

— Можете, можете. Только — какой смысл? Ее сразу увезут на операцию, потом в реанимацию. А туда вас не пустят. Лучше позвоните утром, и вам все скажут.

Сима упрямо наклонила взъерошенную голову:

— Нет, я поеду. А там посмотрим: пустят меня к ней или нет.

— Как хотите, — безразлично отозвался врач. — Только больше мы никого не повезем.

Она оглянулась на Льва:

— Тебе придется остаться.

Он кивнул и отвел глаза:

— Ты выдержишь?

Не улавливая, о чем идет речь, Наташа силилась понять, почему именно Потапов должен так тяжело переживать то, что случилось. Сима даже боится оставлять его одного... Почему? Разве Ангелина могла что-то значить для него, если он ночевал у Симы?

— Лев может побыть у нас, — предложила она, поглядывая на обоих. — Здесь есть комната для гостей. Правда, мам?

— Конечно, — отозвалась Оксана как-то рассеянно, не слишком радушно, но дочь списала это на шоковое состояние.

— Да, в самом деле, — откликнулся отец. — Оставайтесь. Лев, да?

«Они сейчас выпьют водки, — догадалась Наташа. — Вот почему папа так обрадовался. Им необходимо снять стресс. А нам с мамой как его снять?»

Когда мимо нее пронесли Ангелину, голова которой уже была перебинтована, Наташа прижалась спиной к стене и зажмурилась. Ей не хотелось запомнить Ангелину такой, если... если... Нет! В Березняках есть отличные нейрохирурги!

Впав в какое-то бесчувствие, она даже не сразу ощутила тепло чьей-то руки на своем плече, а потом, скосив глаза, обнаружила, что это Лев то ли поддерживает ее, то ли держится сам. Лицо его будто судорогой свело.

«Геля! — внезапно догадалась она. — Вот почему ему так больно... Ангелина играла Гелю, которая много значила для него. Наверное, у него такое чувство, будто он не спас Гелю».

До нее донесся голос отца, вышедшего следом за доктором:

— В какую больницу вы ее повезете? А, знаю. Я свяжусь с ними утром.

— Ее мобильник остался в канаве! — вскрикнула Наташа и уже хотела броситься на поиски, но Потапов поймал ее за руку.

— Утром найдем. А украдут, так и черт с ним! Его на верняка этот урод ей купил.

Оглянувшись, Сима быстро погладила его по щеке:

— Ты справишься без меня?

Он опять только кивнул.

— Она — не Геля, — проговорила Наташа так тихо, чтобы расслышал только Потапов. — У нее все будет по-другому.

И не поняла: услышал он ее или нет.

Это было чудовищно: ее тела больше не существовало, вместо него возникло какое-то сплошное месиво, частью которого стала она, куда-то летевшая, но не свободно, а словно стиснутая в узкой спирали длинной трубы, вместе с которой моталась из стороны в сторону. Доносившиеся до нее звуки утратили обычную ясность, долетали невнятными возгласами, чем-то пугавшими, хотя она и не могла разобрать их смысл. Но все это, ее окружившее, сжавшее, залепившее и рот, и нос, и глаза, казалось враждебным, не отпускало ее из этого мучительного плена, — и она не помнила, как в него угодила. Словно из глубокого колодца, отдаваясь эхом, до нее доносились какие-то фразы, чьи-то голоса, и она вроде бы понимала их, но тут же забывала, о чем идет речь.

— Ангелина, открой глаза! Открой глаза!

Это было первым, что она разобрала и осознала: «Какие глаза? У меня нет глаз... Я их не чувствую... Дышать! Дайте вдохнуть!»

В отвратительной биомассе внезапно прорезался рот — ее рот, но, точно кляпом, наглухо забитый какой-то пеной. И что-то еще было вставлено в него и не давало ей глотнуть воздуха. Она вдруг обнаружила свои руки, но не могла поднять ни одну из них, чтобы попытаться освободить рот, вырвать нечто чужеродное, мешавшее ей. А легкие уже слипались без воздуха, и она чувствовала, что умирает, задыхается, но не могла произнести ни слова своим переполненным ртом, не могла поднять руки.

— Как-то странно она подергивается... Ангелина, дыши через трубку, слышишь? Носом у тебя пока не получится.

«Трубка, — дошло до нее. — Зачем мне трубка? Вытащите ее, я хочу вдохнуть! Как мне дышать?»

— Дыши, дыши! Вот так. Вот молодец.

Голоса по-прежнему гулко отзванивали, но она поняла: «У меня получилось». Правда, воздуха в груди не ощутила, легкие по-прежнему ощущались двумя слдутыми, слипшимися шариками. И глаз все еще не было, хотя от нее настойчиво требовали открыть их. И вдруг — счастье! — кто-то освободил ее рот от ненавистной трубки.

— Сплюнь в салфетку. Вот так. Еще есть?

«Да сколько угодно!» — Ангелина даже не подозревала, что у нее во рту может поместиться столько теплого, отвратительного месива.

— Вот ртом и дыши. Смотри-ка, у нее и носом получается. Отвязывайте ее.

Она едва не закричала: «Так я была привязана?! За что? Это Вахтанг со мной сделал?» Последним, что Ангелина помнила отчетливо, было его перекошенное от злобы лицо и свист: «С кем встречалась, сука?»

Она внезапно ощутила ноги — так они дернулись при мысли о Вахтанге. Снова пыталась сбежать от него. Опять не вышло.

— Ангелина, ногами не болтай! Да что с ней такое?

— Видать, вспомнилось, как ее били. Измордовали же девчонку...

Белые коридоры снова завертелись туго сужающейся спиралью, страхом сдавили горло: «Что со мной? Где я?» А голоса опять что-то требовали от нее:

— Ангелина, перебирайся на кровать. Ногу поднимай!

Она попыталась это сделать, но теперь ноги не слушались, и как это дергала ими там, в начале коридора?

— Сейчас, — прошептала Ангелина, чтобы на нее больше не кричали. — Сейчас.

— Да помоги же ты ей, видишь, не может. Все-таки операция была. Хоть и легкая, а все равно...

«Операция?!» — Она снова постаралась открыть глаза, но ничего не увидела, кроме мутного, плавающего света.

Наконец ей удалось перебраться на кровать, но под поясницей возник какой-то бугор, и нужно было сползти с него, чтобы не давил на позвоночник, а сил приподнять непослушное тело не хватало, ногами упереться не удавалось.

— Мешает, — проговорила она онемевшими, разбухшими губами. — Что-то мешает.

— Клеенка.

Чья-то рука расправила все скомканное, и Ангелина расслабилась: «Как хорошо... Уснуть, и все. Ничего больше не надо».

— Сейчас тебе капельницу поставим, левой рукой не дергай. В туалет тебе ходить не надо — катетер стоит. Ангелина, слышишь?

Она только простонала в ответ, блаженно окунаясь в сон, — уже не тот, полный ужаса, а обычный, желанный... Но голос, который вплелся в хоровод чужих, — не враждебных, но незнаваемых, — внезапно показался ей знакомым, заставил снова промедлить с погружением в сон.

— Я останусь с ней, — произнес этот голос категорично, будто имел право приказывать. — Я получила разрешение заведующего отделением.

— Интересно, сколько это стоило, — пробурчал кто-то, но знакомый Ангелине голос не удостоил его ответом.

— Я позову вас, когда нужно будет сменить бутылку в капельнице.

«Сима!» — вдруг всплыло имя, которое не было связано ни со страхом, ни с болью. И Ангелина прошелестела:

— Сима, ты здесь...

Знакомый запах вплелся в голос:

— Это я, маленькая, я с тобой. Все будет хорошо. Уж я-то тебя вытащу, ты же знаешь!

— Спать хочется...

— Спи, милая. Я буду с тобой, сколько понадобится. Я могла быть с тобой все это время... Ты должна была ко мне уйти, а не к Вахтангу.

Кажется, ее сознание перемахнуло через временную дыру — последние слова Сима произнесла уже после того, как Ангелина проснулась окончательно. Сколько часов прошло? До этого она говорила что-то еще, и Ангелина вроде бы отвечала, но в полусне, пугаясь в словах и мыслях. А это уловила уже не обрывком фразы, а целиком.

— Ты... Ты согласилась бы?

— Так должно было быть. — Сима гладила ее руку и прижимала к щеке.

Ершистая, категоричная Сима с воинственно торчавшими на голове перьями. У Ангелины снова закрылись глаза, на этот раз от удовольствия:

— Почему?

— Я ведь хотела этого. Правда, хотела. Ты могла бы стать моей дочерью. Ты ведь уже была ею, помнишь? Мы разговаривали часами...

— Ты рассказывала о будущих спектаклях...

— О твоих будущих ролях. Мы ведь дышали одним воздухом! Почему ты не пришла ко мне, когда решила уйти из дома?

— Я побоялась, что ты никогда... Даже в четверть так, как твоих дочек...

Сима поцеловала ее ладонь. В этой ласке не было ничего, кроме нежности.

— Дурочка. Ты ведь чуть не погубила себя, дурочка моя. И меня извела тоской. Как я только пережила твоё предательство?

— Не...

— То, что я считала предательством, — поправилась Сима. — Я ведь только в тебе одной и видела свое спасение... И больше я не отпущу тебя, слышишь? Пока ты окончательно не встанешь на ноги и не перестанешь нуждаться во мне.

Преодолевая жжение в глазах, Ангелина прошептала:

— Я никогда не перестану нуждаться в тебе.

— Когда-нибудь перестанешь. — Сима улыбнулась. — Но у меня есть впереди немного счастья.

— А у меня? — забеспокоилась Ангелина. — Я не умру?

— Ну, что ты! Серьезных повреждений у тебя и не было, слава богу! Спасибо Наташке Лукьянцевой, она вовремя нашла тебя. И все твердила потом: «Как хорошо, что я забыла выключить телефон».

— Наташа, — вспомнились ее восторженные глаза. — Она сыграет Гелю?

У Симы дернулись брови:

— Вот еще! Ты сыграешь Гелю. Это твоя роль.

— Пусть она сыграет. Я больше не хочу... быть Гелей.

Она это *сыграет*, понимаешь?

Сима отозвалась не сразу:

— Понимаю. Ты проживаешь Гелину судьбу... Может, ты и права. Пожалуй, хватит с тебя... Хоть в жизни, хоть на сцене.

— Ты ведь уже представляла ее в этой роли.

— Было дело... Она может потянуть. Хотя это будет совсем другой образ... Я поговорю с ней. И с Потаповым.

Ангелина открыла глаза и несколько раз моргнула — Сима все еще слегка двоилась.

— Он до сих пор здесь?

— Пока здесь. — Сима отвела взгляд. — Не знаю, надолго ли... Твоего Вахтанга, кстати, уже упекли за решетку. Я такой шум подняла, все известные мне номера обзвонила, газетчиков подключила, телевизионщиков, так что ему никакие деньги не помогли... Нам теперь и бежать никуда не надо. В Москву, я имею в виду.

— Ты знаешь?

— Что ты собиралась убежать? Лев мне рассказал.

— Что это значило, а?

Пожав плечами, Сима предположила:

— Попытка переписать пьесу. Лев надеялся, что у него получится создать счастливый финал...

— Не получилось.

— Получилось! Но не у него.

Нащупав ее крепкую маленькую руку, Ангелина погладила ее пальцем:

— Ты любишь его или презираешь?

— Бог с тобой! За что мне его презирать?

— Значит, любишь...

Сима наклонилась и прошептала, касаясь губами ее уха:

— Для нас с тобой это ничего не меняет. Это совсем другое. А в Москву ты поедешь, когда поправишься.

— С тобой?

— И с Потаповым. Ты против?

Ненадолго задумавшись, Ангелина призналась:

— Да, в общем-то, нет... Если тебе так хочется.

Откинувшись на спинку стула, Сима прищурилась:

— Лучше уж сразу признаюсь тебе... Знаешь, каким стало облегчением, когда я убедилась, что он не влюбился в тебя! Трудно ведь представить мужика, который может не пасть перед тобой ниц...

— А как ты убедилась, что он...

— Когда... это случилось с тобой, он думал только о Геле. О том, что не удалось создать новую реальность. Он думал о своем фиаско, а не о тебе. Кстати, ты знала, что реальная Геля покончила с собой? В пьесе этого нет. Знаешь, он был на грани истерики, честное слово. Полное поражение. А ведь он писал эту пьесу в надежде что-то исправить хотя бы на сцене. А вышло еще хуже...

— Разве хуже?

— Нет, конечно! — опомнилась Сима. — Ты жива. У тебя все будет хорошо. У нас — правда?

Когда Ангелина уснула, Сима тихонько отошла к окну. Круживший сорванную листву ветер проникал в палату тонким ноющим звуком, не обещавшим вопреки ее надеждам ничего хорошего. Промозглая осень и долгая зима — чему радоваться? Сима зло усмехнулась: нет, не так! Премьера их со Львом спектакля и Ангелинино выздоровление — вот что придет следом за этим сентябрем. Вернувшаяся из тягостных скитаний девочка спала за ее спиной, и Симе чудилось, будто сонное дыхание обдает теплом ее лопатки. Приятным теплом.

«Но она права — даже в четверть не будет того, что к Лизоньке, к Рите. — Сима оглянулась, будто спящая девочка могла услышать ее мысли. — Только ей это знать необязательно. Говорят, за соломинку тоже можно удержаться... Попробуем. Когда Лев вернется в свой неведомый московский прайд...»

«Привет, Барон! Ты так и не вернулся из своей командировки... Или просто не отвечаешь мне? Хочется думать, что ты по каким-то причинам застрял в том неведомом городе, куда уехал. Ну что ж, наверное, так и должно было случиться: переписка всегда обрывается одной из сторон. Хорошо, что это произошло сейчас, когда в моей жизни случилось много значительного, заполнившего ту пустоту, которая побуждала меня искать друзей в Сети, и я уже смогу справиться с твоим исчезновением.

Я сыграла главную роль, Барон. Понимаешь, что это значит? Я была Гелей. Стала ей после того, как уже простилась с этой ролью. Меня ничуть не обрадовало то, как мне досталась эта роль, но я выложились до конца. Меня даже стошнило после премьеры — уже дома, конечно. На сцене я держалась до последнего... Жаль, Ангелина не видела этого, но мой папа все снял на камеру, и я надеюсь, что рано или поздно она сможет убедиться — я не подвела ее, не запорочила роль. Я счастлива, Барон! Впервые в жизни я по-настоящему счастлива!

Потихоньку я расту в жизнь этого маленького городка, становлюсь в нем своей. В школе со мной здороваются даже незнакомые ребята, и я догадываюсь, что они наверняка побывали на одном из пяти спектаклей, которые мы уже дали. Как говорилось в одном театральном анекдоте: вот и слава пришла... Ты знаешь этот анекдот, Барон? Интересно ли тебе вообще что-то связанное с театром?

Что-то мне подсказывает, что — да. И почему-то даже твое исчезновение кажется каким-то образом связанным с тем же делом, которым занимаемся мы: я, Сима,

Ангелина... Может, ты посмеешься, прочитав эти бредни, а может, поразишься моей проникательности! Я никогда этого не узнаю. Жаль.

Прощай, Барон! Самой не верится, что я перестала нуждаться и в своих письмах к тебе, и в твоих ответах. У меня появились настоящие, несетевые друзья. Это совсем другое дело, ты ведь понимаешь? Вчера одному мальчишке из нашего театра (его зовут Димка) было сонной по пути по дороге домой, и вышло так, будто он проводил меня. Впервые меня кто-то провожал, Барон. А утром я вышла из дома и снова увидела Димку. Он забавный, у него веселые глаза. Это ведь уже много значит, правда?

Прощай, Барон! Немного больно произносить это даже про себя... Но так должно было случиться. Кажется, я уже писала это... Все-таки у меня немного путаются мысли оттого, что приходится заканчивать самую таинственную главу моей жизни. Но, возможно, самое интересное еще впереди!

Твоя Ната».

Часть вторая

— И так, мы начинаем!

Именно так — немного театрально, но ведь оно и привычно! — хотелось провозгласить Симе, когда они все вернулись домой: она, Лев, Ангелина. Вернулись с твердым намерением начать свою новую жизнь. Ангелине, без преувеличения, заново подаренную. Хотя и уверяли врачи (зачем-то затушевывая свои заслуги), что травма была неопасной и операция несложной, но Симе-то помнилось, каким безжизненно-белым выглядело Ангелинино лицо, когда она лежала в доме у Лукьянцевых, как тряпочкой свисала ее рука... И, кажется, никто в тот момент не верил, что девочку можно спасти. Что она вообще жива...

— Итак...

Поймав попытавшуюся вырваться нелепую фразу, Сима метнулась на кухню, щелкнула кнопкой высокого — цилиндром — чайника из нержавеющей стали, будто надеясь, что его деловитое урчание не просто заполнит неловкую паузу, но заполнит ее домашним теплом. Сама она не находила его в своей маленькой квартире, с тех пор — боже, каких давних! — как уехали дочери. Ни звонка из Америки, ни письма... Тишина погружения в вакуум.

Сима изо дня в день внушала себе, что не ждет, вообще не думает об этом — некогда, ведь и вправду столь-

ко дел, что голова кругом! Но в подъезде неизменно наклонялась и заглядывала в бесстрастно чернеющие пустотой отверстия почтового ящика... А дома первый взгляд бросала на телефон: не мигает ли сигнал оставленного сообщения?

Сейчас, при Ангелине, на площадке удержалась, не проверила, нет ли письма, чтобы не ранить едва вернувшуюся к жизни девочку. Но на телефон не смогла не взглянуть — черный, мертвый. И на мгновение охватило отчаяние: разве сможет Ангелина Полтавцева оживить, расцветить эту, хоть и не крошечную, но глубинную темноту ее жизни? Даже Льву оказалось не под силу, хотя он старался... Но лишь верхний пласт души растопил, а вечная мерзлота ее горя так и осталась нетронутой. Сима уговаривала себя: это потому, что она постоянно помнит о временности его пребывания здесь. Не муж все-таки... Хотя даже мужья уходят, ей ли не знать этого?

А вот Ангелина должна остаться... Хотя что значит — должна? Кто может обязать ее? Тоже — не дочь. И не станет ею, зачем себя обманывать? Вцепились друг в друга от безнадежности, решили попробовать обмануться возможной подменой материнско-дочерних отношений. Ну что ж... Если хорошо постараться, может и получиться. Обе станут стараться изо всех сил, можно не сомневаться...

— Сейчас будем пить чай с тортом. У нас же есть торт! — возвестила Сима бодро и подумала, что никому из своих ребят не простила бы на сцене такой откровенной фальши в голосе.

Но она сама себе режиссер. Поймала себя на неубедительности — исправляйся. Лев Потапов — зритель чуткий, он фальшь распознает с полупамята, потому

она и просит его приходить на репетиции. Он не всегда может, вернее, почти никогда: с головой ушел в новую пьесу. Поднимается в пять-шесть утра, включает одновременно ноутбук и чайник. Варить кофе времени нет, нахлебается растворимого и — за работу.

— Вот и встретились два трудоголика, — как-то заметила Сима, переиначив фразу из старой песни, которую Лев должен был помнить, не настолько уж и моложе.

Он только растянул губы в какой-то механической улыбке, но и она оказалась так же непозволительно обворожительна, как и все в нем. Симу отчаяние охватывало при взгляде на его лицо: «Господи, как хорош! Разве он может любить меня?!» Ему она пыталась не показать своей постоянной неуверенности. А получалось ли — сама не могла понять...

— Я разберу стол в комнате, — вызвался Лев. — На кухне — не празднично.

— Скатерть в шкафу, на верхней полке.

И слушая, и не слушая их, Ангелина медленно подошла к окну, замерла, взявшись за подоконник. Лев рассеянно глянул на ее застывшую фигурку, словно мгновенно вобравшую в себя холод конца осени, царивший по ту сторону стекла, потом посмотрел внимательнее — олицетворенное одиночество, да и только... Заметила ли она тоже этот быстрый взгляд, брошенный на автоответчик? Сам Лев ловил его всякий раз, как Сима возвращалась домой. Но его это не ранило (так — задевало слегка, что не ему доставался этот первый взгляд), ведь любовь к детям другого рода, они ему не соперники. Вот если бы Сима ждала звонка от мужа... Но здесь-то как раз было без вариантов.

— Тебе идут короткие волосы, — заметил он, чтобы как-то оживить девочку, заставить ее пошевелиться,

стряхнуть с себя оцепенение. — У тебя потрясающей формы череп!

Она оглянулась удивленно и неуверенно улыбнулась:

— А мне жалко мои волосы.

— Волосы, конечно, жалко, — согласился Лев. — Но они-то хоть отрастут, куда денутся. А добровольно ты не подстриглась бы так коротко. Оказалось — к лицу.

— Они побрили меня, а не подстригли.

— А чего ты хотела? — перекрикивая разошедшийся чайник, отозвалась Сима из кухни. — Они тебе жизнь спасали, между прочим!

Потапов так и застыл под столом-тумбой, раскладывая ножки: «Мне померещилось это раздражение? Или она уже... Не может быть. В первый же день? Мы еще даже не попробовали жить вместе, рано раздражаться...»

— Я знаю, — отозвалась Ангелина.

Шагнув к столу, она придержала крышку, заглянула к нему:

— Вы там застряли, что ли? С вашим ростом лучше не играть в «домик».

Он засмеялся, вынырнув наружу:

— Ты тоже так играла в детстве?

— А кто не играл?

— Верно. Но кое-какие игры стали другими... Я как-то наблюдал за детьми во дворе...

Ангелина зачем-то уточнила:

— В этом дворе?

Лев не сразу вспомнил:

— Да, кажется... Это неважно. Так они играли во что-то мне совсем незнакомое.

— Почему вы говорите — неважно? Это как раз очень важно. У ваших московских детей, конечно, другие игры.

— Серьезно? Ты действительно так думаешь?

Ее темно-серые узорчатые глаза не улыбались:

— Конечно. Там все другое.

— Не думаю. — Он попытался настроиться на ее лад, хотя до этого разговора собирался создать настроение праздничное, невесомое. — Любовь, предательство, зависть, подлость — это явления общемировые и вневременные. Когда мне говорят, будто в провинции отношения чище и возвышеннее, я отвечаю: вы просто не жили за пределами МКАД.

— Вы тоже недолго живете!

«А с ней-то что такое? — подумал Лев с недоумением. — Я кажусь ей тут лишним? Только мешающим ее отношениям с Симой? Наверное, так и есть. Вот только я не собираюсь уступать ей место. И лучше бы ей понять это сразу...»

— Я родился на Урале. И провел там все детство, — заметил он холодно, хорошо представляя, какими «стеклянными» стали его глаза.

Ему много раз говорили, что, когда он злится, взгляд у него делается убийственным, хочется съежиться и уползти подальше.

Но Ангелина не съежилась. Только протянула безразлично:

— А-а...

И ничего к этому не добавила. Зевнула с непосредственностью Лолиты. Потапов невольно припомнил: «А ведь ей уже восемнадцать. Не такая уж и девочка... Особенно учитывая ее бурный роман с Вахтангом».

Но сейчас Ангелине как раз и хотелось вернуться в детскую пору, он понимал это. И чтобы Сима нянчилась с ней как с родной, и никаких отличий не чувствовалось, — вот чего она будет искать придирчиво. Видела ли она Симу с родными дочерьми? Запомнила ли, как

это было? Какие словечки, жесты, улыбки? Вся разница обычно в этих мелочах. Родным достается куда больше мимолетных касаний, поцелуев хоть вскользь, в макушку, потому что уже большие, не даются, а мать еще не насладились за десять, пятнадцать, двадцать лет... Баюкать бы и баюкать на груди, нежить, напевая немудреные песенки... Захочется ли этого Симе хоть изредка, если вместо ее Лизоньки будет Ангелина?

Ему самому захотелось тотчас прижать Симу, которая, в сущности, оставалась такой же сиротливой девочкой, увезенной бывшим мужем в Подмосковье с Дальнего Востока, где тот служил. И родные теперь были — дальше не придумаешь, не каждый год можно позволить себе съездить. Ей тоже было восемнадцать тогда, не успела пресытиться материнской любовью, так и осталась недоласканной. И мужем тоже... Это чувствовалось в ней — испуганность какая-то, неумение полностью расслабиться под руками Льва, раскрепоститься, раскрыться. Но он не спешил в прелюдии, — *andante, andante, господи!* — ему нравилось долго гладить ее тело, которого Сима почему-то стеснялась. Нет, в общем-то, понятно — почему, учитывая, что ей даже не тридцать, но ведь Лев знал, сколько ей, и это не имело для него никакого значения.

Если б он искал в любви только юности и красоты, то нашел бы их без труда. Но этот этап Лев уже прошел в первом браке, когда успел затосковать от ощущения пустоты формы, восхищаться которой надоедает быстрее, чем она заполняется. «Ах, какая женщина!» — это он мог бы сказать только о Симе, но никак не о первой жене.

«Что она там делает на кухне так долго?» — Он направился туда, забыв, что в комнате осталась Ангелина, которой все будет прекрасно слышно.

Сима сидела на табурете у стола и вертела в пальцах незажженную сигарету. Увидев Льва, она попыталась улыбнуться, но не получилось, и он качнул головой: «Не надо, не насилуй себя!» Сам слишком часто раздавал улыбки, которые не отзывались в нем ни теплом, ни радостью, словно блестящие медяки разбрасывал, кичась своим богатством. Ругал себя за это вежливое притворство, называл это издержками воспитания, а избавиться не мог.

Присев перед Симой на корточках, он поцеловал маленькую руку, которой удавалось управляться с целой труппой молодых и ершистых. Он всегда сторонился ответственности за кого бы то ни было и власти не хотел — с собой бы управиться. И еще с героями пьес, которые для Потапова были людьми столь же реальными, как Сима со своей чуть влажной от волнения ладошкой.

— Пора пить чай, — произнес Лев совсем тихо, надеясь, что она услышит не слова, а намек.

Сима кивнула, бросила на стол сигарету. Поднявшись, он осторожным рывком поставил ее на ноги, достал из холодильника торт. Накануне они долго выжидали его, гадая, какой может понравиться Ангелине, с удовольствием втягиваясь в игру «Возвращение дочери». Но за ночь они оба слишком отвлеклись на самих себя, а утром едва не проспали, наспех выпили кофе и помчались в больницу забирать девочку. Не успели настроиться на нужный лад, вот почему сейчас так тяжело...

Он не мог догадаться, что сейчас их оставшаяся в прошлом жизнь вдвоем представлялась Симе ранним летним утром. Именно тем, которым расцвел день, завершившийся для Ангелины избиением и больничной койкой. Но начинался он так светло и радостно, что, казалось, в будущем вообще не может быть плохого.

Сима со Львом выбрались за город так рано, что еще было зябко на легком ветру и трава серебрилась росой, маня и пугая. По-детски взявшись за руки, они пошли проселочной дорогой меж полями куда глаза глядят, прислушиваясь к звукам просыпающейся деревушки, почти примыкающей к Березнякам, отыскивая в небе почти неразличимых жаворонков, от звона которых трепетало сердце. Показывали друг другу травинки, из которых в детстве «готовили обед», — и Лев тоже, потому что рос со старшей сестрой. И обкусывали сладкие кончики стеблей, вспоминая забытый вкус. А над ними кружил коршун, то и дело замирая, высматривая, но, кажется, он так никого и не унес тогда... Не погубил на их глазах.

Сима не помнила, о чем они говорили в тот день, только ощущения остались, будто она впитала их кожей: тепло, спокойно, счастливо. Почему-то казалось, что больше такого дня не случится... Ангелина всегда будет рядом. Разве не этого ей хотелось?

— Нужно достать чашки, — проговорила Сима так, будто приняла важное для себя решение, и это рассмешило Льва.

— И нож! — добавил он насмешливо. — Хорошо бы еще и ложки.

Подхватив торт, Лев поставил его на пальцы и скользящей походкой хорошего официанта влетел в комнату.

— Смотри, какую мы красоту нашли!

Ангелина оглянулась, но ее лицо не озарилось радостью.

— Наверное, вкусный, — отозвалась она вежливо.

«С обеими еще работать и работать, — подумал Лев удрученно. — А я-то побоялся поступить на филфак в

свое время, чтобы никого не пришлось ни учить, ни воспитывать...»

— Вкусный — не то слово, — сказал он строго. — Я тебе даже ложки не дам.

Она вопросительно улыбнулась:

— Почему?

— Чтобы ты пальчики облизывала, — произнес Лев наставительно. А в душе отозвалось знаменитое: «Не верю!»

«Не нужно этой притворной бодрости, — наказал он себе. — Она ведь тоже — актриса, тонко чувствует неестественность. А я фальшивлю напропалую... Но если буду, как они обе, демонстрировать, что у меня на душе, мы все через пять минут разбежимся в разные стороны... У меня просто нет выбора».

подавив неудовольствие собой, от которого начинало подергиваться веко, Лев позвал:

— Садитесь, девчонки. Сегодня я вас обслуживаю. Но только — сегодня, учтите!

* * *

Тополя уже выглядели жалкими, голыми, грязными от неутраченных дождей, которые не омывали, а только заставляли кору некрасиво разбухать, гноиться червоточинами. Ангелина смотрела на них из окна, не испытывая желания выйти во двор и прикоснуться ладонью. Зачем? Чтобы испачкаться? И без того до конца жизни предстоит соскребать с себя грязь. Иногда Ангелине даже начинало мерещиться: и волосы ей обрили не потому, что так было положено перед операцией, а чтобы вывести вшей или какую-то другую нечисть, просочившуюся изнутри, из опоганенной души ее. И время от вре-

мени передергивало от гадливости к себе самой, столько мерзости по своей воле принявшей, стерпевшей...

То, что эти люди — Сима и Лев — не отдергивали руки при случайных прикосновениях, уже казалось ей незаслуженным подарком. Может быть, произошло какое-то смещение в ее голове из-за травмы, но Ангелина чувствовала, что недостойна даже той простой жизни, в которую вовлекла ее Сима. Недостойна жизни вообще. Но раз уж ее вытащили назад на этот свет...

Правда, нейрохирург, ее оперировавший, — двухметровый гигант, обросший волосами, кажется, повсюду, кроме головы, — утверждал, будто никакой угрозы для жизни не было и работы ему было — с гулькин нос. Но Ангелине не верилось в это. Хотя бы потому, что момент пробуждения от наркоза был так невыносимо тяжел, будто ее действительно силком вытаскивали из лучшего мира. Стоило ли еще и благодарить за это? За то, что она вернулась к своему испоганенному Вахтангом телу...

Кажется, и Сима, и Лев угадывали, что за мысли бродят в ее больной голове, и не оставляли Ангелину ни на секунду, хотя ей совсем не хотелось ни разговаривать, ни улыбаться. Но Лев этого и не требовал. Он часами сидел в соседней комнате и работал над своей пьесой, и Ангелина понимала: ему пустяковые разговоры сейчас тоже — как дырка в голову. А других между ними и быть не могло. Что у них общего, кроме Симы?

А она появлялась дома только набегами, занятая постановкой очередной пьесы, уже другого автора. Не спрашивая, Ангелина иногда гадала про себя, пригласит ли она и этого драматурга приехать в Березняки и оценить постановку, как было со Львом Потаповым? И что из этого может выйти... Сменится мужчина в соседней комнате?

«Да ради бога! — убеждала она себя. — Если уж они так необходимы ей — эти мужчины...»

Хотя Льва было немного жаль. Ангелина даже не понимала — почему? Одна часть ее души твердила: мужчин вообще жалеть не за что, они ведь никого не жалеют. Красивых мужчин — тем более. Но другая сочилась сочувствием к человеку, втайне способному страдать наравне с Гелей. Сыграть ее Ангелине так и не довелось, но она все равно осталась в ней навсегда. Как и Герда... Вот только у нее никогда не было такого друга, ради которого она от правилась бы на Крайний Север. А ведь могла бы...

— Ангелин, давай по чашке кофе! — крикнул Лев из соседней комнаты. То ли действительно захотел взбодриться, то ли вспомнил, что время от времени нужно вытягивать ее из уныния. — Варить ты, конечно, не умеешь... Растворимого сделаешь?

— Кто тут из нас больной? За кем нужно ухаживать?

Она проворчала это только для того, чтобы продемонстрировать свою способность к шутливой перебранке, которой на самом деле не хотелось. Молчать бы и молчать. Смотреть в окно.

— Тебя выписали, не прикидывайся немощной.

«А ведь ему тоже в тягость эта словесная игра, — подумала она, отправляясь на кухню. — Ему не отрываться бы от своей пьесы, не выходить из того мира, который придумывает, и чтобы кто-нибудь время от времени приносил кофе... Могу я это сделать для него? Хотя бы пока пишет... С какой стати? В благодарность за то, что не брезгает есть со мной за одним столом? Вот еще! Кофе ему должна подносить Сима, я-то при чем? Только ведь ее не дождешься...»

Включив чайник, Ангелина опять прильнула к окну и вдруг ощутила, со всей безнадежностью, какая накопи-

лась в ней за время жизни с Вахтангом и после него, что отныне только это и будет — серая слизь осени, пустое небо, давящее прямо на макушку, мутное стекло перед глазами... И ничего не изменится, даже когда наступит зима. Если она наступит... О весне даже мечтать не приходится.

Почти не понимая, что делает, она залила в чашку кипятком, бросила туда ложку кофе, перемешала наспех и отнесла Льву. Поставила перед ним молча, не подняв глаз, чтобы он не заметил назревавшего в ней с каждой секундой.

«Он еще долго будет работать... Вчера сидел со своим ноутбуком, пока Сима не вернулась. А она не придет до вечера. У меня уйма времени...» Ангелина вытащила из подставки для ножей самый длинный, тронула пальцем лезвие — вроде острое. Воду она в ванной включать не стала, чтобы Потапова не привлек шум. В теплой воде нуждаются те, кто боится подкрадывающегося холода... Ангелина могла бы стерпеть даже стужу дворца Снежной королевы, было бы ради кого.

Она вдруг вспомнила: обычно после кофе вскоре хочется в туалет, а кровь вытекает медленно, и Лев может обнаружить ее еще живой и снова бросится спасать. Не объяснишь ведь ему, что не надо этого делать... Значит, нельзя терять времени, и нужно все решить одним ударом. В горло, чтобы наверняка. В сердце ведь она может и не попасть, хотя оно колотится так, что, кажется, промахнуться невозможно. Но в горло попасть легче. Задыхаться — мучительно, но она уже пережила это, выходя из наркоза. Переживет и еще раз...

Обхватив рукоятку ножа обеими руками, сцепив их что было силы, Ангелина нацелила острие прямо в ямку между ключицами. Хотелось закрыть глаза, зажму-

риться крепко-крепко, как в детстве, когда подкрадывался очередной страх после бабушкиных библейских историй, которые были неизменно жуткими и заканчивались адским пламенем. К ней в больницу ни бабушка, ни родители так и не приехали, хотя все знали — Сима сходила к ним на следующий же день. О своем визите в подробностях не рассказывала, но Ангелина могла себе представить, как это было. Вот еще и после этого — зачем жить?

— Ну...

Ей хотелось подумать в последний момент о чем-то важном, самом значительном, но в голове было гулко, и мысли терялись в горячем шуме, от которого уже и губы пересохли. Ангелина машинально облизнула их: «Ну, все!»

— Ты забыла положить сахар.

От испуга она не просто выронила нож, но отбросила его, и он, звякнув, затих в ванне. Лев стоял на пороге с чашкой в руке и смотрел на нее так спокойно, будто его действительно беспокоил лишь непривычный вкус кофе.

— Сполосни нож и положи его на место, — сказал он тем же обыденным тоном. — Тебе сделать чашечку? Или лучше чая?

— Вы... вы... — начала она и потеряла продолжение фразы.

Лев поманил ее кивком головы:

— Пошли на кухню, здесь от соседей чем-то несет... Самогонку они там, что ли, варят?

Ее вдруг начало потрясывать, как опять же после наркоза, когда никак не получалось унять противную мелкую дрожь, хотя холодно не было. В тот день, как только Ангелине удавалось расслабиться, так сразу в

палату кто-нибудь заходил, озабоченно спрашивал о самочувствии. И все ее тело опять охватывала эта противная тряска.

Поставив чашку на край ванны, Лев сдернул с крючка махровый халат и укутал Ангелину. Но халат был Симиным — слишком коротким, и Ангелина подумала, что выглядит в нем нелепо. И эта мысль внезапно открыла: раз она обращает внимание на такие вещи, значит, Лев вырвал ее к жизни со всеми ее условностями и неприятностями.

— Это посттравматическая депрессия, — пояснил Лев, постаравшись, чтобы это прозвучало убедительно, хотя не имел ни малейшего представления о том, существует ли такая разновидность этой болезни. — Многие этим страдают, даже после видимого выздоровления. Нужно немножко продержаться, и все.

Он вывел ее на кухню, усадил к столу, подкипятил воду в чайнике и сделал кофе, не забыв положить и сахар.

— Себе я тоже новый сделаю, с вашего позволения. Теплую мочу я пить не в состоянии.

То, что Потапов не суетился и не причитал, вызвало в ней прилив благодарности: «А он — настоящий...» Ангелина догадывалась об этом и раньше, еще прочитав его пьесу, захлебнувшись Гелиным горем, возлюбив ее, как сестру. Не по несчастью — тогда свою собственную жизнь Ангелина еще не опрокинула в грязь, — просто как сестру, которой у нее никогда не было.

— Не говорите Симе, — пробормотала она, глядя в чашку. Там в живой тьме то и дело вспыхивали блики света.

— Ладно, — согласился Лев, не заверяя притворно, что, конечно, не сказал бы, даже если б она не попросила.

С Симой ему хотелось делиться всем, даже не задумываясь, нужна ли ей эта его откровенность. Только сюжет новой пьесы держал в секрете, всегда так делал: хранил, как святую тайну, трепетно веря, что творчество — это только между ним и Богом. Вот когда он почувствует, что смог реализовать Его замысел, выложился весь, вывернулся наизнанку, тогда можно и другим показывать, не стыдно будет за себя. Выводить придуманных им (или заглянувших к нему из другой реальности?) людей в свет, чувствуя уверенность, что они вполне жизнеспособны.

— Хорошо, что это — вы, — по-прежнему не поднимая глаз, проговорила Ангелина не очень разборчиво, но Лев понял, о чем она.

— С писателями проще, правда? — усмехнулся он. — Чего я только сам не натворил в своих рукописях... Меня можно не стесняться. Запомнишь?

— Но вы ведь тоже не все знаете? — Она решилась взглянуть на него — одновременно пытливо и умоляюще.

— Да уж, конечно...

— Как эту осень пережить — откуда вам знать?

— Наверное, нужно принять ее как испытание.

— Испытание?

— Проверку. Достойна ли ты того, что тебе сохранили жизнь.

— И вы в это верите?

— Я хочу, чтобы ты в это поверила. Ведь это действительно правда. Ты почувствуешь, когда выпадет первый снег. Вот что создает полную иллюзию очищения.

«Как он угадал, что мне необходимо именно очищение?» Ангелина взглянула на него почти с благоговением. Но все же сказала:

— Только иллюзию...

— Мы все живем иллюзиями. Разве любовь — не иллюзия? Тебе кажется, что ты не можешь жить без этого человека, а на самом деле прекрасно проживешь без него. Если только захочешь расстаться с этой иллюзией. Но счастливы как раз те, кто держится своих...

— Если они есть у обоих...

Потапов качнул головой:

— Совсем не обязательно. Человек может прекрасно прожить целую жизнь, обманывая себя, просто не желая знать, что другой холоден к нему. И умереть счастливым.

— Но бывают же люди, которые действительно не могут жить друг без друга? Редко, но бывают. — Она сама не понимала, отчего так разволновалась, ведь они говорили совсем не о том, что мучило ее полчаса назад.

Его губы дрогнули усмешкой:

— Серьезно? Ты имеешь в виду Ромео и Джульетту? Если б им было лет по тридцать, они не покончили бы с собой, будь уверена. Шекспир не случайно сделал своих героев подростками. Гамлет немногим старше, но уже не пытается вскрыть себе вены.

— Гамлет и не любил никого!

Ангелина произнесла это так резко, что сама смутилась. Получалось, будто она еще и обвиняет его в чем-то, вообще не имеющем к нему отношения. А он ведь неплохой мужик...

«Нет, мужиком его не назовешь. — Она бросила косяй взгляд на его лицо и опустила ресницы. — Ему так и хочется сказать «сэр»... Неужели он и в самом деле родился на Урале?»

Но Лев точно обрадовался, услышав ее слова. Хлопнул ладонями по коленям:

— Вот тут ты права! Все его страдания — вот здесь. — Он постучал согнутым пальцем по лбу. — И тем он интересен, правда?

— Не знаю, — отозвалась Ангелина раздраженно. — Может, и так...

Ей вдруг захотелось вскочить, ударить кулаком по столу: «Зачем вы пытаетесь отвлечь меня?! Зачем мы говорим об этих придуманных людях? Я — живая, настоящая, и мне так плохо... Почему вы боитесь поговорить обо мне? Я вам не интересна? Конечно, я ведь глупее Гамлета...»

— Ты смогла бы сыграть Офелию, — неожиданно сказал Лев, разом скомкав ее обиду. — В тебе есть это неуловимое сумасшествие...

Она протянула каким-то тоненьким, не своим голосом:

— Правда? Смогла бы?

— Только поучиться ремеслу тебе все равно нужно. Талантливые самородки в актерском деле все равно дилетанты. Это все хорошо, и твоя профессиональная наивность вызывает восторг, только пока ты — ребенок... Мастерством нужно овладевать. Работать надо. В этом Чехов был прав... Он во многом был прав.

Лев говорил так серьезно и с такой убежденностью — Ангелина даже замерла, прислушиваясь и пытаясь поверить. Не в сами слова, а в то, что это нужно именно ей, и впереди еще может быть что-то... А Потапов уже плел паутину будущего, которая была непрочна, но просматривалась, поблескивала красотой отдельных узоров. И Ангелина позволяла опутать себя, заманить в ловушку веры, из которой можно было пробираться лишь в одном направлении. Туда, куда он ее и подталкивал.

Сима получила короткое сообщение: «Ждем тебя в нашем ресторане». В первый момент у нее запутались мысли: «В каком это — нашем? У нас есть свой ресторан?»

Потом вспомнила, где они со Львом Потаповым провели свой первый вечер, и сначала ожила улыбкой, все еще глядя на экранчик телефона, но тут же заметила, что он написал «мы». Ангелина будет с ними. Конечно же, как иначе, если они собираются жить одной семьей... Все нормально, уверила себя Сима, она и сама собиралась всюду таскать девочку с собой, чтобы та поскорее пришла в себя. Вот только зря Лев повел ее именно в тот ресторан... Допустил третьего в их общую тайну.

— Да ладно, — пробормотала Сима, пряча телефон в сумку. — Не такая уж и тайна... Ничего особенного.

Но в душе зудело: интимность нарушена. Место, где были произнесены *те* слова, уже не принадлежит только им. Сима попыталась убедить себя, что им двоим оно никогда и не принадлежало, ведь не безлюдный остров какой-нибудь — обычный ресторан, где народ табунами ходит. Прозвучало не очень убедительно. Других они тогда и не заметили, ни одного лица в памяти не осталось, кроме одного, на которое еще не насмотрелась, не надышалась одним со Львом воздухом.

«Ангелина не помешает мне смотреть на него и сегодня, — она уже шла к той гостинице, где в первый свой день в Березняках остановился Потапов. — Почувствовать себя наедине среди толпы — попробуем? Или он уже не хочет этого? Утром его глаза говорили: хочет. Видеть только меня. Но можно ли верить таким глазам, как у него?»

Только припомнила, представила эти глаза, — уже сердце защемило. Такая красота вошла в ее жизнь, чем заслужила? А если с его стороны это всего лишь благодарность за пьесу, ведь ее, кроме Симы, еще никто не поставил? А эта вещь для него — особая, это она поняла, не зная истории его семьи, не подозревая, что выдуманная героиня, изнасилованная отцом, была сестрой Льва в реальности. Не спас ее двенадцатилетний мальчик... А что он мог сделать? Он вырос и написал об этом пьесу. Боль сохранил в своих глазах, которые тем, кто его не знает, кажутся холодноватыми, взгляд — высокомерным. Обманываются: капризный красавчик! Хотя как раз этого в нем нет, ни капризности, ни самолюбования.

Сима стиснула ремень сумки, ускорила шаг: «Не хочу думать, что он только благодарен мне, не более того... Да он же всем своим существом просит любви! Если б это была обманка, я уже почувствовала бы. Профессия у меня такая, — усмехнулась она, — ликвидировать фальшь в поведении. Хоть на сцене, хоть в жизни. Не у всех получается... Наташка Лукьянцева из кожи вон лезет, чтобы казаться естественной, Ангелине же и усилий прикладывать не надо было. В шкуру любого персонажа могла влезть в два счета. Эта ловкость и есть актерский талант? Пронырнуть в чужую жизнь и облечься ею, как новой кожей...»

Мелкая морось так же облепила лицо, оно все уже было в едва различимых капельках — Сима опять забыла зонт. «Перед рестораном надо промокнуться платком», — сделала она себе зарубку в памяти, незаметно потеряв точку в области «третьего глаза». Кто-то научил ее, будто это способствует запоминанию. Однако почти у входа ее окликнули. Она оглянулась, не узнав

голос, но, понимая, что обращаются именно к ней — другую Симу в их городке днем с огнем не сыщешь.

— Лукьянцевы и без детей? — Она сделала вид, что не верит собственным глазам. — Неужели вас выпустили из дома?

— А нас под замком и не держат, — заверил Иван и приподнял большой черный зонт, защищая от дождя и Симу.

Оказавшаяся на расстоянии ладони, Оксана нетерпеливо перебила:

— Увидели вас и одновременно заговорили о том, что пора снова побывать на спектакле «Версии».

— Добро пожаловать, — отозвалась Сима удивленно.

— Что у вас сейчас идет?

Она развела руками. Жест был откровенно театральным, так ведь и разговор в этом духе:

— У них в доме своя артистка, а они у меня спрашивают!

Лукьянцевы переглянулись, потом Оксана начала уже менее уверенно:

— Вот и об этом мы тоже хотели поговорить... Вы не обидитесь, Сима, если Наташа перестанет... Ну, участвовать в жизни вашего театра...

— Ей надоело?

Вот это удивило уже по-настоящему, ведь Наташа на каждую репетицию прилетала с горящими глазами.

— Ей никогда не надоест, — заверил Иван. — Но мы, честно говоря...

— Она запустила учебу, — снова перебила Оксана.

У Симы отозвалось в мыслях: «Ненавижу это выражение! И саму школьную учебу тоже... Девочку можно понять. Театр куда интересней».

— Тройки по физике появились... Мы начали волноваться уже всерьез. Она ведь теперь старшеклассница, надо головой думать, а не... Ну, не станет же она профессиональной артисткой!

— Почему нет?

— Это несерьезно!

Сима напряглась. Ей захотелось отступить, выйти под дождь.

— Это вы про свою дочь сказали или про профессию?

Оксана тотчас пошла на попятную:

— Нет, в целом это, конечно, профессия как профессия. Некоторые даже ухитряются добиться славы и денег. Но ведь для этого нужен талант!

— Вы считаете Наташу бездарной?

Иван удержал жену:

— Наташка сама считает себя бездарной.

— Серьезно?! — вырвалось у нее словечко Льва.

— Ну, не совсем... Но у нее все время проскальзывает в разговоре, что вот, мол, Ангелина — это талант, а она сама так, погулять вышла.

— Она скромничает.

— Правда? — почему-то обрадовалась Оксана. — Так вы считаете, она не совсем безнадежна?

— Так вас это настораживает или тройки по физике?

Они опять обменялись взглядами. Симе показалось, будто Лукьянцевы пытаются понять это прямо сейчас.

— Не торопитесь с ответом, — остановила она. — Решите это для себя. И никогда не говорите своим детям, что сомневаетесь в их таланте.

Иван неподдельно ужаснулся:

— Да что вы, Сима! Мы их расхваливаем на все лады! Они ведь у нас действительно и талантливые, и добрые...

— И красивые! — вставила Оксана.

Сима насмешливо отозвалась:

— Все в родителей. Кстати, если вы надумаете запретить Наташке играть в нашем театре, сначала посмотрите фильм «Общество мертвых поэтов». Не видели? Он вам многое объяснит.

— Что-то я слышал об этом фильме...

Быстро взглянув на мужа, Оксана пробормотала, подзревая недоброе:

— Странное название.

— Чудесное название! И фильм чудесный. Посмотрите его вместе с детьми, не пожалее.

Они распрощались с ней как-то растерянно, точно пытались угадать, о чем им скажут героини той истории, которую Сима пыталась ввести в их жизнь. «Пусть поплачут, — подумала она без злорадства. — Это пойдет им на пользу. И я Наташку удержу... Она — не худший вариант. Хотя до Ангелины — она права! — ей далеко».

Лицо она так и не вытерла. Вспомнила об этом, когда вошла в зал и увидела Льва. Он то ли поднялся только что, то ли так и дожидался ее, не садясь за столик. У Симы тревожно замерло сердце: «Это сияние — натурально ли оно?» Она тут же одернула себя: с чего вообще об этом думается? И вспомнила, что это опасение их первого дня. С тех пор оно никуда не делось, хотя мешало страшно. Раздражало, напоминая о собственном несовершенстве, помнить о котором не хотелось.

— Привет! — прокричал он через весь зал.

Сима в ответ только вскинула руку. Потом, приблизившись, поцеловала его щеку и ощутила свою влажной, холодной. Разве такого прикосновения ждешь? Но Лев, будто ничего и не заметил, подхватил ее под локоть, провел к столику, отгороженному от остальных чем-то напоминающим рыбацкий невод.

Не снявшая шляпки со своей обритой перед операцией головы Ангелина нервно улыбнулась вместо приветствия — губы дернулись на неподвижном лице. Сев напротив, Сима попыталась угадать: «А эта с чего психует? Недовольна слишком ранним моим появлением? Или после больницы чувствует себя не в своей тарелке в людном месте?»

— Я рискнул сделать заказ за тебя, но его до сих пор не принесли! А так мы ждали бы до ночи. — Лев уселся во главе стола.

«Ни дать ни взять — владелец гарема». — Сима прикусила губу, чтобы не рассмеяться некстати.

— И что же вы мне заказали?

— Что-то рыбное, — произнес он не очень уверенно. — Я забыл, как называется. Ангелина, ты не помнишь?

Та проговорила, так пристально глядя на скатерть, словно там отпечаталось меню:

— Тигровые креветки по-мексикански.

— Звучит угрожающе. Кстати, креветки — не рыбы. Они теперь фигурируют везде как морепродукты.

— Извини, ошибся.

— Я не люблю рыбу. Ты забыл?

— Серьезно? Ты никогда не говорила, что не любишь...

— Ты забыл.

— Ну, извини. Тем более это все же не рыба. Но если тебя стошнит от их вида, я запросто съем это сам, а тебе отдам... Забыл! Ангелина, что я заказал себе?

Она отозвалась с той же компьютерной точностью:

— Фуа-гра с соусом из лесных ягод.

— Профессиональная память!

— Кстати, вы знаете, что так называется печень гусей, которых вскормили одной только кукурузой. Слава Хрущеву! — провозгласил Лев.

Ангелина подняла брови:

— При чем здесь Хрущев?

— Девочка, что у тебя по истории? Он всю нашу страну засеял кукурузой.

— Я люблю кукурузу, — виновато улыбнулась она. — Вареную и с солью.

Сима подхватила:

— Вот что любят простые девочки из города Березняки! А фуа-гра...

Незаметно мотнув головой: «Не надо так!», — Лев предложил:

— Так ты хочешь поменяться на...

— Не стоит, — перебила она. — Все нормально. Я съем этих чертовых креветок.

У него застыл взгляд:

— Зачем такие жертвы? Мы можем отменить заказ.

— Не можем. Официантка уже тащит поднос. Эта проворнее, чем была та, что обслуживала нас здесь тогда.

Лев не поверил:

— Ты запомнила ту официантку? Я даже не обратил внимания.

— Так что мы празднуем? Креветки мне, спасибо... Выглядит ничего. Вино вы, надеюсь, заказали?

— Красное.

— Под рыбу-то? Хотя у вас-то мясо... Ага, вот и вино. Ну ладно, будем пить красное. — Сима подождала, пока официантка отойдет, налив им по глотку, и спросила: — За Ангелину, я так понимаю?

«Господи, я не могу себя слышать! — взмолилась она, уставившись в бокал, где колыхалось нечто похожее на кровь Христову. — Почему такой стервозный тон? Слово я ненавижу эту девочку... А ведь несколько дней назад, в больнице, я целовала ее пробивающиеся волосы,

убеждая, как хорошо нам будет вместе. И мы все наконец обретем настоящую семью... Что же помешало этому произойти? Какой-то непреодолимый внутренний протест... Отчего он возник? Неужели вне больничных стен я уже не могу видеть в ней только больного ребенка? Что с моими глазами?»

Она подняла бокал:

— За тебя, моя девочка! Пусть отныне все будет хорошо. Не просто у тебя — у нас.

Словно продохла боль, Ангелина расцвела улыбкой:

— Спасибо! Все ведь и вправду будет хорошо?

— А куда оно денется?

Глаза Льва потеплели, ожили, и Сима поняла, как он ждал от нее подобных слов и опасался, что прозвучат совсем другие. Навалившись грудью на стол, он проговорил с мальчишеским шкодливым выражением:

— А знаете, что здесь есть? Сигарный клуб. Хотите попробовать настоящие сигары?

Сима покосилась на него с сомнением:

— Ты наверняка знаешь, с какого конца их обрезать?

— Нам покажут.

— Лев, вы ведь не курите?

— Ну, сигара — это скорее обряд, чем...

— Не надо, — опять перебила его Сима. — Лучше не пробовать того, чем не сможешь наслаждаться постоянно.

Он сразу умолк. Отведя взгляд, она медленно осмотрела зал:

— Я так редко бываю в ресторанах, что начинаю испытывать какое-то волнение. Будто в ткань романа проникаю...

Лев подался к ней:

— Какого именно?

— Не знаю. Сотканного разными авторами.

— Сотканного, — повторил он. — Хорошо сказано!

— Или вхожу в кадр французского фильма...

— Именно французского?

— Грустный разговор за столиком, вино на дне бокала, женский голос поет о любви...

Прислушавшись, Ангелина заметила:

— На английском поет.

— Не важно. За окнами тоже далеко не Париж... Но ощущение! Понимаешь? Ты можешь создать себе ощущение. Нафантазировать его. И наслаждаться им целый вечер.

— Это ты можешь, — проговорила Ангелина через силу. — У меня не получится. Я все время помню, что сижу в Березняках с обритой головой. И черта с два за окном возникнет Эйфелева башня!

— Ну, без этой башни-то мы проживем, — небрежно заметил Лев. — Хотя я и не фанат Мопассана, но тоже не нахожу в ней особой красоты.

Нож в Ангелининой руке звякнул о тарелку. Положив его на салфетку, она хмуро спросила:

— Вы понимаете друг друга с полуслова, да? При чем тут Мопассан? Могли бы и расшифровать для необразованной девушки.

— Извини, извини! — спохватился Потапов. — Мопассан считал эту башню верхом уродства.

— Понятно.

— И дождь стучит в окно, — не слушая их, продолжила Сима. — И никуда не нужно спешить...

Прислушавшись, Лев накрыл ее руку своей:

— Ты сегодня настроена на блюз?

— Мадемуазель поет блюз... Нет, я уже давно не мадемуазель!

— Это ничего не меняет.

— Для кого?

— Для меня. Ты всегда будешь моей девочкой.

«Он сказал это при ней. — Сима улыбнулась, почувствовав, как расправляется сжавшаяся от страха душа. — Не побоялся обидеть ее, значит, у нее и нет повода обижаться... Не стоило и думать об этом».

Пожав его теплую руку, она спросила:

— Ангелина, чем ты занималась сегодня? Не скучно? Может, пора вернуться к репетициям? Скоро премьера — Шевкун денег подкинул на декорации.

— Кто такой Шевкун? — почему-то напрягся Лев.

В такие моменты лицо у него делалось вытянутым, надменным, уголки губ так и тянулись книзу.

— Глава нашего района. Я не рассказывала тебе о нем? Уникальная личность, между прочим. Такой, знаешь, чиновник-экстремал. На самом деле он не совсем чиновник, пришел во власть из бизнеса, может, конечно, и не самого большого, но для меня — гигантского! Как эта креветка...

— Невкусно?

— Нет, ничего. Спасибо.

— Так этот Шевкун вам помогает? Сколько ему лет?

Сима улыбнулась, восхитившись про себя: «Неужели ревнует?!»

— Лет сорок.

— А-а...

Ей захотелось поддеть: «В самый раз!» — но она пока не представляла, что будет, если раздражить Льва. Даже если до сих пор он не показывал характер, рано или поздно его имя должно было как-то проявить себя... И все же Сима не могла удержаться от того, чтобы не дорассказать об Алексее Шевкуне.

— Он из тех, кого называют крутыми мужиками. В него и стреляли, и гранаты бросали.

— Кто? Мафия или собратья по цеху?

— Да кто их различит?

Подцепив кусок гусиной печени, Лев пробормотал:

— Значит, ты дружишь с такими парнями? Я не знал.

— Кто сказал, что дружу? Все только и говорят, мол, Шевкун никому просто так денег не дает, хочет, чтобы научились зарабатывать. Но, видно, он понял, что театр не может находиться на самоокупаемости. Так он рискует превратиться в стриптиз... Это уже случилось со многими театрами... Так что, Ангелина? Ты готова вернуться к работе?

— С такой головой? — отозвалась Ангелина мрачно.

— Ты не слышала не только о нелюбви Мопассана к Эйфелевой башне, но и о существовании париков?

Симе хотелось просто подколоть Ангелину, но вышло это зло, даже Лев дернулся и оттолкнул ее руку. От испуга захотелось зажмуриться, чтобы не видеть его глаз: «Что же я делаю? Что я делаю?!»

— «Неоконченная симфония Шуберта», — неожиданно сказал он, ничего не поясняя.

Но Симе поняла: своим особым зрением, проникавшим в души, Лев сумел разглядеть, как внутри нее тихое устремление к свету, звучание свирели, которое ей так хотелось удержать в себе подольше, внезапно сменяется шокирующим шквалом страсти, и тот нарастает настолько стремительно, что она не успевает противостоять этому. Льву не нужно было пояснять, почему и как это происходит. Временами они действительно понимали друг друга с полуслова.

Он растолкал Симу утром, вырвав из последней сладости сна, в который она и так окуналась не больше, чем на шесть часов, торопя ее вернуться в мир суеты и забот.

— Симка, снег выпал!

— Ну и черт с ним, — буркнула она, не открывая глаз. — Будильник еще не звенел.

— Но он может растаять...

— Да еще тонны нападают. Оставь меня в покое!

А когда тонкий электронный писк обязал сесть на постели и разлепить глаза, Сима обнаружила, что Лев и в самом деле оставил ее в покое. И этот покой испугал — в нем не было никого, постель оказалась пуста.

«Где ты?» — едва не завопила она от страха, вырвавшегося из этой пустоты, но успела вспомнить, что за стеной спит Ангелина, для которой сон, как бывало во все времена, — лучшее лекарство. И пощадила девочку, подавив внезапный ужас, в общем-то, беспричинный, не закричала во все горло, хотя позыв был. Не мог же Лев действительно исчезнуть, истаять, как тот снег, о котором он бормотал, пытаясь разбудить ее... Он где-то здесь. Пока еще он рядом.

В любом случае спать уже расхотелось, тревога подействовала лучше чашки кофе: «Обиделся? Прячется на кухне? Глупенький мой... Мальчик мой... Снегу обрадовался, а я не разделила...»

Уже предвкушая, как сейчас прижмет к груди его голову (ясно представилось: Лев сидит на табурете возле стола, хмурый и еще не бритый) и прошепчет слова самые ласковые, самые нежные, Сима на цыпочках вышла из комнаты и обмерла, увидев их с Ангелиной у

окна. Они смотрели на медленно опадающие снежинки, не переговариваясь, даже не переглядываясь, но в их молчании Симе почудилось такое понимание и единение, будто первый снег оказался липким настолько, что слепил Льва с Ангелиной в одно целое — диковинное. Коснуться которого значило осквернить...

В душе зазвучало плаксиво: «А как же я?!»

Ощущение сиротства, от которого она только-только начала избавляться, разлилось ознобом по телу. И в этот момент Лев обернулся, посмотрел на нее без улыбки — все понял! Протянул руку, тепло которой Сима чувствовала на расстоянии:

— Иди сюда. Ты еще не видела.

Ангелина только улыбнулась ей через плечо и снова отвернулась к окну. Не сопротивляясь (хотя тянуло выкрикнуть: «Да пошли вы! Раз вам и без меня хорошо...»), Сима приблизилась и встала рядом, отказываясь понять, чем их обоих так заворожило обычное зрелище, свидетелями которого они все становились из года в год. Нет, понимать-то она понимала, сама всегда запрокидывала голову, если никто не видел, и ловила первые снежинки губами. Но принять сейчас то, что эту красоту открыла не она и ее только допускают в клуб, Сима отказывалась.

— Он вовремя пошел, — произнес Лев, не пояснив фразы, но Ангелина взглянула на него так, будто поняла, что стояло за этими словами.

Посмотрев на Льва вопросительно: «Не растолкуешь?» — Сима вдруг ощутила отголосок того страха, который поднял ее с постели: почему сейчас эта девочка понимает его мысли, а я — нет? Разве так может быть? Противоестественности никто не находит? И увидела, что ответ очевиден: нет, им обоим это кажется

нормальным... Хотя еще вчера вечером все было по-другому. Что вдруг изменилось? Погода?

Ей показалось, будто снег пошел внутри ее, так стало холодно и просторно, словно Лев уже ушел из ее души. Ведь Сима знала себя — достаточно всего лишь намек на неверность, и она сама оттолкнет, исторгнет, пережжет все канаты и ниточки. И выяснять ничего не будет... Пока случился только один Ангелинин взгляд, полный понимания. Можно ли считать его уликой? Да еще его загадочная фраза, в которой ключевым стало слово «вовремя»... Своевременность чего Лев имел в виду на самом деле?

Но спросить показалось невыносимым, хотя она позволяла себе быть и любопытной и бесцеремонной. Только не сейчас... И Сима ушла с этим недоумением на кухню, отгородилась от бесшумности снега бодрым разговором чайника. Лев пришел за ней следом почти тотчас, но не совсем. Почти... Что они успели сказать друг другу в эти секунды? Как взглянуть?

Ни о чем не спросив (как можно?!), Сима прошла мимо него в ванную, включила воду и забыла, зачем зашла сюда. Так и стояла, опустив руки и глядя на упругую струю, которая не боялась разбиться о твердое дно.

— Я же знала, что так будет.

То ли она прошептала эти слова, то ли всего лишь подумала. Можно ли было ожидать иного, сводя вместе двух красивых молодых людей, оставляя их наедине на целые дни? С чего вдруг он должен был испытать отцовские чувства? Никогда и отцом-то не был...

Ей тут же припомнилось, как Лев заговорил об этом буквально на днях, уже Ангелину забрали из больницы. Ни с того ни с сего спросил:

— Ты никогда не хотела родить третьего ребенка?

— Зачем? — вырвалось у Симы. — У меня есть дети, ты забыл? И других мне не надо.

Теперь собственная категоричность — такая обыденная! — показалась оскорбительной, ведь получалось, Сима отвергала даже мысль о возможных детях от Льва Потапова. Не о них, абстрактных, в тот момент подумала, а о своих дочерях, которых не могла предать еще и рождением другого ребенка. Ведь они все равно узнали бы — слухи и через океан долетают. И не простили бы. Мгновенно увиделись их младенческие ножки, пальчики-грибочки, розовые пяточки, сладко пахнущий пушок волос... О каких еще детях можно допустить хотя бы мысль?! Разве у других может быть такая нежная кожа, такой звонкий смех...

«Неужели Льву хочется ребенка? — оцепенело глядя на струю воды, думала Сима. — Абсурд! Зачем ему ребенок? Он ведь так увлечен своей работой... Младенец писать пьесы не даст, понимает ли он это?»

Она гнала мысль о том, что если кого и выбирать в матери, то лучше Ангелины Льву не найти. Долгий телефонный звонок пробился сквозь шум воды, заставил ее содрогнуться от страха: что еще случилось?! Просто по делу в такую рань не звонят. Ей показалось — междугородка («Даллас?!»), и Сима выскочила из ванной, не успев закрыть кран. Лев только занес руку над трубкой, а она уже схватила ее, поднырнув: не дай бог дочки услышат мужской голос! Что в этом было настолько уж предосудительного, Сима задуматься не успела, уже слышала тонкий Лизонькин вскрик:

— Мама! Я хочу приехать к тебе.

— Приезжай! Немедленно! — закричала она в ответ и только потом спросила: — Что произошло? Тебя кто-то обидел?

— Он хочет жениться.

— Жениться? Папа? О господи...

Почему-то Симе никогда не приходило в голову, что Антон способен на это. Казалось, вся его жизнь отныне будет посвящена святой мести ей, бывшей жене. Изо дня в день настраивать дочерей против матери — это труд не из легких. Тем более они когда-то так любили ее...

— Она ужасная! Ей двадцать лет.

— Еще не легче...

— Мама, она — Барби! Ее так зовут, правда. Я не хочу жить с ней в одном доме. Она все время сидит у папы на коленях... Рита уже ушла. Она сняла квартиру. Она теперь бэби-ситтер... Как это?

— Нянька... Лизонька, слушай, я прилечу за тобой! — заверила Симе, еще не представляя, где раздобудет денег, но твердо зная, что землю пророет, лишь бы оказаться рядом с дочерью. Хотя бы с одной из своих девочек...

— Нет. Папа готов отправить меня самолетом.

«Как багаж!» — ужаснулась Симе.

— Ага! Теперь он не против тебя отпустить... Когда ты вылетаешь?

— В среду. Мама, ты встретишь меня в Москве?

— Еще бы! Сегодня понедельник? Послезавтра! Неужели послезавтра?!

— Я еще позвоню, мама...

— Конечно, звони! Сколько у вас сейчас времени? Я совсем не соображаю. Звони, когда у нас утро или вечер. Давай раскрутим его напоследок на телефонные звонки!

Едва слышный смешок в трубке, скороговоркой: «Я люблю тебя, мама», — бесстрастные гудки...

Не сразу отключив телефон, Сима застонала от счастья. Ей понадобилась не одна минута, чтобы вернуться в ту реальность, где, кроме них с Лизой, существовали еще и Лев, и Ангелина, и юные актеры ее театра, которые сейчас не имели отношения к Симиной жизни.

С трудом заставила себя обернуться и встретила вопросительный взгляд зеленоватых глаз. Лев все еще дождался ее за кухонным столом:

— Что? Лиза прилетает?

— Навсегда! — выпалила Сима, чтобы все сразу встало на свои места.

И смело подошла, готовая принять все его недовольство.

— Серьезно? Я так понял: послезавтра? Ну, мне хватит времени, чтобы убраться отсюда.

Она непритворно ужаснулась:

— Зачем тебе убираться?

«Прямо сейчас лишиться этих глаз, этого лица, этого высокомерного, когда он обижен, его выражения?! Да ни за что! По доброй воле — никогда!» — Несмело протянув руку, Сима потеряла его короткие волосы, на рассвете они отблескивали золотыми искрами. Она еще подумала однажды: это отсвечивает его талант...

— Ты мой родной, — забыв, что рядом Ангелина, произнесла она тем низким голосом, который Лев слышал только в постели. — Неужели ты думаешь, будто я готова пожертвовать тобой? Что ты, солнышко? Ты уйдешь отсюда только тогда, когда сам этого захочешь. А всем остальным придется признать факт твоего существования... И Лизе в том числе.

Неуверенно улыбнувшись снизу, он позволил ей огладить все свое лицо, которого сам будто не заме-

чал, не понимал, как у других замирают сердца, когда они просто смотрят на него. Руки Симы подрагивали, но она не боялась, что он заметит это. Впервые ей хотелось, чтобы Лев по-настоящему прочувствовал, как же она сходит по нему с ума... До дрожи, до боли, до ярости, до нежелания жить... Всех ее безумных мыслей ему знать не нужно, но пусть он поймет, как необходимо ей не где-то — абстрактно существующий на свете, — а здесь, рядом, сейчас... Тогда и ему легче будет справиться с Лезиным протестом. Если он, конечно, возникнет.

Голос Ангелины заставил ее отдернуть руки:

— А мне? Вот мне-то точно надо убираться, да?

Первый отклик в душе не понравился Симе: «Как хочешь...»

Она резко натянула повод, обуздала свой нрав: «Это ревность говорит за тебя. А что случилось-то? Люди смотрели на снег... Разве это значит, будто они готовы стать любовниками? Он всегда говорил, что воспринимает Ангелину как сестру. Как ожившую Гелю... Допускает ли он инцест? Вся его пьеса, собственно, об этом, мне ли задаваться таким вопросом...»

— Никому никуда уходить не нужно, — не обернувшись к Ангелине, ответила она уверенно. — Мы попробуем жить все вместе. Может быть, Лизе даже легче будет осваиваться здесь, если не я одна буду ее вводить в русскую действительность. Тем более мне надо будет работать...

— А если я не понравлюсь ей?

— Понравишься. — Сима заставила себя посмотреть на девочку. — Кому ты можешь не понравиться?

— Себе, — ответила она, заставив Симино сердце дрогнуть.

«Почему в последнюю ночь перед Лизиним приездом мне приснилась не она, девочка моя, хотя уже умираю от ожидания, а Лев, который спал рядом? И мы были незнакомы с ним... — Сима попыталась восстановить в памяти неровное течение сна. — Я смотрела на него со стороны, вернее, снизу вверх: почему-то он — на сцене, а я, как обычно, в зале. Но это был не спектакль, не шоу какое-нибудь, а как будто его встреча со зрителями или что-то вроде этого. Из партера я ловила его взгляд, но он скользил мимо меня, поверх головы — где уж такую, как я, заметить в толпе! Я же не могла отвести от него глаз и думала, потрясенная: «Неужели все-таки бывают такие парни? Невероятный парень...» Почему-то во сне я не называла его мужчиной, наверное, он казался мне еще моложе, чем есть на самом деле.

А потом мы оказались рядом, расстояние ужалось до минимума, но он по-прежнему не замечал меня. Мне же не терпелось попасться ему на глаза, и я все крутилась рядом, пытаюсь задеть его локтем, наступить на ногу. Но Лев словно был окутан непроницаемым коконом. Защищен от моего вторжения. И я еще раз неспешно распробовала до самой глубинной горечи, что такое чувство безнадежности, с которым меня познакомили дочери. Старшая так и не сделала навстречу ни шага. У младшей не хватило характера. Или хватило души?

Почему во сне я испытала это со Львом? Предостережение послано? Если бы промедлила хоть секунду, когда он заявил, что немедленно «уберется» из моего дома, уверена, мой невероятный парень так и сделал бы. И я больше не заманила бы его в Березняки никакими постановками, никакими премьерями. Включи я

в тот момент рассудок, время было бы упущено, потому что неизбежно зародилось бы сомнение — а может, так и лучше? Для Лизы, для меня самой... Спокойнее. Но я откликнулась на его слова инстинктивно, обычной бабой вцепилась в сапог: «Не пущу!»

Впервые отважилась приоткрыть ту кипящую магмой бездну, в которую превратилась моя душа еще в тот момент, когда Лев Потапов вошел в зал нашего театра. Тогда я не решилась встретить его на вокзале, чтобы ему не почудилось в этом жесте некое провинциальное холуйство перед столичными жителями — смесь зависти и преклонения. Точно Москва находится ближе к Богу... Заставила нашего автора отыскивать «Версию», спрашивать на улице — таксисты не знали, где такой театр находится! Среди них не было молодых или таксисты вообще не интересуются театром? А зрители наши машину к выходу не заказывают, топают на своих двоих...

Господи, о чем я?! Хотела ведь еще раз припомнить в деталях, как Лев вошел в зал, как я онемела в первый момент, потом с ходу заговорила о пьесе и (видно, со страха!) сказала ему что-то интересное, уже не помню — что. Но Лев позднее признался, что никто еще не понимал эту его пьесу лучше, чем я. И он возликовал уже на пороге, обнаружив родную душу. Стать родным и тело он заставил уже в ту же ночь... Хотя почему — заставил? Можно подумать, кто-то сопротивлялся! До встречи с ним я и не засматривалась на таких мужчин, так — взгляд скользнет, в душе коротко звякнет колокольчик, но дверь отпирать глупо — это обманка, никто не войдет. Чужие люди проходят мимо, не оставляя печали.

В моем сегодняшнем сне мы со Львом тоже не стали родными. Остались вообще не узнанными друг другом. В душе — пустота: он ушел, так и не задержав на мне

взгляд. Унес в неизвестность свою красоту, которой то ли не придает значения, то ли действительно не замечает. По крайней мере, ведет себя так, словно боится, что я (я!) могу охладеть к нему. Ни в чем не повинного Шевкуна, который помог нашему театру, уже не раз мне припомнил... Смешно. Разве можно по доброй воле оторваться хотя бы от созерцания этой красоты, не говоря уж об обладании?!

Психология красивых людей интересна. Впрочем, как и всех других. Но меня всегда занимало, как красивые, к победительному племени которых я никогда не принадлежала, воспринимают этот Божий дар, как используют его — во вред или во благо остальным. Ангелинина красота пока что больше всего испортила жизнь ей самой. А на жизни Льва она будто вообще никак не сказалась. Ну, был он женат... Уроды тоже сплошь и рядом женятся, и даже не по одному разу. Как еще его лицо повлияло на течение жизни? Он работает, как одержимый, в шесть утра вскакивает, наспех выпивает кофе и включает ноутбук. Под глазами — «мешки» от недосыпания. И плевать ему, что это портит лицо! Нет, не портит. Красоту — ее ведь ничем не испортишь, правильно в народе говорят.

Люблю его лицо. И отношение к нему Льва люблю. Если бы заметила, что он засматривается в зеркала, наверное, поостыла бы моя магма... Но Лев не дает ни малейшего повода разочароваться в себе. Ужинами меня балует, говорит, что ему в радость на кухне повозиться, чтобы дать голове отдохнуть. Своей талантливой голове... Люблю прижимать ее — к груди, к животу, как получится, — люблю перебирать золотистые волосы, иногда по одному утаскивая на пальцах. Накоплю достаточно — совью гнездо.

Написала это, да саму так и прошло насквозь: какое еще гнездо, если его птенцов там не будет?! Ну что ж, свою детоньку поселю в нем, окружу золотыми нитями, в сплетениях которых навеки поселится солнце. Пусть согревает ее и веселит, когда мать впадет в тоску, обессилев от старости, не удержав сапог молодого и быстрого...

Пытаюсь раздуть в себе молодость, из своих актеров ее высасываю, как паучиха, а дневник пишу по старинке — в тетрадке. И прячу ее под своим бельем, чтобы Лев не заглянул ненароком. Я не удержалась бы, обнаружив его исповедь на бумаге. Может, стоит поискать? В своих пьесах Лев так дробит и маскирует собственные боли и комплексы, что не сразу и догадаться: и это тоже — его. А вот это — нет. Наверное, и я ошибаюсь, определяя принадлежность. И даже он сам.

Сегодня я впервые проснулась раньше, чем он, и пишу, пока Лев спит, а в аэропорт ехать еще рано. Сердце лихорадит, как у мышки: каким окажется первый Лизин взгляд? Ей уже шестнадцать. В ней наверняка появилось столько нового, что я могу и не узнать ее. Не внешне, конечно. Общую фотографию (без отца, естественно) они мне присылали ко дню рождения. Все черточки, каждую в отдельности, сотни раз взглядом огладила.

Лев, посмотрев, спросил: «Обе на отца похожи?» Я попыталась отстоять свое: «Лиза скорее в меня — маленькая». И вдруг увидела — не такая уж и маленькая, почти догнала Риту, а та в мой последний приезд была уже как минимум метр семьдесят пять. Он ничего больше не сказал, чтобы окончательно не выламывать мне крылья, только кивнул. Но этого уже не требовалось.

Поладит ли моя девочка с Ангелиной? При всей широте моих взглядов мне не хотелось бы, чтоб Ангелина хоть намеками делилась своим опытом, те отвратные вещи вспоминала, которые мне в больнице рассказывала о своем Вахтанге. Я-то и не такое слыхала, в театральной среде чего только не случается, скольких на аборт устраивала и после них выхаживала, чтобы скорее вернулись на сцену... Они юные, здоровые, некоторые вечером уже спектакль играли.

Но даже меня Ангелинина исповедь временами заставляла содрогнуться. Все эти подробности с изображением биатлонистки нагишом и цеплянием наручников... А Лизе вообще ни к чему знать такое. Надеюсь, Америка уже выработала в ней сопротивление извечной покорности русских баб, и она сможет постоять за себя. А уж, как Ангелине, сбегать из дома очертя голову ей точно не придется...

Правда, сейчас Лиза именно это и делает, но не к первому же попавшемуся мужику бежит, а к матери. Есть разница.

Ангелина совсем замкнулась в последние два дня. Даже не хочется представлять, что она чувствует, поняв, что спасительная соломинка мне больше не нужна... Стараюсь не выказать это ни словом, ни жестом, ничем не оттолкнуть девочку, пытаюсь зазвать ее на репетицию, вместе на кухне возимся, но Ангелина ведь не дурочка и сама понимает, что все это — именно старания, не более того. В любом деле старания похвальны, только не в любви. Если сердце не дрогнуло сразу, насильно не заставишь его замирать от нежности. Как унижительно сознавать, что тебя *стараются* полюбить...

Нет, я привязана к ней по-своему, но не как к дочери. Может быть, как к сестре, ведь для подруги она

слишком юна? Лев лучше разбирается в этом, а у меня сестер не было. Не знаю этого чувства. Возможно, это как раз оно и есть. Не всепоглощающее, противоречивое до того, что до остервенения доводит, но не проходящее. Ведь занозой болело, не давало забыть о себе, когда Ангелина выбрала Вахтанга, не ко мне пришла со своей осиротелостью. А она и тогда уже боялась того, что произошло только позавчера: Лиза одним звонком отодвинула ее даже не на второй план, а на десятый.

Лиза-Лиза-Лиза...

Сердце колотится уже где-то в горле, не могу больше ждать, начинаю собираться в аэропорт. До появления самолета в нашем небе еще пять часов. Буду метаться по взлетной полосе сигнальным огнем... Нет, туда меня не пустят, конечно, а жаль. Первой заметить светящуюся черточку в небе, затрепетать, стиснуть пальцы так, что артрит пустяком покажется...

Лиза-Лиза-Лиза.

Не любит, когда ее называют Лизонькой или Елизаветой, или как-то еще, только — Лиза. Строго, чисто, морозно. И родилась в январе, в прозрачную стужу, солнце светило в окно родильного зала. Когда увидела свою младшую девочку, сразу подумала: «Это мой последний ребенок, других не хочу». И слово сдержала.

Вот только любовь оказалась не последней... Простит ли она мне это?

Лиза-Лиза-Лиза!

Иду к тебе, лечу, как и ты летишь навстречу, рвусь душой и телом — стиснуть, покружить, зацеловать. Покружить вряд ли удастся, девочка уже выше меня, впопру ей подхватить меня на руки... Маленькая моя, вечно маленькая, любимая. Я иду».

Нацеловаться, надышаться запахом ее волос, так и не потемневших, оставшихся русыми (русскими!), вкус кожи раскрасневшихся от волнения щек собрать губами — Сима не могла остановиться, насытиться. В эти минуты никого больше не было на земле, ни Льва, дождавшегося чуть поодаль, ни Ангелины, оставшейся дома. Только боль о старшей дочери ворочалась в душе, раня острыми углами. Но Сима уже решила, что о Рите спросит потом, не в момент встречи, чтобы Лиза, не дай бог, не подумала, будто мать рада ей только наполовину.

Девочка поцелуем не ответила, но матери позволила потискать себя, как маленькую, стойчески выдержала, видно, тоже настраивалась всю дорогу. Большого Сима и не ждала, понимала: те прощальные слова, которые Лиза сказала по телефону, в Америке недорого стоят, их произносят с той же легкостью, как обычное «До свидания». Не надеялась, что дочь повиснет у нее на шее, тем более это и не удалось бы — Лиза была уже на полголовы выше.

— Красавица стала, с ума сойти! — На мгновенье отстранившись и осмотрев с жадностью, Сима снова припала к ней всем телом.

Но, видимо, положенную норму она уже выбрала, и Лиза мягко высвободилась из ее рук.

«Хоть не оттолкнула, — подумала Сима с благодарностью. — Да еще при Льве».

Он вспомнился, когда ее тело вновь почувствовало себя осиротевшим. Так и не научилась она в одиночестве находить свободу, наслаждаться ею... Оглянувшись, Сима нашла глазами Льва среди тащивших свои пыльные чемоданы на колесиках и подвела Лизу за руку:

— Познакомься. Это Лев Алексеевич Потапов. Драматург и мой близкий друг.

Секунда замешательства была.

«Конечно, она не ожидала этого. — Сима смотрела на дочь с состраданием. — Потрясена. От Антона ушла из-за этого, а тут и я... Не нужно было брать Льва с собою. Лучше ей было не видеть его так сразу...»

Но девочка уже пришла в себя, растянула губы в улыбке.

— Бойфренд? — без малейшего стеснения уточнила она.

Отбросив назад сильно отросшие — до лопаток! — волосы, Лиза покачивалась на носках, сунув руки в карманы куртки, и смотрела на Льва исподлобья пытливо, хотя и без негодования, которого опасалась Сима.

— На «боя»-то я уже не тяну, — усмехнулся Лев, и девочка, как ни странно, улыбнулась в ответ. — Рад тебя видеть! Твоя мама прожужжала мне про тебя все уши.

— А я не знала вас... Про вас.

«Акцент еще заметнее, — опечалилась Сима. — Ну, ничего. Пара месяцев, и эту дурь как рукой снимет!»

Протянув руку, Лиза будто считала что-то с его ладошки — даже глаза быстро прищурила, но через миг уже снова улыбнулась. Симе показалось, что эта серия обязательных улыбок вышла американской, деланой. Но это все же лучше, чем ничего, решила она. Лиза не бросилась к самолету, чтобы вернуться назад, ведь здесь, оказывается, мама тоже не все время ломала в тоске руки... Первый мазок лег на холст, теперь нужно только работать — созидать. Всем вместе, конечно, но Симе придется потрудиться больше других, потому что она и заинтересована больше. Это ее семья.

Она сжала руки обоих — любимых! — повела их к выходу, весело посматривая то на Лизу, то на Льва. Из людской гущи их вывести на воздух, пусть морозный, но свежий, освободить от необходимости слышать чужие голоса, видеть чужие лица — почему-то это казалось ей очень важным. Остаться втроем, как и жить предстояло, пропитаться аурой друг друга...

И вдруг вспомнилось: Ангелина! Будто холодной водой окатили. Хотя по дороге в аэропорт Сима и об этом думала, о том, как лучше представить ее дочери, как убедить: нет никакой трагедии в том, что Лизе придется делить комнату с чужой девочкой... И вроде нашлись подходящие слова и доводы, но когда увидела Лизу, выходящую из самолета, сама память об Ангелине стерлась мгновенно. Больше (громадное!) вытеснило меньшее, без усилия ужавшееся до абсолютного нуля.

И теперь казалось абсолютно невозможным, немислимым привести дочь в дом, который уже занят — неважно по какой причине! Лиза поймет это разумом, но не примет сердцем, она ведь не видела Ангелину избитой, с синевой вокруг губ, с какой стати ей жалеть ее? Разум не рождает сочувствия.

«Надо как-то сказать ей. Предупредить, чтобы не было шока. — Сима тискала пальцы дочери, задыхаясь, сглатывая собственное сердце, колотившееся где-то в горле. — Но как это сделать, Боже мой?! Разве можно объяснить, почему я впустила другую девочку в свою жизнь? Использовала сахарозаменитель, как диабетик... Лишь бы не умереть. В Штатах много диабетиков, может, Лиза поймет это сравнение? Ведь я не жила без них с Ритой, а постепенно умирала. Да, но Ангелина не спасла меня от этого. Лев спас. Зачем же мне понадо-

билось тащить и ее в свой дом? Много мне это радости доставило?»

Лиза вдруг остановилась:

— Мы будем ездить на автобусе?

— Ну да. — Сима не смогла понять сразу. — Поедем на автобусе, потом пересядем на электричку.

— Ты сейчас не имеешь машины?

— У меня никогда ее не было. Ты забыла?

— Давно не было. А сейчас тоже нет? И у вас нет?

Лев развел руками:

— Увы! Не наработал еще на достойную, а в «Оку» я не влезу, пожалуй.

Лиза приподняла брови так, что на лбу появились морщинки:

— Ока — это же...

— Река, — подхватила Сима. — Помнишь! Умница моя... Но так называется и марка машины. Очень маленькой.

Лизин тон внезапно стал деловым:

— Мы можем ее купить? Для меня?

— Боюсь, что вряд ли. — Сима почувствовала, как щеки залило жаром.

— Не советую, — равнодушно заметил Лев. — Ремонтировать замучаешься. Вырастешь, заработаешь себе на «BMW». А до той поры с нами на автобусе поездишь.

Лиза посмотрела на него испытующе:

— В Голливуде сценаристы — богатые люди.

— Но я не сценарист, я пишу для театра. Это немного разные вещи. К тому же я не так уж известен.

— Но безумно талантлив! — подхватила Сима.

— Да? — протянула девочка с сомнением.

— Да, — ответила Сима так твердо, чтобы у дочери больше даже сомнений не возникало по этому поводу.

И заторопила обоих:

– Поехали, поехали! А то на электричку опоздаем. Солнышко, ты еще помнишь дорогу?

– Нет.

Это не было показательным протестом, она действительно не помнила. Хотела забыть все, что было хоть как-то связано с матерью, и забыла. Детям это легче удается, ведь их души распахнуты в будущее, которое несется на них потоком. Матери же цепляются за ускользающее прошлое, а оно убегает той же водой – между пальцев. И они остаются с пустыми руками. Хорошо, если они придумали заранее, чем занять свои руки, свои сердца...

В автобусе Лев сел через проход от них, но тут же зашли новые пассажиры, отрезали его, и Сима, оставшаяся с дочерью наедине, едва не забыла о нем, подыскивая слова, которые Лиза могла бы услышать по-настоящему, душой. В последний раз ей пришлось разговаривать с ребенком, который не желал ни видеть ее, ни слышать.

«И заслуженно», – признала Сима. Захотела бы она сама в Лизином возрасте протянуть руку матери, пожертвовавшей ею ради искусства?

Ребенка не может волновать забота о высоком, если ему в нем не находится места. При всей своей неуемной фантазии, каждый малыш – законченный реалист, в своей частной жизни он признает только конкретные вещи: еду, постель, игрушки, мамины руки, которые гладят спинку и ножки перед сном, ее голос, звучащий сказкой. Сима посмела лишить Лизин мир главной составляющей, и он рухнул. Стоит ли удивляться тому, что девочка кричала от боли и ярости, выплескивая их на мать, приехавшую навестить? А если сейчас простила, вернулась – это величайшая милость с ее стороны, которую необходимо будет оправдывать изо дня в день.

— Нам придется заново учиться общаться с тобой, — тихо сказала Сима, почти касаясь щекой джинсового плеча дочери. — Но это даже интересно, правда?

— Он будет жить с нами? — Лиза точно не услышала ее слов.

— Лев? Пока он живет со мной. И еще...

— Он не имеет свой дом?

— У него есть квартира в Москве. Но если он вернется к себе, мы будем очень редко видеться.

— В Москве? — Лиза произнесла это почти как «Moscow». — Мы можем жить там.

Сима попыталась заглянуть ей в глаза, но девочка смотрела в окно.

— Нет, не можем. Ты же знаешь, в Березниках у меня свой театр. В Москве я стану никем. Как могла стать никем в Америке... По крайней мере, сейчас. Нужно сначала сделать себе имя среди театральных режиссеров, чтобы ждать интересных предложений. Понимаешь? Засветиться на фестивалях, ну, и все в таком духе.

— Ты не знаменитая?

«Полное разочарование, — угадала Сима и сморщилась, пока дочь не видела этого. — И Лев не знаменит, и я... Наверное, она чувствует себя как Иван-царевич, стрела которого угодила в болото. Уже и Барби не кажется такой дурой...»

— Знаешь, милая, открою тебе секрет: мы с Потаповым талантливы и энергичны. Так что мы добьемся известности, — заговорила она и почувствовала себя рекламным агентом: «Я лучше, лучше, чем твой папа! Не бросай меня снова!»

— Хорошо, — отозвалась Лиза без восторга.

— Ты веришь?

— Да.

— Хотя это ведь не самое главное в жизни. Вопреки всем физическим законам любой успех кажется мелким, если тебе не с кем разделить его. Деление в данном случае удваивает.

Взгляд дочери полоснул бритвой:

— Так, мама? Почему же ты не хотела нас? Делить с нами?

Сима схватилась за теплую руку дочери, дернувшуюся, но оставшуюся в ее ладони:

— Это был самый мучительный выбор в моей жизни, поверь мне! Я понадеялась, что Антон лучше о вас позаботится... И ошиблась.

— Ты ошиблась, — не собираясь жалеть ее, подтвердила дочь.

— Прости меня...

— Я ведь здесь.

«А голос так и звенит от злости, — отметила Сима печально. — Если она когда-нибудь и позволит своей детской привязанности вернуться, то еще очень не скоро... Надо терпеть. Сама виновата».

Эти слова о собственной вине она повторяла тысячи раз, твердила их вместо молитвы, хотя это было бессмысленно и легче от них не становилось. Но они как-то угнездились в ее сознании и все время приходили на ум — и кстати, и некстати. Приятели подсовывали модные книги Свияша, учившего, что нужно программировать себя на успех и счастье и постоянно повторять про себя ту формулу, в которую они укладываются в твоём представлении. И Сима запоминала это, и даже собиралась проделать — «Завтра и начну!» Но пробуждение уже отсвечивало бледным: сама виновата... И с каждой минутой оно только набирало силу.

И все же Лиза вернулась. Счастье обрело контуры, налилось и теплом, и вредностью, которой Сима тоже отличалась в детстве. Да и не только в детстве... Все получилось и безо всякой формулы и тренингов. Антона благодарить? Длинноногую Барби? Или судьба опять выкинула злую шутку: стоило Симе протянуть руку Ангелине, как дочь тут же протянула свою... Бывает ли счастье без строгого ошейника — чуть забылся, и вонзится шип?

Сима на секунду закрыла глаза, пытаясь представить самое страшное: Лиза входит в свой родной дом, с замиранием вбирает запах, озирается, надеясь пальцами вспомнить каждый уголок, все его секреты и тайные игры, и видит: его уже заселили чужие воспоминания...

* * *

Лев угадал исчезновение Ангелины, едва открыв дверь своим ключом. Почему не позвонил, как обычно? Предчувствие? Подсознание уже просчитало, что Ангелины просто не может быть в доме, который предназначен другой? Она не станет соперничать... Соберет остатки гордости, уцелевшей после сексуальных демаршей Вахтанга, и уйдет, пока не попросили.

И, зная, что Сима еще не решилась признаться дочери в том, как попыталась отогреться близостью другой девочки, Лев быстро сказал, поймав ее взгляд:

— Наполним пустой дом нашими радостными головами.

Первое, что пришло на ум.

Подсказка была не очень вразумительной, но Сима поняла, прислушалась к тишине, вытянув шею. Худенькая, стриженная, даже одетая скорее по-девчоночьи, не

по-женски: тупоносые ботиночки, голубые джинсы, зависшие на бедрах, майка, обнажившая пупок и татуировку на предплечье — сплетение первых букв имен ее дочерей. Куртку она успела стянуть, напялила на вешалку, чтобы скорее помочь Лизе. Но содрать с нее ранец не успела — вслушалась в то, что сказал Лев.

Он улыбнулся краем рта, наблюдая, как изумленно поползли вверх ее брови. Но тут же очнулся: «Да что это я улыбаюсь? Девчонка ведь сбежала! Что надумает выкинуть? До первых рельсов добежит? До первого моста?»

— Я сейчас вернусь!

Он рванулся к двери, но Сима поймала его руку.

— Ты куда?

— А ты не понимаешь?

Ему не хотелось выплескивать злость на нее, но фальшь всегда выводила его из себя, хоть в литературе, хоть в жизни. А Сима сейчас откровенно сфальшивила, она ведь *понимала*... И все же обвинять в случившемся только ее было несправедливо — она ведь даже не знала, что Ангелина пыталась покончить с собой. Может быть, стоило сказать ей... А еще вернее, нужно было ему сегодня остаться дома, не ездить в аэропорт, Сима и сама прекрасно справилась бы, а вот Ангелина не смогла... Не выдержала многочасового ожидания. Успела прокрутить в воображении столько вариантов встречи с Лизой, что переполнила свою душу ужасом и бежала куда глаза глядят. Где теперь искать ее?

Сима ничего не могла сказать при дочери открытым текстом, но паники в ее глазах не было. Даже проскальзывали искорки того ликования, что разгоралось в ней адским пламенем. Сама понимала — грех радоваться, но не могла удержаться: запеть хотелось от облегчения, что все разрешилось само собой (не этого ли всегда хо-

чется?) и ее детке не придется страдать, принимая очередное предательство матери. И ради этого она даже Льва готова была отпустить: пусть найдет Ангелину, пристроит... куда-нибудь... Сима не то чтобы рада была и его принести в жертву Лизиному спокойствию, но... Да нет, он ведь вернется!

Он так и сказал:

— Я скоро вернусь.

Щелкнув замком, Сима подмигнула дочери:

— Какой-нибудь сюрприз готовит!

Почему-то она была уверена: Лев придумает что-нибудь отмазки ради... Слабенькую тревогу об Ангелине она заглушила легко: «Мало ей показалось! Опять к какому-то мужику рванула... Успела где-то подцепить! Ну, и как это называется?!»

Не заинтересовавшись задумкой Потапова, Лиза осторожно, как по первому льду, шагнула в комнату, огляделась. Сима затихла в коридоре, боясь спугнуть слетавшихся на молчаливый зов дочери призраков прошлого, то прозрачно-белесых, то густых, как тени. Она сама жила среди них постоянно, а Лиза почти забыла об их существовании, не пыталась никого вызвать. А теперь они наплывали на нее, смущая и радуя, раздражая, вызывая улыбку. Сима попыталась представить ту сумятицу голосов, что слышны сейчас ее девочке. Разложить бы их на партии да соединить по взмаху дирижерской палочки — что за дивная музыка полилась бы! Музыка их жизни. Разве плохо было тогда? Разве могло быть плохо?! С Ритой. С Антоном.

«Даже с ним», — признала Сима. Все казалось глубоким и светлым, надежным и легким. И все рухнуло в один миг, когда их личные компасы одновременно указали разные полюса. Он ведь тоже не был обязан

жертвовать ради нее своей карьерой... И перестать чувствовать себя мужчиной ради прихоти дочерей тоже не был обязан... Он и не стал этого делать!

— Я помнила эту комнату большой, — наконец заговорила Лиза.

— Это всегда происходит с детскими воспоминаниями.

— Как можно жить в такой?

Сима виновато напомнила:

— Есть же еще одна.

Толкнув дверь, девочка заглянула туда:

— Совсем маленькая!

— Ты тоже еще не очень большая...

— Это мне?

— А ты хочешь поселить здесь нас со Львом?

Лиза точным движением забросила в комнату свой ранец. «Проверила — мин нет!» — Сима позволила себе улыбнуться, пока дочь не видит.

— Входи, не бойся, там не так уж плохо. Это ведь была ваша с Ритой детская. Теперь она вся в твоём распоряжении.

— Вся! Два шага.

Сима не выдержала:

— Нужно было тебе еще по телефону выяснить размеры квартиры или у отца спросить. Тогда и приезжать расхотелось бы, если ты только ради этого ехала ко мне. А теперь — что уж? Комната ради тебя не расширится. Придется принять что есть.

Не ответив, девочка вошла в комнату и села на кровать, на которой еще этой ночью спала Ангелина.

«Сменила ли она постель после себя?» — подумала Сима и поймала себя на том, что заранее ведь даже не продумала, где придется спать второй девочке, словно

уже предчувствовала — Ангелины не будет, когда они придут. Неловкость за себя заставила ее поморщиться: «Как стыдно... Девчонка пропала, а я беспокоюсь — свежее ли для Лизы белье? Куда она могла уйти? Почему? Вошла в мой образ настолько, что прочитала даже те мысли, которые я гнала прочь? А из нее действительно выйдет потрясающая актриса...»

Выскочив из подъезда, Лев отбежал от дома метров на пятьдесят и только тогда замедлил шаг. Сима и не собиралась гнаться за ним, он это знал, но что-то подталкивало его в спину. Может быть, ее нетерпеливое желание остаться с дочерью наедине.

— На кой черт я потащился с ней в аэропорт? — пробормотал он, чувствуя именно себя виноватым в том, что Ангелина опять не удержалась на краю жизни.

Ведь Лев знал, она и не цепляется-то как следует, нужно страховать каждую секунду. Симе надо было рассказать, она сообразила бы, как отвлечь девочку от притяжения тьмы. Дала бы новую роль... Некстати прорвался смешок: «Узницы концлагеря?» Но Ангелина наверняка и на это согласилась бы, лишь бы не чувствовать себя ненужным довеском к ним двоим. Ко всему человечеству...

Правда, Сима, нужно отдать ей должное, время от времени зазывала девочку на репетицию, но как-то не слишком настойчиво, вяловато. И Ангелина своим поразительным чутьем угадывала эту неполную готовность режиссера впустить ее в ту часть жизни, которая всегда была и оставалась для Симы главной. А может, Ангелина и сама еще не готова была подчиниться Симиному режиссерскому диктату. Дома Сима была куда мягче, возвращалась, чтобы расслабиться, и ничего ни от кого не требовала. Тем более от Ангелины.

Лев попытался заставить себя собраться с мыслями: куда она могла направиться? К родителям? Исключено. Вернуться туда, откуда ты сбежал, можно только победителем. Любовника, или, как сказала бы Лиза, «бойфренда», у нее сейчас нет... Насколько он знает. Подружка? Какие у красавицы могут быть подружки...

Внезапно ему вспомнились Лукьянцевы. Один раз она уже ползла к ним, ища спасения, может, и сейчас? Стянув перчатку, Лев повернулся к ветру спиной и достал телефон.

— Оксана? Добрый день. Ангелина не у вас? Нет? И не заходила сегодня? Нет, ничего не случилось. Просто она срочно мне понадобилась, а я не могу ее найти. Если вдруг появится... Да, спасибо.

Но Лев уже понимал, что она не появится там, раз не пришла до сих пор. Значит, нашла другую нору, зашла там. Или...

— Нет! — вырвалось у него. — Нет.

Пурга все усиливалась, обжигала лицо. Лев подумал, что Лизин самолет успел сесть вовремя. Если б так кружило три часа назад, Сима сошла бы с ума прежде, чем увидела дочь. В электричке они молчали всю обратную дорогу, потому что Лиза сразу же пресекла попытки матери развлечь ее воспоминаниями об их прошлой, оказывается, счастливой жизни.

— Я могу смотреть в окно и не говорить? — поинтересовалась она с таким ледяным спокойствием, что даже Лев поежился.

— Ну, конечно, — отозвалась Сима с той виноватой поспешностью, которая сразу делает человека жалким.

Льву захотелось притянуть ее за плечи, пригладить волосы, поцеловать чистый лоб, но он не решился проделать все это при девочке. Сима так боялась спугнуть

дочь хоть чем-то... И он позволил себе только подбодрить ее улыбкой. Сима хотела ответить тем же, но вышло это как-то неубедительно...

...Он попытался сообразить: «А что с домом Вахтанга? Он опечатан? Как поступают с недвижимостью эзков? Его же не могли продать без ведома владельца... Или могли? Хватило бы у нее духа вернуться туда?»

Ответить на это можно было только проверив, и Лев повернул к микрорайону, названному Крутым — из-за близости обрыва, а не из-за крутости жителей. Там жили когда-то Ангелина с Вахтангом, а сейчас Лукьянцевы. Лев до сих пор не очень хорошо знал город, проводя куда больше времени в своем воображаемом мире, но дорогу на Крутой запомнил. Можно было взять такси и добраться за пять минут, но Лев помнил: деньги, лежавшие во внутреннем кармане, — последние. Гигантская креветка сожрала все его запасы... И больше поступлений пока не предвидится. Это не очень волновало его до сегодняшнего дня, ведь ему уже стало казаться, что у них с Симой все общее и она не даст умереть ему с голоду. Потом какой-нибудь театр купит у него новую пьесу, и деньги снова появятся. Главное — дописать поскорее...

Но сейчас это обтекаемое «потом» уже не казалось таким близким. Он с раздражением упрекнул себя: «Девчонка сболтнула глупость, а ты и взвился...» Это действительно было не очень умно с его стороны, тем более Лиза пока ничего не значила для него, даже не особенно понравилась, но ее удивление, которое девочка даже не потрудилась завуалировать, неверие в его талант, не подкрепленный богатством, задели Льва. И хотя он отлично помнил, сколько людей до него попались на эту дьявольскую удочку показного простоду-

шая, он признавался себе, что все-таки чертовски хочет поразить воображение этой маленькой американочки. У него даже проскальзывали напыщенные мысли: он должен «постоять за Россию», развеять примитивные Лизины представления о том, что здесь живут только ленивые и нищие пьяницы. Но каким образом это сделать, Лев пока не представлял.

Особняк Вахтанга показался через четверть часа, когда Лев уже промерз насквозь. Проигнорировав главный вход, который наверняка был заперт, он обошел дом, стараясь не скрипеть и проклиная колючий снег, который замел все следы. Если они были... Смог бы Лев найти среди других Ангелинины? Вряд ли, признался он себе. Он даже не мог вспомнить, какую обувь она носила. Вот Симины ботиночки он знал хорошо...

Задняя дверь была выкрашена в красный цвет. Лев устоял на нее в недоумении, потом вспомнил банальную истину о причудах богатых и осторожно взялся за массивную ручку. Она уже стала ледяной, и холод мгновенно отозвался ломотой в локте. Но Лев не отдернул руку, и его выдержка была вознаграждена немедленно: дверь подалась навстречу, пропустила внутрь. Он стал осторожно пробираться коридорами, которых не знал совершенно.

Себе Лев вполне мог признаться, что ему до чертиков любопытно посмотреть, как живут богатые извращенцы. Ничего особенного: стандартные наборы дорогой мебели, колонны, камин, погибающая зелень в огромных горшках. Ни одной индивидуальной черты...

«Надо посмотреть спальню!» — сообразил он. Как раз там Вахтанг давал волю своему воображению, полному демонов, и подчинялся им беспрекословно, нимало не заботясь о живом человеке, которым была Ангелина. Ее

присутствия в доме не чувствовалось, но Лев убедил себя не падать духом, пока не проверен каждый уголок, куда она могла забиться, пытаясь спрятаться от самой себя.

На лестнице его остановила едва различимая, но все же уловленная им волна звуков, несущихся сверху. Лев прислушался, и ему показалось, что он уловил удары и стоны.

«Опять?! — ужаснулся он. — Это животное уже на свободе? Как же...»

Не додумав, Лев бросился по ступеням вверх, все еще стараясь производить как можно меньше шума. И, задержав дыхание, приоткрыл дверь, за которой скорее всего и находилась спальня.

Облегчение прокатилось по телу волной слабости. Не выдавая себя, он какое-то время молча наблюдал, как Ангелина кромсает большим кухонным ножом бывшее ложе любви.

«Умница, — одобрил он. — Лучшего выхода ненависти и представить нельзя».

Когда она выбилась из сил и сползла на пол, Лев вошел в комнату и сел с ней рядом. Вздрогнув в первый момент, Ангелина жестом беспризорницы отерла рукой нос и угрюмо проговорила:

— Я так и знала, что вы додумаетесь, куда я пошла.

— Я же умный, — отозвался Лев.

На Ангелину он старался не смотреть, понимая, до чего ей сейчас не по себе.

Она заявила с вызовом:

— Я тут и останусь!

— Продукты здесь есть? — осведомился он деловито, рассчитывая, что такой тон немного охладит ее.

И Ангелина действительно растерянно переспросила:

— Продукты? Я... не знаю. Я еще не смотрела.

— Я буду приносить тебе, если ничего нет. До тех пор, пока мы не придумаем чего-нибудь получше.

— Мы?

— Ну, раз уж я в это ввязался.

Ангелина громко шмыгнула, продемонстрировав, что не стесняется его совершенно.

— Лиза приехала?

— Конечно. Она уже дома.

— Я помню, что это ее дом! Могли бы и не напоминать.

— Не цепляйся к словам. Это не наш с тобой дом. Кстати, в Москву я могу тебя увезти хоть сейчас.

Круганувшись, она отползла немного и села перед ним по-турецки, широко расставив колени. Взгляд ее пытался ввинтиться Льву прямо в мозг.

— Давайте начистоту! Вы тоже явились меня трахнуть?

Лев не возмутился, отозвался с ленцой:

— Да я бы уже давно это сделал, если б хотел.

— Думаете, я и сопротивляться не стала бы?

— Ну, я сумел бы уговорить тебя. — Он продемонстрировал ей улыбку, которая помогла ему уложить в постель не один десяток женщин.

Ангелина вызывающе хмыкнула:

— Я больше никогда не буду делать этого без любви.

— И я о том же!

— В смысле? Думаете, вам удалось бы влюбить меня в себя?

— А думаешь, нет?

Не ответив на это, Ангелина заметила:

— А мне-то казалось, что вы и не замечаете, какое у вас лицо...

— Нельзя же не замечать очевидного, — возразил Лев.

Она зло рассмеялась:

— Так Симу вы охмурили сознательно?

— Нет! — ответил он резко, чтобы у нее больше не возникало сомнений. — Сима — женщина, которую я люблю. Но я родился на свет до нашей с ней встречи. Я тебе о том времени говорю. Когда я хотел, чтобы женщина влюбилась в меня, именно это и происходило. Всегда. Осечек не было. Все понятно?

— Еще бы...

— Но я не горжусь этим, если хочешь знать. Пьесами своими горжусь. Были бы у меня дети, я бы ими гордился...

Ангелина отвела глаза:

— Сима не хочет больше детей.

— Я знаю. Выходит, она и тебя посвятила в эту тайну...

— Она мне давно это сказала. Еще до вашего тут появления.

— Доверительные женские разговоры?

— Да что вы понимаете? Я тогда была для нее единственным близким человеком! — выкрикнула Ангелина так остервенело, что Лев отпрянул. — Смеется он...

— Что ты, я не смеюсь.

— Если бы не эти ее мифические дочки...

Он удивился:

— Почему мифические? Вполне реальные.

— Тогда они существовали только как фотографии, — сказала она тихо, припоминая что-то не узнанное Львом. — Ну, и как вам Лиза?

Он скривил губы:

— Снегурочка.

— Хорошенькая?

— Хорошенькая.

— Похожа на Симу?

— Нет, не особенно. Почему бы тебе не зайти и не посмотреть на нее самой?

Ее так и передернуло:

— Нет уж! Я туда больше не пойду.

— Никогда? — уточнил Лев.

— Никогда не говори «никогда». Вы на это намекаете?

— Знаешь, в нашей жизни так мало близких людей, что преступно отречься от них навсегда лишь из-за того, что их любовь сосредоточена не только на нас.

— Но ведь всегда хочется быть единственной.

Эти слова не прозвучали жалобой. Скорее Ангелина произнесла их сухо, словно обычную констатацию факта. И в глазах ее не было отблеска слез. Она смотрела требовательно и отстраненно, будто Лев был совершенно чужим человеком, по какому-то праву пытающимся влезть ей в душу.

— Мне тоже хочется, — улыбнулся он. — Но требовать этого — только все портить. И себя травить.

— Для другой женщины вы могли бы стать единственным.

— Для какой это другой? — удивился Лев.

— А помните, как в той комедии? Жениться нужно на сироте.

— Ты себя имеешь в виду?

— А я не сирота, — отрезала она так зло, что он больше не решился заговорить об этом.

* * *

Когда раздался звонок, Сима поймала себя на том, что не уверена, какое чувство первым откликнулось: радость, что Лев вернулся, или досада, что кто-то опять отрывает ее от дочери. И в этом, последнем, Лев уравни-

нивался со всеми, с любимым... Ее ужаснуло это сделанное наспех, пока шла до двери, открытие. Но следом шевельнулось ликование, берущее начало в тех первых страхах, которые нашептывали: Лев все равно уйдет — посмотри на него! — так лучше заранее попытаться отучить себя от него.

«Лиза поможет мне, — Сима благодарно оглянулась на дверь, которую дочь захлопнула, заслышав звонок. — Она — мое настоящее и будущее. Не Лев. Он бросит меня не сегодня завтра...»

Держась этой уверенности, которая сегодня горчила заметно меньше, она взглянула на Льва без страха обнаружить во взгляде нечто новое. Желание отразить в своих глазах другое лицо. Может, даже хорошо знакомое ей...

— Ты нашел ее?

Он кивнул и приложил ее ладони к своему замерзшему лицу, которое и покрасневшим, откровенно больным от холода, выглядело потрясающе. Не удержавшись, Сима сжала его холодные щеки, подышала на нос.

— Бедненький мой... Замерз совсем.

— Я еще как-то не настроился на столь глобальное похолодание, — пожаловался Лев.

«Вот именно, — подхватила она про себя. — Нужно настраивать себя заранее, иначе погибнешь от холода. Я пытаюсь вести себя правильно. Вот только не сейчас...»

Последнее растаяло в скрытом тепле его рта, куда окунулись ее губы. Лев сжал ее, еще не сняв плаща, и Симу пробрал озноб от слияния с чужой ледяной кожей. И этот контраст того, что кипело в нем, и заимствованного холода показался ей зловещим, почти дьявольским, отозвавшимся мыслью: этот человек явился

нарушить едва наметившееся единение Симы с дочерью. Львы — хищники.

Она оттолкнула его инстинктивно, защищая свое гнездо, к которому Лев не имел отношения. Ударившись спиной, он застыл, в недоумении приоткрыв рот, потом, не издав ни звука, вышел, позволив себе только хлопнуть дверью. Сима лишь моргнула: так! Именно это и должно было случиться.

Немного постояв в коридоре, где ни один из них так и не включил свет, она приказала себе настроиться на то, что сон кончился. Такой мужчина может только присниться, это же ясно...

Сима взглянула в зеркало: «Видишь себя? Разве ты заслуживаешь его в реальности? Смешно даже надеяться... Лиза — вот моя реальность».

И она пошла к дочери, но, приоткрыв дверь, обнаружила, что девочка спит, прямо в одежде повалившись на кровать.

«А белье-то Ангелина сменила». Сима тут же забыла этот неважный факт, отступила на цыпочках, ушла к себе в комнату, неожиданно показавшуюся ей слишком большой для нее одной.

А то, что отныне ей не с кем делить ее, уже казалось неоспоримым. Разве Лев может вернуться после того, как она столь откровенно оттолкнула его? Вышла победительницей из любви, в которую так и не поверила. Пустая комната в качестве трофея... Лучше уступить ее Лизе. Наверное, она занимается по утрам аэробикой или чем-нибудь в этом духе. Сима почти ничего не знала о ней и волновалась, предчувствуя открытия, которые были необходимы сейчас еще и потому, что лишь они могли заполнить ту разрастающуюся с каждой секундой брешь, которая образовалась в душе, когда Лев хлопнул дверью.

«Если она и ведет дневник, то пишет, конечно же, на английском», — подумала Сима с сожалением. Ей бы сунуть нос в запечатленные еще детским Лизиним почерком страшные секреты, выведать, что она думала о матери, когда не хотела видеть ее, когда собралась вернуться... Откровений Льва ей отыскать так и не удалось. Впрочем, и случая не было: он все время сидел дома.

У нее вдруг заныло сердце: «Почему? Неужели ему действительно хотелось находиться рядом со мной? Ведь мог бы завести себе и здесь кучу друзей, с его-то обаянием...»

Не усомнившись в своем праве, Сима, открыла дверцу шкафа и пошарила рукой под бельем Льва. Никакой тетради не было. Она проверила другую полку, потом сумку, с которой он приехал в их город и которую теперь предстояло собрать. В бессилии опустившись на диван, где они спали вместе, Сима признала, что никакого дневника Лев и не вел — некогда было. И разбазаривать мысли не хотелось — всё в пьесу, всё для пользы дела. Вот Лиза может себе позволить писать в тетрадку даже полную чепуху в наивной уверенности, что люди не читают чужих писем и дневников. Надо только отыскать, где она прячет свое духовное сокровище...

Сима остановила себя: «Не сейчас. Детка моя может проснуться в любой момент и вскипеть от созерцания моей наглости... Малейшие зачатки любви ко мне погибнут при такой температуре. Рано или поздно Лиза найдет подружку и отправится вспоминать город, вот тогда я и узнаю все о себе».

Ей вдруг захотелось самой и немедленно провести дочь по городу, показать ей те полустершиеся в Лизиной памяти места, которые что-то значили для нее, для них обеих: маленький сквер, где Сима учила ее кататься на велосипеде, пруд с лебедями, которых они приходи-

ли кормить, кукольный театр, куда они ходили всей семьей. Кажется, и Антон тоже... Да. Так и было.

С некоторой боязнью она попыталась представить лицо мужа, но другое, вызывающе красивое, более молодое, уже наплывало на него, оттесняя, накладываясь свежим кадром. Зелень глаз сгустилась упреком, губы не улыбаются, подбородок подобрался от обиды...

— Милый мой, — вырвалось у нее, и Сима в испуге зажала себе рот.

И принялась за медитацию отторжения: ну, милый, красивый, потрясающий, талантливый — и что? Птица не ее полета. Быть серой пичугой при нем? Всю жизнь стесняться себя, своего скромного оперения? Когда Льва не было рядом, Сима ощущала себя личностью яркой и значительной, какой и была на самом деле. Но его присутствие обесцвечивало ее, она сама чувствовала, как это происходит. И то, что она топорщила перышки, сопротивляясь, делало ее смешной. Сколько можно выдерживать это?

«Завтра я проснусь и не увижу его золотистой головы на соседней подушке, — принять это оказалось не так легко, как представлялось Симе — все в ней так и искорежилось от боли. — Ему нетрудно будет найти мне замену... Та, другая, будет думать обо мне как о патологической идиотке. Действительно, как можно по доброй воле отказаться от такой красоты?»

Она сглотнула комок, образовавшийся в горле, и удивилась: неужели слезы? Так редко плачется... А сейчас ведь если и плакать, то от счастья — Лиза приехала. Единственная постоянная ее жизни. Все временное просто закончилось.

Вдруг вспомнилось: «Он так и не сказал, где Ангелина. Не успел. Теперь как узнаешь? Да и надо ли? Один

раз я позволила ей вернуться, второго не будет. Сейчас уже мне этого не надо. Надеюсь, с ней все хорошо».

Прокручивать варианты возможного Ангелининого настоящего не хотелось, в каждом неизменно возникал Лев, улыбался так светло, как, порой верилось, только ей, Симе, и может. Обычная иллюзия любви.

— Господи, да что ж так трудно дышать?!

Поднявшись, она подошла к окну, впустила в комнату морозный воздух. Засмотрелась, как выюжит в желтом свете фонарей, и прикусила губу: даже отогреться не дала человеку, выгнала на мороз, как приبلудного пса. Чем провинился-то? В одиночестве был нужен, а как только забрезжили материнские радости, сразу сбросила его, точно балласт. Хорошо, если он вышел, плюнул на снег и забыл дорогу к ее дому... Хотя что в этом хорошего?!

— Ладно, ладно, — забормотала Сима, оторвавшись от окна, и принялась мерить шагами комнату. — Катастрофы не произошло. Со мной главное — мой ребенок и моя работа. Это всегда и было главным. Никакой любви я и не искала все эти годы.

Это было и правдой, и неправдой. Она действительно не искала знакомств и не читала брачных объявлений, но отчасти лишь потому, что давно уверила себя: не настолько я глупа, чтобы дважды наступать на одни и те же грабли. Оказалось — настолько. Но это временное помутнение рассудка, впавшего в наркотическую зависимость от любого движения чужих рук и губ, было несвойственно Симе, и она чувствовала себя как бы не в своей жизни. Ей хотелось быть женщиной рационального ума, но она ничего не могла поделать с той неразумной девочкой, которая то и дело подавала голос, напевая трогательное до слез: «Ты меня никогда увидишь, ты меня никогда не забудешь...»

— Он забудет меня, забудет! — Она скрючилась в уголке дивана, впившись зубами в согнутый палец.

Как перетерпеть этот приступ? «Найз» принять? Помогает ли он, когда разрывается сердце?

— Мам, ты что?

Сима резко выпрямилась: «Господи, дочь напугала!»

Вскочила, как здоровая, обхватила свою девочку, прижалась, надеясь пропитаться ее американским здоровьем.

— Ты больная?

— Нет, солнышко! Если только на голову...

— Как это?

Сима поцеловала ее горячую со сна щеку:

— Я шучу, со мной все в полном порядке.

— А что это... было?

— Это? Это, знаешь... Лев ушел. Вернее, я его ушла. Насовсем. Зачем он нам, правда? Нам и вдвоем хорошо будет.

Отстранившись, девочка посмотрела на нее с недоверием:

— Когда? Он пришел и снова ушел?

— Именно. И больше не придет.

— Почему? Из-за меня? Я ему не понравилась?

— Нет, что ты! Разве ты можешь не понравиться?

Красавица моя. — Она снова потянулась поцеловать, но Лиза увернулась. Сима не удержала вздоха, который ей самой показался каким-то старушечьим. — Это только во мне причина.

— Тогда пусть он придет!

Лиза смотрела на нее исподлобья так требовательно, что Сима растерялась: «Она уже берется устраивать мою жизнь? А может, со мной так и надо — силком толкать к счастью?»

— Я даже не знаю, где он сейчас, — пробормотала она, пытаясь соблюсти приличия, не броситься тут же за телефоном.

— Можно звонить.

— Да, можно позвонить! Конечно.

Сима обрадовалась так, будто сама только что не гнала эту мысль прочь.

— Звони.

Плюхнувшись на диван, дочь закинула ногу на ногу и выжидающе уставилась на мать.

— Это как-то глупо, — взмолилась Сима. — Да я и не хочу ему звонить!

— Звони!

Нервно улыбнувшись («Мной командуют?!»), Сима потянулась за сумкой, достала сотовый, не взглядываясь, на ощупь нажала кнопку автоматического вызова.

— Да? — отозвался Лев коротко.

Она почувствовала: оттолкнул ее голосом.

— Извини, — выдавила Сима. — Я вела себя по-идиотски.

— Это еще слабо сказано.

— Наверное. Подбери слово, ты это умеешь лучше, чем я. Намного лучше.

Он прервал ее:

— Девушка, лесть неуместна!

— Ладно, не буду. Где ты сейчас?

Пропустив ее вопрос, Лев задал свой:

— Так мне прийти? Или ты снова шарахнешь меня о дверь?

— Извини, ради бога! Это вышло как-то... непроизвольно.

— Серьезно? Мне интересно другое. Почему? За что? Я в чем-то провинился?

Не взглянув на дочь, Сима быстро перешла в другую комнату и прикрыла дверь:

— Все в том же. Ты непозволительно хорош собой. Мне никак не удастся привыкнуть к этому.

— Придется привыкнуть, — заметил он строго.

— Серьезно? — отозвалась Сима его же словцом. — Драматург, где ты все-таки?

— В нашем ресторане. Как и положено представителю богемы, пропиваю последние деньги. Пеняй на себя!

— Тебя донести до дома?

— Глулости. У меня еще на такси хватит. А я могу называть твою квартиру домом? Или у тебя это временная блажь?

Она вздохнула:

— Надеюсь, нет. Лиза тоже хочет, чтобы ты вернулся.

— Ах, Лиза! Так, может, это вообще ее желание, а не твое?

— Нет, — отозвалась Сима не слишком уверенно. — Это наше общее... Разве плохо, когда все общее?

Лев ответил не сразу, будто пытался представить — каково это?

— Не знаю. Я уже забыл, как это бывает в семье.

— Я тоже.

— Мне нравилось, как было, когда мы принадлежали только друг другу...

— Но так больше быть не может!

— Я понимаю. Ладно, я скоро приеду, тогда и поговорим. Только дослушаю джаз...

— Жду.

Зажав телефон в руке, Сима вернулась к дочери, подумав о себе, что только хвостом не виляет, чтобы

заслужить одобрение. Лиза сидела, скрестив на груди тонкие загорелые руки.

— Он придет?

— Он придет.

Сима хотела было сесть с ней рядом, поговорить по душам, но девочка вскочила и быстро ушла в свою комнату. И хотя дверь она не закрыла, Сима почувствовала, что ей не позволено переступить порог.

«Так она хочет, чтобы Лев вернулся, или просто испытывала меня?» Сима стояла посреди комнаты и с недоумением смотрела на опустевший диван, на который почему-то не решалась присесть.

* * *

— Холодно здесь у вас...

Эти слова были первыми, услышанными от Лизы. Когда Лев только вернулся и они шептались с Симой у порога, девочка пряталась у себя. Но стоило ему снять плащ и перейти в следующий коридорчик, как дверь распахнулась, и она вышагнула из своей комнаты так внезапно, что воткнулась во Льва.

— Оп-па! — Он поймал девочку за плечи и отстранил. — Я тебя не ушиб? Извини.

Вот тогда-то она и сказала:

— Холодно здесь у вас...

— А ты оделась бы, — посоветовал Лев. — В одной футболке, конечно, холодно. Ноги голые...

«Какие у нее большие ступни! — заметил он. — Размер сороковой, не меньше...»

— Почему руки теплые?

— У меня? Я на такси приехал, не успел замерзнуть.

— У вас есть такси?

— Я имел в виду оленей, запряженных в сани. Почему ты все время говоришь «у вас»? Ты ведь родилась здесь и собираешься жить...

Лиза отвела взгляд:

— Не знаю. Мне говорили, что Россия — странная. Но все совсем не понятно.

Последнее слово она произнесла чуть ли не по слогам, Лев даже напрягся от желания помочь ей, подхватить не дающиеся звуки, водворить их на место. В конце концов, это было частью его работы... Остановил Лизин взгляд: пронзительный, холодный. Глаза напоминали материнские и разрезом, и цветом, но сразу было понятно, что в этой девочке нет и десятой доли того животворящего огня, который поразил его в Симе. Благодаря ему она и создавала свои спектакли, своих актеров... Лев помнил, что угадал присутствие этого огня с первого взгляда и замер, очарованный. До сих пор не мог оторваться...

— Пойдем к Симе, — кивнул он в сторону кухни, где та уже затевала позднее чаепитие, полагая, что семейные обряды необходимо создавать в первый же день. — Постараемся растолковать тебе все непонятное.

— Нет. — Девочка схватила его за руку. — Вы сам.

Лев осторожно высвободился:

— Ну, хорошо. Чего ты не можешь понять?

— Вы и мама.

— О! Это будет непросто объяснить.

— Почему?

— Потому что твоя мама — сложный человек. Да и я, надеюсь, непростой.

Лиза отступила к своей комнате:

— Зайдите в мою клетку. Я вам что-то покажу.

Оглянувшись, он подождал возможной помощи от Симы, потом обреченно вздохнул:

— Ну, хорошо. Что тут у тебя? В клетке...

— Закройте дверь. Маме не надо видеть.

— Интересно, что мне можно видеть такого, чего нельзя твоей маме?

Она сама притворила дверь и вдруг уверенным жестом толкнула Льва в грудь так, что он опрокинулся на ее постель. Он тут же сел, ошарашенно глядя, как она смеется, отбрасывая длинные волосы, сверкая зубами.

— Что это значит?

— Посадила вас! Зачем слова говорить? Смотрите. — Лиза протянула ему альбом. — Это папа.

— Ты рассчитывала сразить меня? Я уже видел его. На фотографии, конечно.

— Она вам показала?

— Почему бы нет? Я тоже был женат. Это все было до, понимаешь? До нашей с Симой встречи.

Присев перед ним на корточки, Лиза снизу заглянула ему в лицо:

— Понимаю. Что было, то прошло. До — не считается.

— Примерно так, — согласился Лев.

Он не мог отделаться от беспокойного раздражения, которое охватило его, как только они вошли в эту комнату. И ему никак не удавалось понять: связано ли это с изгнанием отсюда Ангелины или же Лиза вызывает отторжение сама по себе, этими нарочито голыми ногами, которые уже синеют от холода, испытующим взглядом, каким-то странным запахом...

— Вы женитесь на маме?

Ей удалось зацепить за больное. Лев посмотрел на девочку почти с ненавистью: меткая, стервочка! С Симой они старательно обходили эту тему, оба до одури напуганные словом «брак»... И вместе с тем оба понимали, что рано или поздно разговор о нем возникнет.

Как-нибудь отпочкуется от другого, более нейтрального, или не о них... Но лучше поздно, чем рано.

— Я люблю ее.

Лев постарался произнести это, не поморщившись, ведь на самом деле он терпеть не мог разговаривать с посторонними о любви. Хоть о чужой, хоть о своей. Тем более о своей. Именно потому он и мог так свободно обсуждать с актерами последнюю свою пьесу «Что такое палисадник?», что как раз любви в ней не было. Ненависть, страх, отвращение — что угодно! Только не любовь. Не давалась она ему. Может, не дорос еще до того, чтобы описать эту душевную болезнь без соплей и фальшивого придыхания.

— За что?

— Вечер вопросов и ответов? — процедил Лев сквозь зубы.

— Почему она вас выгнала?

— Она не выгоняла. Я сам ушел.

— Почему? Так каждый день?

— Ну, что ты! Мы вообще не ссоримся.

— А сегодня — почему? Я приехала?

— Не думай, что это из-за тебя. Сима счастлива до безумия, что ты вернулась к ней.

— А вы?

Он едва удержал смешок:

— Я? Я тоже рад тебя видеть.

Наклонив голову, Лиза дослушала звучание этой фразы и встала. Натянула белый теплый халат, валявшийся рядом с ним на кровати, и Льву сразу вспомнилось, что он назвал ее Снегурочкой. Вот она — вся из льда и снега. Почему она мерзнет?

— Холодно. Мама старше вас, так?

— Немного, — признал он, решив, что глупо отрицать то, что девочка легко может выведать у Симы.

— Это модно сейчас.

— Серьезно? И ты полагаешь, мы оба только следуем моде?

— Любовь! — махнув широким рукавом, протянула Лиза насмешливо.

Присев на край письменного стола, она рассматривала Льва в упор, и ему пришлось собраться, чтобы выдержать это, не огрызнувшись: «Чего уставилась?» Мысленно он уже покаялся в том, что выпил слишком много, и теперь трудно было соображать связно, поэтому никак не удавалось понять, чего же на самом деле хочет эта странная девочка.

— Никто уже не верит в любовь, — сообщила она.

— Seriously? Что же тогда заставляет людей жить вместе?

— Дети. Деньги. Секс. Вам нравится секс?

«С ума сойти! Я должен буду обсуждать с ней такие темы?!» — Ему опять захотелось сбежать. На этот раз от той роли доброго папаши, которую ему навязали, даже не спросив его согласия.

Он мужественно ответил:

— Нравится. Но я не одержим этим занятием, если тебя это интересует.

— Меня интересует секс, — кивнула Лиза, ничуть не смутившись.

— Почему же ты не признала права своего отца заниматься этим со своей Барби? Почему сбежала оттуда? Знаешь что, милая, — он тяжело поднялся, чувствуя, что устал от общения с ней больше, чем за весь день, — не стоит тут изображать передо мной, какая ты раскован-

ная, и все такое... Я способен легко выдумать персонаж куда более прожженный, чем ты.

Не двинувшись с места, Лиза проследила, как он идет к двери. Наверное, ждала, что он обернется на пороге и скажет что-нибудь значительное, как обычно бывает в фильмах... Но Льву не терпелось поскорее выбраться из комнаты, куда ему больше не хотелось заходить, хотя к Ангелине он заглядывал поболтать каждый вечер. Сейчас у него осталась одна Сима, и Лев не мог отделаться от мучительного ощущения, будто его опять лишили сестры...

У Симы вспыхнули глаза, когда он вошел на кухню:

— Поговорили?

Она давно уже все приготовила для чая и просто сидела за столом, перебирая в пальцах витую мельхиоровую ложечку из того набора, который доставала по праздникам.

«Веселье полным ходом!» — отметил Лев мрачно и сказал:

— Не знаю, чего ты ждала. Но разговор у нас с ней, по-моему, не очень удался.

Сима шепнула, перегнувшись через стол:

— А о чем вы говорили? Секрет?

Едва не сказав: «О сексе», он ответил обтекаемо:

— О трудностях семейной жизни.

— А какие у нас трудности? — удивилась она.

— Да они только начинаются!

У нее болезненной складкой сошлись брови:

— Ты действительно так думаешь?

— Уверен. Ты меня прости, но у твоей дочери характер еще тот...

Не возмущившись, Сима пожала плечами:

— В меня.

— Нет, не в тебя. Ты, конечно, вредная баба...

— Что?!

— Но ты не стерва. Ты не гребешь под себя. Для тебя существуют другие люди. И у тебя болит о них сердце, я-то знаю. О каждом из актеров как печешься...

«А вот с Ангелиной вышла осечка, — возразил он сам себе. — Почему? Та подобралась слишком близко? Попустилось на святое место в ее душе?»

— Лиза такая же.

— Нет, не такая. У нее и взгляд другой. Так и кажется, что у нее в душе компьютер, который просчитывает каждый шаг.

Сима припечатала ложечку:

— Неправда! В чем был ее расчет, когда она решила вернуться ко мне? Зачем ты пытаешься изобразить мою дочь каким-то чудовищем?

— Нет, не чудовищем. — Лев уже сердился на себя за то, что нужные слова расплываются в мыслях и он не успевает поймать их.

— Ты же знаешь, сколько ей пришлось перестрадать по моей вине! Она была совсем маленькой, как она могла понять, что для меня значит мой театр? Она решила: мама любит ее недостаточно... Она так и сказала мне однажды: «У тебя очень маленькая любовь».

Лев припомнил: «Теперь она вообще не признает этого слова. Она не понимает его. Сима права: *такое* случается с ребенком только по вине взрослых». Но вызвать в сердце теплую жалость в Лизе все равно не получилось... Может, мешало постоянно напрашивающееся сравнение с Ангелиной, которой как-то удалось уберечь свою душу от проказы цинизма. Она ведь не поверила, когда Лев назвал любовь только одной из множества иллюзий...

Протянув обе руки, он накрыл Симины, беспокойно мечущиеся, заставил их утихнуть. Она посмотрела на него сухими несчастными глазами и вдруг призналась:

- Я разревелась сегодня, когда ты ушел.
- Серьезно? Я тоже готов был разреветься.
- Ты напился.
- Ну, нельзя сказать, что прямо напился!

— Но тебе стало легче. Зачем мы это делаем друг с другом? Создаем абсурдные трудности, а потом мечемся в поисках способа их облегчить.

Он усмехнулся:

- Наверное, это и есть процесс жизни.
- Звучит невесело.
- Зато протекает бурно!

— Очень смешно! Ты мне не расскажешь, о чем вы еще шептались с Лизой?

— Да ни о чем. Она жаловалась, что здесь очень холодно и все непонятно.

Высвободив одну руку, Сима озабоченно потрогала батарею:

— Вроде горячая. Я и не заметила, что холодно. Нужно включить в ее комнате обогреватель. А что ей непонятно?

— Мы с тобой.

— Да, это и мне непонятно.

Лев перестал дышать: «Она что — ждет предложения?! Но ведь не сейчас же! Совершенно неподходящий момент... Неужели ей было неловко представлять меня дочери в качестве любовника? На этом и заканчивается вся современная широта взглядов...»

— Я люблю тебя, что здесь непонятного? — проговорил он и услышал виноватые нотки.

Она улыбнулась:

— Сама любовь непонятна. Как и почему она возникает.

— Вон ты о чем!

— А ты что подумал?

— Да я еще ничего не успел подумать. Я тугο соображаю.

Сима спохватилась:

— Тебе нужно выспаться. Зови Лизу пить чай, а потом я тебя уложу.

— Звучит многообещающе!

— Только не сегодня, Левушка! Она же только приехала. Ей будет не по себе, если услышит.

— О, господи! Начинается...

— Ничего не начинается, это только сегодня.

— Как раз сегодня мне этого и хочется.

— Почему это как раз сегодня?

Выпустив ее руку, Лев встал:

— Проехали. Давайте тушить пожар желаний чаем.

* * *

Проснувшись, он первым делом почему-то подумал о том, что произошла подмена: в соседней комнате, как и прежде, спала девочка, только совсем другая. Тоже надломленная, но у Ангелины надлом случился после трагедии, ею пережитой и сыгранной на сцене, а у Лизы — на пустом месте.

Лев тут же уличил себя в несправедливости: Лизе тоже пришлось несладко, если семья раскололась на два материка и мать не захотела перебираться через океан. Ему просто не нравилась Сими́на дочь. Необъяснимо и неодолимо. Ее американский акцент, ее большие ступни, особенно нелепые при маленьком росте,

ее угрюмость — все это было неприятно ему. Даже легкая схожесть Лизы с матерью раздражала, как дурной плагиат. Лев старался изо всех сил, чтобы ни одна из них не уличила его в предвзятости, и радовался, что пишет для театра — нахватался у артистов умения притворяться. Один вечер ему удалось продержаться. Он надеялся, что дальше пойдет легче.

А утром вспомнилась Ангелина, которая ночевала в пустом доме и, может быть, на голодный желудок. А ведь вчера вечером он мог бы взять девочку с собой в ресторан, накормить? Но в сумятице мыслей, всколыхнувшихся от Симиного толчка, как раз той девочке не нашлось места. И Ангелине наверняка пришлось, не поужинав, уснуть в ненавистном доме, оказавшемся единственным, приютившим ее. Лев не спрашивал, почему она ушла от Симы, он понимал это. Скорее всего и сам не вернул бы, если б она не позвонила...

Стараясь никого не разбудить, Лев выбрался на кухню, но вместо того, чтобы развести дешевенький кофе и включить ноутбук, быстро покидал в первый попавшийся пакет упаковки с макаронами, банку сгущенки, пухлую палку вареной колбасы, печенье... Если бы Сима застала его за этим занятием, последовало бы неприятное объяснение, которое опять могло закончиться тем, что его выставили бы из дома. Не из-за того, что Лев решил прикармливать девочку, но почему надо делать это тайком? Скрывают только постыдное... Он и сам думал так же и потому торопился выскользнуть на улицу. А когда это удалось, едва сдержал возглас ликования, знакомого шальным мальчишкам и алкоголикам.

На этот раз ветер не заставлял торопиться, но Лев все равно шел быстро. Хотя утро располагало к тихой прогулке, когда слушаешь собственные шаги и думаешь

лишь о том светлом — рассветном, — что несет начинающийся день. Сегодня он сделает, по крайней мере, одно доброе дело: не даст умереть с голоду хорошему и несчастливому человеку. Она, конечно, не Геля, но ведь никто и не требует, чтобы Лев любил ее как сестру.

Он так и передернулся, надеясь сбросить рванувшееся из прошлого, мгновенно скрутившее душу: «Думал, забылось? Никогда. Никогда не забудется». То, что ему было всего двенадцать, он сам никогда не считал оправданием. Трусость не имеет возраста. Подлая, липкая трусость, которую до конца не счистить с кожи, сколько бы лет ни прошло. Тогда он не смог решиться на протест, потому что так и цепенел от ужаса, представляя, как отец и с ним сделает подобное... Может, что-то еще похуже... А ведь все знал: по привычке открыл дверь своим ключом (в это время обычно никого не бывало дома) и сразу из коридора увидел, что делает отец с Гелей, повалив ее на пол, ладонью зажав ей не только рот, но и все лицо. Лева даже не сразу сообразил — кто это там, под отцом? Смотрел, оцепенев, во все глаза, понимая только, что происходит нечто отвратительное, мерзкое, и вдруг узнал ссадину на загорелой коленке, которую сестра смея ради замазала зеленкой в виде солнышка. Оно улыбалось, это солнышко...

И это повторялось и повторялось. А Лева молчал и молчал. Все понимал, когда отец начинал требовать, чтобы Геля пошла с ним в гараж, или вдруг давал сыну денег на кино, чтобы он только ушел из дома, когда мать дежурила в больнице. Видел же полные страха глаза сестры, которая не решалась пожаловаться даже ему, испачкать своей грязью боялась. Сколько все это продолжалось? Полгода? Год? Ему казалось, что длился

один кошмарный день. Не могло же его целый год трясти от ужаса и омерзения к себе?

«Могло, — отвечал Лев уже из сегодняшнего дня. — Этот скот терзал ее так долго, что даже ее терпение кончилось. Жизнь кончилась. Она перестала верить, что кто-нибудь сможет освободить ее из этого рабства... Освободилась ли Ангелина? Зачем она вернулась в дом Вахтанга? Просто больше некуда было пойти? Или эта жуть — рабство — тоже своего рода извращенная зависимость, не просто бредни психологов? Надо увозить ее, пока не поздно. Силой вернуть к нормальной жизни, если потребуется. Она же талантлива, черт возьми! Надо внушить ей, что она просто не имеет права губить себя».

На этот раз дверь черного хода была заперта. Он кивнул, одоббив осторожность девочки: мало ли кто шляется здесь ночами. И громко забарабанил кулаком, не опасаясь быть услышанным соседями — угожья у Вахтанга были просторными. Привалившись к двери, Лев приготовился ждать долго — пока она проснется окончательно, пока поднимется... Но испуганный Ангелинин голос раздался почти сразу:

— Кто там?

— О! — воскликнул он, удивившись. — Ты не спишь? Это Лев. Открывай, я один, без прайда.

Высунув затянутую красной банданой голову, Ангелина настороженно спросила:

— А чего вы так рано?

— Продукты тебе принес кой-какие. Ты еще не качаешься от голода?

Она распахнула дверь, продемонстрировав накидку из теплого пледа:

— Заходите. Я тут нашла вчера риса немного, сварила. Интересно, кто все продукты отсюда выгреб?

— Наверное, о них позаботились те же люди, что и о Вахтанге. Не переживай, тут на первое время хватит. А потом я увезу тебя в Москву. Если ты не против, конечно.

Если б Ангелина замешкалась с ответом, он решил бы, что имеет дело с клиническим случаем, но она ото-звалась мгновенно:

— Конечно, не против. Что мне здесь теперь делать? Я всю ночь представляла, как вернусь в Березняки зна-менитой артисткой. Буду идти той березовой аллеей к нашему театру, а все будут узнавать меня и здороваться. А Сима увидит меня и скажет: «Бог ты мой... Да неужели это моя девочка?»

Лев засмеялся:

— Очень похоже на Симу. Ты хочешь проститься с ней?

— А она захочет проститься со мной? У нее теперь только Лиза на уме. Как это Сима вас еще не выставила?

Он едва не выронил пакет: «Вот так интуиция!» И сердито спросил:

— Где, наконец, кухня? Мне так и таскать этот мешок по дому?

— Дайте мне, я отнесу.

Оставив Льва в зале с мертвым камином, Ангелина убежала куда-то, но быстро вернулась и тоном хозяйки предложила ему сесть.

— Не входи в роль, — предупредил он, не решившись опуститься в белое кожаное кресло, которое даже на вид было ледяным. — Насколько я понимаю, наше втор-жение сюда вообще незаконно.

Она поежилась:

— Холодина безумная. Как я ночью коньки не отбро-сила? Все одеяла собрала...

— Серьезно? Хочешь, уедем отсюда сегодня же?

— А... — Замявшись, Ангелина все же спросила: — А Сима не знает, что я здесь?

— Надо было сказать?

— А разве она интересовалась?

— У нее сейчас...

— Да знаю я, что у нее сейчас! А у вас деньги есть на дорогу?

Опять поразившись ее пронизательности, Лев с неудовольствием признался, что его запасов может хватить только на один билет. Она усмехнулась:

— И кому же этот один? Без вас мне в Москве делать нечего, я там никого не знаю.

Он огляделся:

— Давай что-нибудь продадим? Здесь много барахла...

Ангелина отозвалась механическим голосом:

— Статья пятнадцатая, пункт третий. До пяти лет лишения свободы.

— Откуда знаешь?

Она рассмеялась:

— Да я и не знаю! На ходу сочинила... Ничего я не собираюсь брать у этого урода, — еще больше закутавшись в плед, заговорила Ангелина совсем другим голосом. — Но у меня осталось кое-какое золотишко. Можно сдать его в ломбард.

Лев пробормотал:

— Почему всегда говорят так пренебрежительно: золотишко? Благородный металл ведь не виноват, что ради него люди дьяволу душу продают.

— Не виноват, — согласилась она и прислушалась. — Вы закрыли за собой дверь?

— Да. Не знаю. Вроде бы.

— Кажется, что кто-то идет. — У нее внезапно помертвело лицо, даже губы побелели. — Вахтанга выпустили?

Лев вскинул ладонь:

— Спокойно! Он вошел бы с парадного входа.

— А если он хотел застукать меня?

«Не он, — понял Лев в тот же миг, увидев собранное Симино лицо. — Все-таки попались...»

— Сима, — начал он, но она не дала ему сказать.

Бросив на пол сумку, с которой Лев когда-то приехал в Березняки, она проговорила тем тоном, которым общалась неприятное своим актерам, когда снимала тех с роли:

— Вот твои вещи. До свиданья. А тебя, — мельком взглянула она на Ангелину, — я надеюсь больше не видеть ни в своем театре, ни в своем доме.

— Сима, не сходи с ума! Я ей поесть принес, — выкрикнул Лев уже в спину, бросился следом, предугадывая, что сейчас она вновь оттолкнет его.

Сзади Ангелина беспомощно выкрикнула:

— Сима! Ты не то подумала. Я ему совершенно не нужна, Сима! А он мне тем более... Сима! Сима же!

Кто-то неожиданно едва не сбил его с ног, и Лев не сразу понял, что это Ангелина пронеслась мимо и, схватив Симу на лестнице, закричала хрипло, неузнаваемо:

— Как ты могла подумать такое? Мне же только ты нужна, понимаешь? Неужели до сих не понимаешь? Я ненавижу мужиков, неужели не ясно? Всех, всех! Даже этого ненавижу! Ты мне веришь? Веришь?

Она бестолково тыкалась в Симу лицом, как будто не целуя, а жадно обнюхивая, пытаясь насладиться родственным духом, которого не было. Сбитый с толку этим неожиданным открытием, Лев не решался спу-

ститься к женщинам и лихорадочно пытался угадать, что же сейчас сделает Сима: брезгливо оттолкнет Ангелину? Вырвется и убежит, не добавив ни слова к тому малому и огромному, что уже прозвучало?

Он еще не успел вообразить третий вариант, как Сима прерывисто вздохнула:

— Бедная ты моя девочка. Ты опять чересчур погрузилась в образ. Я же учила тебя, что нельзя этого делать, опасно... Ну, вот что ты напридумывала на этот раз!

И обняла ее.

* * *

Почему-то первым, что Лев ощутил, выйдя из шокового состояния, было желание позвонить матери. Оно возникало редко и каждый раз заставляло врасплох: с чего бы вдруг? И угасало столь же внезапно. Ему так и не удалось объяснить себе причину своего охлаждения к матери, ведь невозможно было даже допустить мысль, будто она догадывалась, что происходит с Гелей, и так же, как сын, молчала, делая вид, что ей ни о чем не известно.

«Нет! — хотелось взвыть Льву. — Она действительно не знала этого, как и многого другого. Иначе — это слишком чудовищно... Работала сутками, где уж тут за всем уследишь?»

Однако даже это вызывало сейчас злость, хотя столько лет прошло, могла бы и перегореть, осесть в душе траурным пеплом. Но Лев вскипал до сих пор: «Ребенка спасти надо было, а она со своими больными возилась! Гелю в жертву принесла на алтарь медицины. Одна девочка умерла, зато десятки других выздоровели...»

Почему сейчас Лев вдруг вспомнил о ней и захотел просто услышать голос, который всегда становился ласковее, когда она обращалась к сыну? Маленький, потом — единственный...

«Но она и меня не спасла, — напомнил он себе то, о чем и без того не удавалось забыть, и желание позвонить матери опять скукожилось до неразличимости. — Отец сломал меня, не прикоснувшись... А ее просто не было дома, как обычно. Я вырос трусом, потому и не решился тогда войти в дом Вахтанга и поговорить с ним начистоту. Перед собой оправдался тем, что Ангелина не пустила. Облегчение почувствовал, что не придется общаться с этим питекантропом... А получилось куда хуже: тайная встреча всегда вызывает подозрения. Так вышло и на этот раз».

Он уже знал: это Лиза выследила его. И чего ей не спалось в такую рань? Лев все пытался, но никак не мог вспомнить, в какую сторону и на сколько часов разница со Штатами во времени. У нее же спрашивать не хотелось, и он так и не понял: то ли она еще не ложилась, то ли вскочила, разбуженная дьяволом, чтобы увидеть, как Лев вышел из дома, и организовать за ним слежку. Он даже не заметил.

«И заблудиться не побоялась!» — чертыхался он, уже не желая ни слышать об этой девочке, ни видеть ее, но продолжал думать о ней, пытаясь разгадать причину ненависти, которую возбудил в ней, и желания погубить. Его способностей явно не хватало, чтобы разгадать, что творится в душе и на уме у девочек. Лев с благодарностью подумал о Наташе Лукьянцевой: сыграла Гелю, как смогла, и ничем не осложнила ему жизнь. На сцене была убедительна и трогательна. Конечно, Ангелина могла бы сыграть потрясающе...

Он все еще оставался в доме Вахтанга, сидел на кухне, которая была больше, чем вся Симиная квартира. В гостиной, где никто так и не решился развести камин, о чем-то разговаривали две женщины. Как оказалось, они совсем не понимали друг друга до этого дня... Неужели Ангелина всерьез надеялась, что у нее есть шанс? Лев даже головой потряс: «Не может быть! Не настолько же она слепа... Ей просто хотелось оставаться рядом с Симой как можно дольше. В любом качестве. Бедный ребенок! Каким же чудовищем был этот Вахтанг, что вызвал у нее такое отвращение ко всему нашему брату... Если бы Геля осталась жива, могло ли с ней произойти то же самое? Вполне могло».

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Лев взял горсть риса из надорванной пачки и принялся аккуратно выкладывать на прозрачной крышке стола какой-то, даже ему самому еще не видимый узор. Тонкие вытянутые зернышки ложились неровными стежками, прихотливо меняя направление, и Льву казалось, что кто-то ведет его руку, пытаясь сообщить таким необычным образом нечто важное.

— Ты напоминаешь сейчас Кая, который складывал слово «вечность»... Только не из риса, насколько я помню.

Он поднял голову, но не сразу вышел из того состояния медитации, в которое погрузился, сам того не желая. Присев напротив, Сима смотрела на него с печалью, показавшейся Льву не столько женской, сколько материнской. Что, впрочем, во многих женщинах неразделимо.

— Зачем ты пришла, Герда? — спросил он «замороженным» голосом.

— Спасти тебя. Отогреть.

— Серьезно?

— Это сейчас уже не Кай спросил, — усмехнулась она.

Лев согласился:

— Не Кай. Ты не помнишь, она спасла его?

— Я — да и не помню? Мы же ставили эту пьесу.

— Вообще-то это сказка.

— Я в курсе.

— Так что стало с Каем?

— Герда растопила слезами его оледеневшее сердце и вернула в квартирку с розами на балконе.

Он потер лоб:

— Раньше я не понимал — это ведь сказка о семейной жизни. Об измене и прощении.

— Конечно. Это же очевидно.

— Серьезно? Неприятно сознавать, что ты не понимаешь очевидных вещей... Ангелина была у вас Гердой? Ей впору было играть Кая...

Быстро оглянувшись, Сима показала ему кулак:

— Только попробуй дразнить ее!

— Я же не идиот. Знаешь, я думаю, мне лучше снять квартиру, чем жить у вас. Всем будет спокойней.

— Не знаю, — отозвалась она растерянно.

«Но «нет» не сказала, — отметил он. — Значит, это вполне приемлемо для нее. Вот так. Граждане, соблюдайте очередность! Сначала — Лиза, потом я, следом Ангелина... Кто последний?»

Сима опять оглянулась:

— А что будет с Ангелиной?

— Отвезу ее в Москву. И от Вахтанга подальше, и от тебя. Сейчас уже можно пойти на подготовительные курсы, пусть поучится. Работать ее устрою в Дом актера дежурной, пусть заводит знакомства.

— Ты все продумал заранее или только сейчас осе-
нило?

— Трудно сказать. Когда пишешь — точно так же. Если идея уже возникла, невозможно с уверенностью сказать, в какой момент это произошло.

— Интересно, — выдохнула она и поглядела на него заворуженно. Иногда Лев еще удостаивался таких взглядов.

Он кивнул:

— Я вообще интересная личность.

— Я тоже, — невозмутимо отозвалась она.

Не выдержав первым, Лев засмеялся и сгреб рис ладонью. Сима обиженно вскрикнула:

— Ну, зачем ты!

— Ангелина сварит на ужин. Я зарядил его своей энергией.

— Интересно, с какой целью? — прошептала она шкодливо.

— И эта женщина еще грозила мне кулаком!

Он выбросил зернышки в мусорное ведро:

— Я передумал. Ей нельзя оставаться здесь одной. Ты можешь взять ее к себе?

— Ты не видел, что творилось с Лизой, когда она общила мне, что ты пошел налево...

— Тогда я останусь здесь. Я боюсь оставлять Ангелину без присмотра.

Сима смущенно дернула носом:

— А я ведь ревновала тебя к ней.

— А мне и в голову не приходило, что это я должен ревновать. Правда, временами я чувствовал, будто кажусь ей лишним в твоём доме...

— Прекрати эти разговоры! Я вообще не думаю, что в ее сознании эта привязанность ко мне хоть отдаленно связана с сексом. Ей просто необходим родной че-

ловек, а кому он не нужен? Мужчинам она больше не доверяет, и ее можно понять...

— И я, кстати, понимаю!

Вот она и зациклилась на мне. Но это пройдет. Никакая она не лесбиянка, просто несчастный, одинокий человечек. — Сима взглянула на часы. — Я на репетицию опаздываю. Наташка Лукьянцева все же уходит из театра, хочет стать... нормальной.

— Похвально.

— Как ты думаешь, Лиза сможет пройти испытание сценой? Мне хотелось бы, чтоб она все время была рядом...

«Вот Ангелина и выпала из ее мыслей. А обо мне и вообще речи нет», — отметил Лев и попросил:

— Займи мне немного денег. На второй билет не хватает.

Сима без слов достала кошелек, отсчитала намного больше того, что могло ему потребоваться.

— Я верну.

— Устрой Ангелину, — попросила она. — До первой зарплаты ей хватит, если кутить не будет.

— А похоже, что может?

— Непохоже, — согласилась она. — Когда вы едете?

— Сейчас. Вещи ты мне уже собрала, спасибо.

— Ну, извини.

Шагнув к ней, Лев сжал ее плечи:

— Признайся, ты почувствовала облегчение, когда обнаружился повод избавиться от меня? Хоть секунда была?

— Была, — ответила Сима, не отведя взгляда. — Но только секунда.

Он убрал руки:

— Спасибо за откровенность.

Она схватила его за рукав, не позволив отдалиться хоть на несколько шагов, и заговорила с таким усилием, будто у нее судорогой сводило губы:

— А потом меня захлестнуло отчаяние: это все-таки случилось! Я так боялась, что ты окажешься как все, и ты оказался как все!

— На самом-то деле — нет, — напомнил Лев.

— Нет. Но я это уже пережила, понимаешь? Разочарование, обиду, даже ненависть к тебе была. А к себе такое презрение: ведь все же знала, дура! Как можно было попасться в столь неприкрытую ловушку?

— *Что* ты знала? Опять эта ерунда насчет моего лица?

— Ну да, да, глупость несусветная! Но что поделаешь с этим въевшимся в подкорку стереотипом? Женщина должна быть красивее мужчины. У нас с тобой — наоборот.

Отцепив от своего свитера Симинову руку, Лев поднес ее к щеке и осторожно прижал:

— А если я скажу тебе, что другой женщины мне не надо, ты поверишь?

Ее ресницы растерянно забились:

— Ты это всерьез или в качестве теста?

— Какой еще тест!

— Как ты можешь ручаться, что через полгода не влюбишься в длинноногую блондинку?

— Я?! Ты издеваешься?

— Нет. У тебя тоже дело к сорока, как раз в таком возрасте и творят самые непростительные глупости...

— Или рожают последних детей. В моем случае — и первых.

Она обескураженно заморгала:

— Детей?

— Или все то же категорическое «ни за что!»?

— Да ты с ума сошел! Лиза не перенесет этого.

— Лиза! — подхватил он язвительно. — Как же я забыл!

Резко отняв руку, Сима процедила:

— Не смейся над этим. Она столько лет была отлучена от меня, я сейчас должна всю свою любовь ей отдать, отогреть ее, очистить от этой Америки... А ты говоришь о каком-то ребенке...

Ему хотелось уточнить: «О моем ребенке», но Лев не посмел загнать ее в положение еще более трудное, чем уже сложилось.

— Извини, — сказал он. — Я сболтнул глупость. Мы сейчас уедем, не волнуйся.

— Я вовсе не гоню тебя, — пробормотала Сима и снова украдкой посмотрела на часы, надеясь, что он не заметит этого.

— Ты просто торопишься, — отозвался Лев. — Беги, режиссеру не следует опаздывать. Терять драгоценные минуты.

Но она вдруг опустилась на табурет и устало спросила:

— Знаешь анекдот про поселян, которые всё жаловались священнику на засуху? Он раз за разом призывал их молиться, но дождя все не было и не было. В конце концов, у них лопнуло терпение, они явились в церковь и потребовали ответа: «В чем дело, святой отец? Мы ведь усердно молились!» И священник им ответил: «Дело в недостатке веры. Вы молились о дожде, но ни один из вас не захватил сегодня зонта...»

Присев перед ней на корточки, Лев заглянул в лицо:

— Ты не можешь поверить, что я — навсегда?

— Не могу. Только взгляну на тебя, и все иллюзии рассеиваются. Ты достоин самой красивой женщины.

— У меня уже была красивая женщина, — напомнил он. — Кажется, мы ни минуты не были с ней счастли-

вы. Банальная истина о том, что не в красоте счастье, ведь не на пустом месте возникла. Я родился таким, как с этим быть? Моя-то в чем вина?

— Никакой вины! Это я — закомплексованная, глупая тетка. Беги от меня, пока не поздно. Пока твоя молодость не прошла...

— Если б мы могли перенестись в сказку, я отдал бы и красоту, и молодость за то, чтобы ты перестала изводить себя.

Она предостерегающе качнула пальцем:

— Не провоцируй судьбу! И потом... А вдруг я не влюбилась бы, не будь ты таким, какой есть?

...Почему-то именно это здорово задело его: все у них наоборот — он не придает значения ни возрасту, ни внешности, чем обычно грешат мужчины, а вот Сима как раз из этих источников и черпает свою любовь. А если он совсем осунется, по пятнадцать часов вкалывающая за нутбуком, она что — перестанет его замечать?

Лев едва не спросил этого у Ангелины, когда та наконец решилась войти в кухню, где он сидел после ухода Симы. Но успел вспомнить, что ее саму раздирает на куски, которым уже не срастись целостно, душа так и останется искореженной, покрытой шрамами, даже когда раны зарастут. Он посмотрел на нее с состраданием: сестра по несчастью.

Она нервно и вызывающе хмыкнула:

— Удивляетесь, как это вы, такой пронизательный, уroda во мне не разглядели?

— Урода? — протянул он удивленно.

И вдруг что-то будто лопнуло в его душе, пронзенное этим словом, которым частенько именовал его отец, какая-то почка, внутри которой вызрела решимость рас-

крыться, рассказать кому-нибудь о себе самое страшное, о чем и вспоминать не мог столько лет... Опасаясь, что передумает, снова замкнется, если не скажет этого немедленно, Лев выпалил, широко раскрыв глаза от страха:

— Не мне тебя осуждать. Я ведь отца своего убил. Никто этого не знает.

Никакого ответного ужаса в глазах, даже не вздрогнула. Только спросила:

— Даже Сима не знает?

— Нет.

— Бойтесь, не поймет?

— А ты понимаешь?

— Я-то? — Она оседлала дубовый стул с узкой высокой спинкой, положила на нее подбородок и произнесла задумчиво, даже с какой-то романтической ноткой в голосе: — Я, пожалуй, тоже убила бы кое-кого... Если б храбрости хватило. Как вы это сделали?

— Столкнул с балкона. Он был пьян в стельку, вот и не удержался. Все решили, будто он сам свалился... Все, давай больше не будем об этом! — взмолился Лев. — Думаешь, это приятные воспоминания? Я только хотел сказать, что у каждого из нас свои скелеты в шкафу, и осуждать никто никого не смеет.

Не обратив внимания на его призыв, Ангелина спросила:

— Это случилось из-за Гели? Значит, вы были ее братом. А я боялась, что отцом...

Его так и подбросило:

— Ты думала обо мне *так*?! И собиралась ехать со мной в Москву?

Она напомнила:

— Вы же сами сказали, что никто никого осуждать не имеет права.

— Но не настолько же... Тому, кто ломает другого человека, я все же руки не подам.

— Вахтангу не подали бы? — поинтересовалась она безразличным тоном, но Лев понимал, как это важно для нее.

— Ему — ни за что.

Ангелина заключила насмешливо:

— И на том спасибо!

Лев протянул ей раскрытую ладонь:

— Друзья?

Немного помедлив, она вложила в нее свою руку. Лев поразился холоду ее пальцев, сжал их, пытаясь согреть. Если не навсегда, то хоть ненадолго. Был бы взрослее, может, сумел бы отогреть Гелю...

— Когда мы едем? — спросила Ангелина решительно.

— Прямо сейчас, — ответил он.

Никто не пытался удержать его в Березниках.

* * *

Лиза собирала свои вещи. Четверть часа назад она объявила матери, что возвращается к отцу, и насладилась ужасом в ее глазах. В лживых, недобрых глазах женщины, отдавшей своих детей на откуп искусству. Надо обладать ледяным сердцем, чтобы совершить такое и продолжать твердить о своей любви к ним. Лиза помнила все их разговоры, а лучше всего то, как мать сказала: она чувствовала бы себя пустой оболочкой без своего театра.

Эти слова хлестнули сильнее других: значит, без своих дочерей она жить может, а без актеров и зрителей — умирает! Именно тогда девочке и захотелось причинить этой жестокой женщине такую боль, чтоб и она, наконец, прочувствовала. Подать надежду и обмануть.

То, что в жизни матери оказался Лев, который изменял ей, Лиза посчитала удачей. Жаль, обманулась... Жаль, он оказался чист. Этого Лиза никак не ожидала, равно как и того, что он вообще окажется таким. Именно таким.

Оглянувшись на запертую дверь, девочка вытащила из косметички блокнот и достала фотографию человека, который знал о Лизе больше других, потому что мысленно она рассказывала ему обо всем, происходившем вокруг и внутри ее. И только он понимал: такие раны, как та, что нанесла ей мать, не заживают никогда. Даже если б Лиза не надумала отомстить, даже если бы часами твердила про себя слова медитации прощения, которой научил ее отец, какими-то своими, тайными путями пришедший к желанию отпустить бывшей жене все грехи, обида все равно не рассосалась бы окончательно. Так и продолжала бы гнездиться в душе черной меткой...

Теперь ко всем ее обидам на мать добавилась еще одна. Лиза погладила снимок пальцем, поправила уголок. Джуд Лоу улыбался с фотографии с выражением невинного искусителя. Когда мать в аэропорту подвела ее к Потапову, Лизе показалось, что она сейчас потеряет сознание — так помутилось в голове: вот он — Джуд! Живой! Протяни руку, и он твой... Но все оказалось не так просто... Да нет, как раз — проще некуда. Он ее не увидел. Разглядел только маленькую девочку, некстати явившуюся дочь своей обожаемой Симы.

Усвоившая постулат «промедление смерти подобно», Лиза настроила себя на действие. Правда мать, которая с первой минуты бесила ее своим навязчивым желанием приласкаться, хотя бы потрогать ее, всячески мешала. Сима усадила ее в автобусе рядом с собой,

через проход ото Льва, и Лизе невозможно было даже посмотреть на него, не перегнувшись через мать. А в электричке умудрилась занять такие места, что он вообще оказался у них за спиной.

Из дома же Лев тотчас куда-то умчался, и мать не сразу открыла Лизе, что существует еще некая Ангелина, даже имя которой вызвало у девушки приступ ненависти. А потом мать и вовсе чуть не испортила все, прогнав его прочь, лишив Лизу возможности хотя бы смотреть на его лицо. Правда, она не собиралась только смотреть...

Лизе казалось, что она вела себя как настоящая обольстительница, в подходящий момент демонстрируя Льву то ножку, то шейку. И не понимала, почему он только посмеивается, наблюдая за ней. Не откровенно, однако в его зеленоватых глазах она постоянно замечала усмешку и тогда начинала казаться себе неумной, чуть ли не вульгарной особой, способной опозлить даже собственную мечту. Во время их разговора Лиза применила все приемы, которые советовали гляцевые журналы, сама удивляясь тому, как у нее хватило хладнокровия вспомнить их и опробовать, когда сердце так и заходило в истерику. Но Лев все равно встал и ушел к ее матери, оставив девочку наедине со своим горем, огромность которого никто не мог понять.

Она проревела всю ночь, а утром услышала его шаги...

— Он только похож на тебя, — прошептала она Джуду, который всегда слушал ее внимательно. — А так — ничего общего. Ты совсем другой... Ты — чуткий и страстный, а он — просто ледышка какая-то...

Можно было не осторожничать и говорить вслух, ведь если бы мать даже подслушивала под дверь, то все равно ничего не поняла бы, ведь с Лоу девочка общалась на английском. А на каком еще? Это его родной язык... Он —

родной, подумала Лиза. Она смотрела все его фильмы, покупала новый диск первой в их городе (так говорил ей продавец) и каждый раз поражалась тому, каким Джуд бывает разным, совсем не похожим — от робота до гомосексуалиста. И какой он смелый: не боится сыграть ни конченного подонка, ни русского солдата. И все ему удастся.

Лиза понимала, что во многом придумала того человека, который разговаривал с ней, когда она запиралась в своей комнате от всего мира. Что все его роли не дают достоверного представления о нем самом, и реальный Джуд Лоу может оказаться не похожим ни на одного из своих героев. Но те, кому посчастливилось видеть его в жизни, писали: «Джуд как солнце. Все поворачиваются следом за ним, все ищут его расположения...» Самый красивый мужчина всех времен и народов. Мальчик, с двенадцати лет живший за кулисами театра. Отец троих детей.

Любитель свинга. Случалось, он даже разочаровывал ее... То он твердил в интервью, как любит свою семью и как они дружны с женой, и вдруг пресса захлебнулась восторгом: Джуд Лоу ушел из семьи. Влюбился. Потом изменил невесте с нянькой своих детей... Как он мог?! Лиза не пошла в тот день в школу, сказавшись больной, и несколько часов плакала, уткнувшись в подушку, как плачут время от времени все девочки во всем мире.

Сейчас она старалась не издавать ни звука вообще, ведь квартирка у Симы была унизительно маленькой. Еще не хватало, чтобы она догадалась о том, что происходит с дочерью...

Но мать под дверью не подслушивала, и девочка знала это. После того как Лиза сообщила, что у нее с самого начала был обратный билет и виза только гостевая, Сима ушла к себе в комнату и не показывалась оттуда.

Наверное, не нужно было смеяться ей в лицо и кричать: «А ты поверила, что я могу остаться здесь? В этой дыре? С тобой? Да я ненавижу тебя! Ты предала нас с Ритой, и папу тоже. А он и не думал жениться, я все тебе наврала! Я возвращаюсь к нему, а ты тут хоть немного помучайся!» Достаточно было сказать, что не собиралась оставаться, это значило бы то же самое, но Лизу уже переполнило отчаяние, и слова выплеснулись сами собой. Лев уехал в Москву, даже не зайдя попрощаться с ней... С Ангелиной уехал, мимоходом сообщила мать, что повергло Лизу в шоковое состояние. А вот Сима как будто и не переживала по этому поводу. Ну что ж... Теперь у нее появится повод попереживать.

Спрятав заветную фотографию, Лиза попыталась опять ответить себе на вопрос, который не давал ей покоя: стоило ли тратить все свои и Ритины сбережения на то, чтобы разыграть перед матерью этот спектакль под кодовым названием «Кукушкины слезки»? Не лучше ли было слетать в Англию и попробовать попасться на глаза Джуду Лоу? Но последнее слишком пугало, ведь крушение мечты было бы неминуемо, даже если б они столкнулись с Джудом нос к носу... К сожалению, Лиза была не настолько глупа, чтобы не понимать этого, хотя часто думала, насколько было бы лучше, если б она верила в успех безоглядно, как учили журнальные психотерапевты.

Здесь же, в России, должна была погибнуть не ее мечта. Если только возвращение детей и в самом деле было мечтой матери, а не только эффектной фразой из тысяч тех, что Сима произносила, обучая других правильно лицедействовать. Так, чтобы это хватало прямо за сердце...

То, как Лиза продумала свою роль, матери должно было понравиться. Не пережала, не бросалась Симе на шею и не лила слезы восторга, в которых не столько

опытный режиссер, сколько мать, помнившая, как грубо отталкивали ее до сих пор, не могла не заподозрить фальши. И Лиза выбрала линию поведения настороженного, колючего подростка, который терпеть не может всяких сюсюканий. Сима предпочла театр? Она его получила.

Усмехнувшись, Лиза опустилась на кровать — посидеть на дорожку. До Шереметьева-2 она доберется и без провожатых, топографическим кретинизмом не страдает. Это здесь, в родном городишке, ей никуда не хотелось ходить, чтобы не будить слащавые детсадовские воспоминания типа «Под этим кустом я закопала зеленое стеклышко, а в этом магазине мне купили первую куклу-мальчика»... Какого черта ворошить то, о чем невозможно думать без боли?! Ее выкинули из этого прошлого, как надоевшую игрушку, так пусть оно существует без нее! Даже заглядывать не хочется...

Правда, ради задуманной трагикомедии Лизе пришлось выдержать вечер просмотра семейных фотографий с восклицаниями и требованиями посмотреть внимательней: «Это же ты, детонька! А это я...» Ее чуть не стошнило от умиления, с которым бросившая ее женщина говорила об их жизни в Березняках. Как будто счастье тех лет зависело от места жительства, а не от любви двух маленьких детей, которые висли у нее на шее, захлебываясь радостью: «Мама пришла!»

Лиза помнила это, хотя и ненавидела эти воспоминания. Она помнила, как ее пьянил запах маминых духов, который оставался на Лизиных платяницах, скрашивая одиночество вечеров, если у Симы были репетиции; как тепло и мягко было на материнском плече, когда воскресным утром родители пускали девочек в свою постель — поваляться, поболтать о пустяках; как интересно было копаться в маленькой сумочке, представляя себя

взрослой, и непременно — актрисой. Сцена притягивала своей сказочностью, необыкновенностью. А все артисты, которых она видела, были одновременно и обычными людьми, совавшими ей карамельки, и волшебниками, умевшими превращаться в кого угодно, как Людоед из сказки про Кота в сапогах. Правда, Людоеда там съели...

«Вот я и стала актрисой, — подумала Лиза мрачно. — Первую роль сыграла. Можно было помучить ее сильнее, да этот Лев сбил меня с толку. Ладно, потянет и так. Уж точно ей не скоро удастся переплюнуть эту постановку, по крайней мере, зрители не запираются в своих комнатах, чтобы поплакать после обычного спектакля. Так что — занавес!»

Она встала и решительно подняла сумку. В коридоре возле закрытой двери в спальню матери остановилась, прислушалась: «Надеюсь, она не наглоталась таблеток? Да нет, не может быть. А как же ее драгоценный театр?!»

Но, уже обувшись, Лиза все же решила взглянуть на мать напоследок, хотя бы для того, чтобы убедиться, что та наплакалась вволю. Ведь непросто довести Симу до слез, это все знали... Но произносить слово «мама» девочке не хотелось, а по имени Лиза никогда ее не звала. И, посомневавшись, как же позвать, просто сказала как можно громче:

— Я уезжаю. Счастливо оставаться!

И настороженно прислушалась: «Нет, правда... Жива она там?»

Дверь, которую Лев так и не удосужился смазать, потому что и не закрывал никогда, успокоительно скрипнула, и Сима вышла в коридор, заставив дочь возликовать: «Наревелась неслабо!» Сейчас Сима выглядела старухой: оплывшее книзу лицо, маленькие слезящиеся глаза с красными веками, бесцветные ресницы, размы-

тые контуры губ... Видел бы ее Лев! Не в Москву сбежал бы, а на край света.

— Ну, как? — Лиза улыбнулась во весь рот — научилась в Америке. — Поняла, как это, когда тебя бросают?

— Прости меня...

Вместо голоса раздался скрип, похожий на дверной, и Лиза чуть не фыркнула, но это было бы уже перебором. Она вовсе не собиралась бить лежачего, ей всего лишь хотелось опрокинуть мать на обе лопатки. Судя по всему, удалось.

— Бог простит! — ответила Лиза так, как говорила когда-то ее бабушка, папина мать, которую похоронили, когда они еще жили все вместе.

Лизины губы до сих пор помнили неживой холод бабушкиного лба. Не испугалась в свои шесть лет, поцеловала, потому что любила ее почти так же, как маму. Но маму все же больше...

Не подав руки, она вытащила сумку на лестничную площадку, где и тогда, и сейчас пахло одинаково — кошачьей мочой. И захлопнула за собой дверь. Все. Мать не посмеет выбежать следом, ведь такие сцены допустимы только в дешевых мелодрамах.

И Сима действительно не выскочила вслед за дочерью: в груди у нее что-то натянулось с такой пронзительной силой, что Сима не решилась шевельнуться, — вот-вот порвется.

Привалившись к стене, она долго стояла, не двигаясь, мелко дыша, а когда подумала: «А чего боюсь-то? Сдохнуть страшно? Разве не страшнее жить — вот так?! Когда «Скорую» вызвать некому... Когда от тебя уехали все, кого любила... И все потому, что у тебя была слишком маленькая любовь».

— Ли-за...

Этот стон опять вытянул слезы, они потекли по щекам, разбавляя страх, и Сима смогла глубоко продохнуть, сползла по стене на пол. Не вернуть дочь. Слишком сильно оттолкнула тогда... Как могла поверить, будто девочка, в венах которой бурлит ее кровь, способна простить предательство? Ведь она сама никогда не прощала. После того как отец ушел от них с матерью, ни разу с ним даже по телефону не поговорила. До сих пор, хотя он жив, наверное. А сама шагнула по дороге дьявола еще дальше, чем он... Не плакать нужно, в церковь бежать.

И она вдруг засобиралась, увидев в этом такой неожиданный для себя выход. Не пытаясь анализировать, зачем ей это, ни разу не усмехнувшись скептически, Сима выскочила из дома и бросилась в сторону маленькой белой часовни, будто вылепленной из первого, самого чистого снега. Она не задумывала этого, просто поскользнулась, но получилось так, что перед самым крыльцом Сима упала на колени, да так и осталась стоять, уткнувшись в них лицом, и хрипло постанывая:

— Прости меня, Господи! Прости меня, грешную... Я так обидела самых любимых людей. Единственных... Господи, пошли мне ребенка от него! Пусть он родится, ведь это же может быть... Прошу тебя, Господи! Ни о чем больше не попрошу, клянусь. Только пусть этот ребенок родится и будет здоров...

В этот момент Лев Потапов сказал Ангелине, которую оставлял у своей матери:

— Оказывается, я так соскучился по Москве — до смешного! Смотрю из окна, и сердце замирает... Не знаю, стоит ли мне вообще уезжать отсюда?

Часть третья

— **Н**ет песни более отвратительной, чем зов кошки, возжелавшей кота...

Лев простонал это, с закрытыми глазами отхлебнув кофе, — никак не мог проснуться после сумасшедшей ночи, которую устроила им Пипа. Сейчас кошка сладко спала, свернувшись на солнечном прямоугольнике, что подрагивал на ковре. День за окном набирал силу, сгущая синеву, захлебываясь птичьей радостью, для которой не нужны особые причины.

«Научиться бы так», — позавидовал Лев.

Его потянуло сползти на пол, усесться по-турецки, скрестив босые ноги, подставить лицо теплому лучу. Но присутствие Ангелины всегда стесняло его, он даже не мог понять почему, ведь она не была ни «синим чулком» (с ее-то прошлым!), ни — вопреки призывам «женских» журналов — стервой. Потапов видел ее и зареванной, и почти уродливой при всей ее красоте, казалось бы, чего уж стесняться? Но что-то в ней заставляло его держаться настороже. Не удавалось забыть, как Ангелина кричала, срывая голос, что ненавидит его...

— Нужно поставить ей укол, — имея в виду кошку, отозвалась Ангелина из кресла напротив так же хмуро — тоже цыкала на Пипу всю ночь. Столь же безуспешно. — В ветеринарку потащим?

— Она раздерет нас по дороге в клочья... Сами уколем.

— Только колоть будешь ты!

«Ты» она говорила Льву Потапову только вторую неделю, после того как они напились на пару, отмечая Анжелино поступление в знаменитую «Щепку». Не без его помощи, о чем она, конечно, догадывалась, но не знала наверняка. Лев не признавался...

До этого — полтора года официальности, подчеркнутой отстраненности, уважительной холодности. Хотя ему казалось: уже стали друзьями, пусть не самыми близкими, но все же... И она поверила, что в нем и вправду мало общего с Вахтангом, изувечившим Анжелину юность так — до сих пор болело. В день зачисления в театральное она сама предложила выпить на брудершафт и поцеловала Льва так, что после этого глупо было разговаривать на «вы». После он долго не решался посмотреть ей в глаза и сразу начал болтать о какой-то чепухе... Смешной.

— Согласен. Если ты будешь ее держать.

Мгновенно вообразив в деталях предстоящую сцену, Ангелина перерешила:

— Нет, лучше ты держи, а я буду колоть.

Это было безопаснее.

— А ты когда-нибудь ставила уколы?

— А это так трудно?

Произнесла эту фразу с такой надменностью, что Лев залюбовался: артистка! Потому и перетащил ее из Березняков в Москву, поселил у своей матери, правда, непонятно на каких правах... Для матери — непонятно, им-то обоим всегда было ясно, что никаких прав друг на друга они не имеют, кроме общечеловеческого права помогать ближнему в беде. Пока его использовал толь-

ко Лев, и она надеялась, ей не придется ответить ему тем же. Не потому, что не хотела помочь, — беды для него боялась. Все же она признавала его своим лучшим другом. Единственным.

А вслед им неся неслышный стон: «Какая красивая пара!» Только они не ощущали себя — парой. Не были ею и даже мысленно не пробовали создать такой макет. Чересчур искусственное сооружение. Развалится и поранит обоих. Иначе не бывает.

Его мать, Вера Константиновна, этого не видела, не чувствовала. И то и дело спрашивала, просительно заглядывая сыну в глаза:

— Почему ты на ней не женишься? Я не понимаю, чего тебе еще не хватает?

Она ничего не знала о Симе Лобановой. О маленькой женщине из такого же маленького города, не пожелавшей делить свою любовь между ним и дочерью. Талантливой женщине, первой поставившей его главную пьесу... Лев не рассказывал о ней не только матери — даже с Ангелиной, любившей Симу не меньше, разговоров не допускал, сам старался не вспоминать. А для чего? Берeditь то, что и без того еще не зажило за полтора года, растекаться слезами, стихами было не в его духе. Он писал пьесы. И они не были слезливыми, хотя после спектаклей многие зрители выходили в слезах.

Ангелине он ответил, продолжая разговор о пережившей кошке, которую нужно было спасать:

— У тебя получится. У тебя, по-моему, что угодно получится.

«Если ты будешь играть, а не пытаться прожить это по-настоящему». — Этого Лев ей не сказал, пожалел, зная, как болезненно для многих актеров то, что вне сцены их жизнь бездарна, пуста. Ангелина упрямо вы-

биралась из этой пустоты, отчаянно работая лапками, как та лягушка, что взбила сметану в масло. Только своего спасительного комочка Ангелина пока не сотворила.

Он признался себе: «Да и я тоже. Что в моей жизни есть значительного, кроме работы? Зацепиться не за что. — И упрекнул себя: — Нечего гневить Бога! Сотням людей я кажусь фантастическим счастливым — умею пьесы сочинять, которые еще и ставить начали. Ну, и потом вся эта бодяга с моей мордой...»

— Тебе звонят? — прислушавшись, лениво спросила Ангелина.

— Сюда? Это скорее тебе. Или матери.

— Скажи уж, что просто неохота вставать!

— И это тоже.

— Ты вообще разлеился в последнее время. Раньше, помнится, в шесть утра вскакивал, чтобы написать побольше.

Он не выдержал:

— Может, возьмешь трубку?

Хмыкнув с тем девчоночьим выражением, которое иногда еще позволяла себе, Ангелина подобралась к телефону и кому-то ответила. Лев перевел взгляд за окно: «Она никогда не позвонит. Да она и не знает этого номера... И никакого другого. У меня даже «симка» новая, как ни вульгарно это звучит... Симка. Сима. Что мешает мне просто набрать то сочетание цифр, что помнится до сих пор, и узнать, как ты там? Чем это унизит меня? Да, она сделала свой выбор, и не в мою пользу, но, может... Хотя, если бы ей действительно хотелось меня найти, то, имея доступ в театральный мир, сделать это было бы нетрудно».

— Наташка Лукьянцева звонила. Моя бабушка умерла.

— Что?

Лев и вправду не расслышал слов Ангелины, слишком далеко его унесло за пару минут.

— Извини, что ты...

— Бабушка умерла. Моя.

— Ох ты...

— Да ладно тебе! Я и не думаю убиваться... Она прокляла меня, если помнишь.

Он попытался притянуть обрывки воспоминания:

— Из-за Вахтанга?

— Из-за всего. Из-за театра в том числе. — Она вся передернулась. — Черт с ним, с Вахтангом! За это я и сама себя проклинаяю.

— Кто из нас не творил глупостей в восемнадцать лет...

— А вот того, что она считала всех актеров дьявольским племенем, я ей не забуду.

— Теперь уже не стоит так говорить.

— Только из-за того, что она умерла? Смертью одного ничего в человеческих отношениях не кончается, разве не так? Для тебя ведь не кончилось, когда умерла Геля. Она же не перестала от этого быть твоей сестрой.

Лев с досадой заметил:

— Знал бы я, что ты доберешься до Гели, просто высказал бы тебе соболезнование.

Скользнув по комнате гибкой тенью, Ангелина присела перед его креслом, обдала свежим, утренним запахом, которого Лев не знал:

— Ты съездишь со мной?

— Куда?

— На похороны, конечно.

Это настолько противоречило прозвучавшему мгновение назад, что Лев даже усмехнулся — само вырвалось:

— Ты шутишь?

— Нисколько. А что тут смешного?

— Ты же только что...

— Ну, мало ли! Одно другому не мешает.

— В самом деле?

— Разве ты не был на похоронах своего отца?

Это был сильный и хорошо рассчитанный удар, даже губы пересохли. Минуту назад Лев готов был руку дать на отсечение, что Ангелина никогда не заставит его раскаяться в приступе откровенности, случившемся в Березняках.

— Я-то не мог не пойти...

— Ну да, чтобы не попасть под подозрение, — закончила она за него, но Лев подумал, что лучше бы Ангелина не бралась помочь.

— Не думал я, что мы снова заговорим об этом. Ты, оказывается, настоящая амазонка, бьешь без промаха.

Она только прищурилась:

— Так ты поедешь со мной?

— Мне не хотелось бы...

— Мне тоже! Представь себе. Но я чувствую, что должна!

Решив тоже не жалеть ее, Лев напомнил:

— Никто из семьи даже не проведал тебя, когда ты лежала в больнице. И домой тебя не забрали.

— Может быть, они забрали бы, если бы Сима не опередила, — пробормотала она, и Лев расслышал, что ей и самой не верится в это.

И ему стало жаль в ней того ребенка, который все еще пытался обрести семью, а ее, по сути, никогда и не было. Жаль до того, что Лев позволил себе то, чего они оба старались избегать по мере возможности, чтобы не испытывать себя на прочность без особой нужды: он притянул Ангелину и обнял, поцеловал отросшие во-

лосы, которые стали жестче, чем до операции, да это и понятно... Теперь она постоянно делала стрижку, отчего ее лицо казалось взрослее и тоньше. Поразительное лицо... Его знакомый из Щепкинского училища даже спросил: «Как у тебя духу хватает отпускать такое сокровище в нашу стаю? Сожрут ведь!»

Он тоже не подозревал, что Ангелина способна сражаться за свое, не соблюдая правил. Однажды эта борьба утомит ее, и она, истинная, перестанет быть видна сквозь померкшую женщину с морщинистыми коленями. Лев видел такую вчера в метро, она стояла, прижавшись спиной к сомкнутым дверям, высокая и по-девически стройная в неподобающе коротком сарафанчике. С другого конца вагона ее, наверное, даже можно было принять за девушку... Но ему, сидевшему близко, были видны эти старушечьи, дряблые колени, которые она почему-то выставляла напоказ, и коричневые пятна на ногах... Не замечала она их, что ли? Продолжала видеть в себе ясноглазую девочку или делала вид, будто не стесняется своего возраста, не считает нужным скрывать его? Слишком нарочито это выглядело, до невозможности глупо. У Льва даже сердце защемило от жалости, когда он рассмотрел эту женщину. И опять — в сотый раз на дню — подумал о Симе, которой через несколько лет предстояло вступить в этот возраст. А его не будет рядом...

— Ты поедешь? — напомнив о себе, спросила Ангелина еще раз и затихла у него на груди.

— Если хочешь.

— Зачем бы я просила, если б не хотела?

— Не знаю. Из вежливости.

— Не такая уж я и вежливая...

Он улыбнулся:

— Я заметил. Когда отправляемся?

— Похороны завтра.

— Тогда завтра и поедем. Или ты хочешь там переночевать?

— У кого? Я не хочу спать рядом с трупом!

Существовал только один ответ, и они оба подумали о Симе, о которой не заговаривали полтора года и не заговорили сейчас.

«Я должен написать о ней, — внезапно понял Лев. — Чтобы освободиться. Это сработало в случае с Гелей, мне стало легче, хотя отца я все равно не простил, даже в душе... Но тогда я писал о тех, кого уже не было, и это как бы давало мне право рассказывать правду о них. Но имею ли я право выводить на сцену придуманную Симу, когда живая может оказаться в зале? Возможно, она и не придет... Не в этом суть. Я никогда не писал о реально существующих людях, кроме той самой пьесы о сестре. Но Сима — это другое. Настолько мощное, от чего и в самом большом городе не укроешься... Что в ней так держит меня? Ведь дело же не только в том, что она была моим первым режиссером... Совсем не в этом. А в чем?»

— Мы можем остановиться в гостинице, если тебе хочется подольше побыть со своими, — предложил он. — А я просто поброжу по улицам.

Несколько секунд она молчала, не отрываясь от его груди, потом тихо спросила:

— Надеешься случайно столкнуться с ней?

Он хмыкнул, отчего Ангелинина голова так и подскочила, прижал ее ладонью:

— Столкнуться? Нет, этого не хотелось бы. Встретиться — может быть.

— Ну, тебе лучше знать...

«Если бы знать!» — подумал Лев с тоской сразу обо всем. И, словно расслышав несказанное, Ангелина отстранилась, посмотрела на него в упор.

— Тогда — что? Поедем прямо сейчас?

— Не забудь паспорт, — ответил он.

* * *

Она предчувствовала, что в электричке ни один из них не нарушит молчания — так было, когда они уезжали из Березняков, тогда еще не догадываясь, что Лев не просто отвозит Ангелину к своей матери, но и сам останется в Москве. Столица мгновенно утянула его в переливающийся красками водоворот событий, идей, заморочила голову. Заставила удивиться: зачем от этого возвращаться в ту дыру, где его не очень-то и жаждают видеть? Не Березняки *его* город. Уехав оттуда, Лев понял, насколько это очевидно.

Но столь же очевидно было то, что он остался бы там, если бы Сима хотела этого. Или хотя бы не так откровенно демонстрировала, что он мешает ее отношениям с внезапно-вернувшейся из Америки дочерью. Как же ее зовут? Что-то из русской классики... Наташа? Анна? Катерина?

«Лиза!» — вспомнил он. Но ничуть не обрадовался, потому что следом за именем вереницей потянулись неприятные ощущения: раздражение от того, как вызывающе эта девочка смотрит и непонятно, чего хочет от него... То ли того, чтобы катился подальше, то ли чтобы шагнул к ней... Вспомнились желание поморщиться от ее американского акцента и резь в глазах от каждого взгляда: «Как же похожа на мать!»

Ангелина скосила на него глаза: лицо сердитое, скорее даже злое. Бледное. О ком думает? Сперва задремал,

едва сев в поезд, — бессонная ночь, подаренная Пипой, сказалась. Потом внезапно очнулся, точно увидев во сне что-то испугавшее его. Или рассердившее? Вон как напрягся весь, кого-то невидимого буравит взглядом. Такое выражение — редкость, он ведь всегда улыбается, щедро раздаривая свою солнечную красоту. И как ухитрится отбиваться от желающих припасть к этой красоте, наполнить ею свою жизнь? Не может быть, чтобы женщины не бросались ему наперерез... Но ведь Лев Потапов не способен оттолкнуть, перешагнуть, Ангелина это чувствовала, как же выкручивается? Не спит же со всеми подряд?

«А что я знаю о нем? — усомнилась Ангелина, уставившись в спинку пустого сиденья напротив. Им повезло — в электричке оказались свободные места. — Может, и спит... Как он там проводит время у себя, он же не рассказывает. Да мне и неинтересно! Хотя, судя по количеству пьес, развлекаться ему особо некогда... Или он все успевает?!»

— Наш пострел везде поспел.

— Что? — Лев опять не успел уловить сказанное ею.

Ангелина посмотрела ему в глаза: видит кого-то другого. Но ей и не хотелось бы, чтоб он смотрел на нее так.

— Неважно, — заверила она. — Просто вырвалось.

— Извини, я задумался.

— Я заметила. Даже догадываюсь, о ком ты думаешь... Зайдешь к ней? Или будешь слоняться под окнами?

— Зачем мне к ней заходить? У нее и без меня все в порядке.

— Я думала, тебе хочется ее увидеть.

— Не хочется.

У нее вырвалось:

— Врешь!

Лев повернулся — не отвечая, не улыбаясь. Но Ангелине сразу стало ясно, что он не врет, более того, она и в себе разглядела то же самое, глядя как бы его глазами — измученными; потухшими. Мгновенье назад она и не догадывалась, что и ей совсем не хочется видеть Симу, даже случайной встречи не нужно. Это ведь все равно что просмотреть видеозапись собственной болезни. Никакой радости, только подступающая тошнота: «Неужели это я была такой мерзкой?!» Хотя, может, Сима так и не думала в тот момент, когда Ангелина висла на ней, вопя о любви...

Ее передернуло, как от холода: ужасно. Ужасно. Неужели это было? «Солнечным затмением» называл такое Бунин. Ангелина одернула себя: «О чем думаешь?! Бабушка умерла. Могла бы и о ней вспомнить... Неужели нечего?»

С усилием собрала мысли, направила их той заросшей тропинкой в прошлое, которой давно не хаживала. И сразу пугающе замаячили свечи, лики икон, всегда осуждающие ее, Ангелину, за все подряд, даже за имя — «басурманское», как говорила бабушка. Это ее суровый взгляд огнем горел на всех иконах: молись, молись, проси прощения за грехи свои!

«Я еще в школу не ходила, какие там грехи?! — Ангелина не заметила, как переплела и крепко — косточки пожелтели — стиснула пальцы, будто и вправду читая про себя молитву. — Она просто ненавидела меня. За то, что не уродиной родилась, за то, что смеялась чаще, чем плакала. И меня заставила возненавидеть в себе то женское, что было от природы, куда от него денешься? Да она меня еще больше изуродовала, чем Вахтанг. Тот хоть в открытую издевался, не прикрываясь именем Бога. Так подло... И я еще еду хоронить ее!»

Недоумение уже переродилось в протест, от которого так и вскипела кровь: выйти на первой же станции и вернуться в Москву! Жизнь их не примирила, что же может изменить смерть? Лев был прав, когда отговаривал ее. Уж ему-то известно: невозможно простить человека только потому, что он ушел из этой жизни.

Ангелина снова осторожно скосила глаза: поехал с ней, надо же! А ведь ему тоже в тягость это возвращение в город, где его никто не ждет... Может, еще больше, чем ей.

«Чья тоска больше, чья меньше, — как измерить? — Она вдруг, забывшись, засмотрелась на него. — Господи, если отбросить то, что это тот самый Лев Потапов, которого я тысячу лет знаю и которому все известно обо мне, как же он потрясающе выглядит! Даже таким — придавленным страхом...»

Не успев испугаться сама, Ангелина протянула руку и погладила его короткие, золотистыми завитками волосы. Впервые ощутила их...

Он дернулся:

— Что ты?

— Ничего. Не переживай так. На тебя смотреть больно.

Не разжимая губ, Лев попытался улыбнуться:

— Не больно. Все уже отболело давным-давно.

— Это и заметно...

— А ты не смотри.

Ангелина пихнула его в бок:

— Ты же знаешь, на тебя приятно посмотреть!

— Ха-ха!

— Я не смеюсь. Мне самой не до смеха.

— Серьезно? Ты и не вспоминала о своей бабушке полтора года, а теперь собираешься всплакнуть?

— Это не из-за нее. Из-за себя самой.

Это его ничуть не растрогало:

— А себя саму тебе нечего оплакивать, у тебя все просто превосходно!

— Правда?

— Конкурс был сто человек на место. Взяли тебя. Теперь вообрази, каково девяносто девяти не поступившим?

Ангелина вздохнула и, вытянув ноги, слегка сползла по сиденью:

— Ты опять прав. Ты всегда прав. Умный, просто до невозможности!

Все его лицо, каждая черточка выразила отвращение к этой его сомнительной правоте. И глаза стали холодными, прозрачными от злости.

— Ты сама попросила меня поехать с тобой.

— Ну да, — растерялась она.

— А теперь демонстрируешь мне свою ненависть?

— Да я... Почему — ненависть? С чего ты взял? — Она даже села, выпрямив спину, чтобы легче было собраться с мыслями.

Сжав губы так, что даже подбородок с едва заметной ямочкой слегка подобрался, Лев смотрел на нее тем пронзительным взглядом, который всегда вызывал у нее стыд. А объяснить его не получалось...

— А что еще можно испытывать по отношению к человеку, который всегда прав?

— Разве ненависть? А Иисус Христос? Он тоже был во всем прав.

— Он не человек, — отрезал Лев. — Он — сын Божий.

— А ты уверен? Ты что, «Код да Винчи» не читал?

— Ты думаешь, Дэн Браун выродил эту теорию о небожественном происхождении Христа? Есть такое по-

нятие, как арианство... Был такой александрийский священник Арий, он выдвигал эту доктрину. Веке этак в четвертом...

— Так давно? — вырвалось у Ангелины. — А я до сих пор об этом не слышала.

Лев смотрел на нее насмешливо:

— А великий Дэн Браун открыл тебе глаза!

— Тебе не понравилась его книга?

— В художественном отношении — слабовата, как большая часть триллеров. А так — увлекательна, конечно, раз дочитал...

— А я оторваться не могла!

— Я и не сомневался...

— В том, что у меня испорченный вкус?

— В том, что тебе должна была прийти по душе ее феминистская закваска. Магдалина в роли жены Христа... Нужно было постараться, чтобы выдумать такое!

— А если он не выдумал?

Он дернул несогласно головой:

— И что это меняет? Твое отношение к Христу как-то изменилось после этой книги?

Солнечный поток радости, полный порхающих бабочек и облетающих яблоневого лепестков, вырвался из памяти... Ангелина улыбнулась ему навстречу:

— Он сделался мне как-то ближе. Перестал пугать своим совершенством.

— Серьезно? — Лев прищурился, разглядывая ее с интересом.

Она упрямо подтвердила:

— Да, серьезно. Раньше мне просто было жаль его и стыдно за людей, которые позволили распять невиновного. Но, понимаешь, я не воспринимала Иисуса на-

стоящим. Живым. Он был для меня как бы... книжным персонажем. А сейчас я чувствую его, как...

— Как человека, — отвернувшись к окну, сказал Лев. — Тебе тоже необходимо все опустить на землю, чтобы принять это? То, что выше тебя, уже отрицается?

— Наверное, я просто не в состоянии постигнуть божественную сущность...

То, как виновато прозвучал собственный голос, ей не понравилось. В чем ее вина? В том, что она не так уж умна? Такой уж ее Бог создал...

— Ты же умница, — возразил Лев ее мыслям. — Как ты можешь нести такую чушь? Праведников было много, но Иисус Христос — единственный. Именно потому, что он — над нами. Если хочешь, он — чудо, присутствие которого делает нашу серую жизнь волшебной.

— Твоя жизнь кажется тебе волшебной?

Еще не дождавшись ответа, Ангелина подумала, что за полтора года этот человек погас на ее глазах, словно обесточился. И он еще говорит о чуде... Тем сильнее удивили ее прозвучавшие следом слова:

— Без сомнения. Когда я пишу, творится то самое волшебство. И я прекрасно понимаю, что не моей рукой.

— Но ведь это именно ты пишешь!

— Я только инструмент. Такое же перо в Его руке, какое держу сам.

— Ничего ты не держишь. У тебя ноутбук, а не гусиное перо.

Лев рассмеялся. Почти как когда-то — засветившись весельем. Ангелина постаралась отразить его, чтобы не погасло так же мгновенно, как обычно в последнее время.

— Хитрюга, — сказал он. — Ты опять все прибила к земле. Женщина.

Она ощетибилась:

— А вот за это я и укусить могу! Для тебя «женщина» — это ругательное слово?

— Вовсе нет! Я люблю женщин.

— Неужели? Когда у тебя в последний раз была женщина?

Задохнувшись, он погрозил ей пальцем:

— Не суй нос не в свое дело!

— Почему — не мое? Мне жалко, что такая красота пропадает! Хоть бы кто-то попользовался...

— Может, сама хочешь?

Она ужаснулась. Не тому, о чем он спросил, всего лишь поддерживая разговор, уже переставший быть серьезным, а тому, что прозвучало в ней ответом. Неожиданным настолько, что ей захотелось вскочить и броситься бежать.

— Станция Березняки, — едва различимо просипел машинист.

— Пошли. — Лев поднялся.

Он и не ждал никакого ответа.

* * *

Почему-то ей казалось, что она уже никогда не вернется в этот город, где остались не просто люди и дома, но и сама Ангелина — другая, ребенок и подросток, вросшая в свою окраину, как тот тополек, который вырастила в бутылке с водой, а потом пересадила в землю. Все говорили, будто тополя трудно приживаются, и этот скорее всего погибнет, но веточка крепко ухватилась за почву белесыми волосками корней, принялась жадно впитывать соки и выжила. От листочков маленького тополя исходил особо волнующий запах невинной

юности и надежд. Такой аромат источают некоторые дети, не разучившиеся раньше времени верить в сказки. Она верила тогда. Пока не сбылось, но детство не было виновато перед ней своей наивностью.

В ее городе асфальт был сплошь покрыт серыми трещинами, будто какой-то злой великан хотел переломить его пополам, да почему-то остановился, только надорвав кожу. И об этом который год шептались сосны с березами, сдружившиеся так давно, что Ангелина и не помнила их саженцами. Летом здесь пронзительно пахло скошенной травой, мужички с настоящими огромными косами проходили по улицам, как и сто лет назад. И она, маленькая, присаживалась посреди газона на корточки и жадно вдыхала острый, волнующий аромат, в котором сплелись печаль и страсть. О них тогда не думалось и уже тем более не хотелось... Они просто предупреждали, что существуют и рано или поздно их познает любая девочка, хочет она того или нет.

Что было в те немудреные годы ее мечтой? Чего ждала распахнутая навстречу счастью душа? Славы? Богатства? О них Ангелина и не помышляла. Ей хотелось одного — чтобы ее все любили. Ведь по-настоящему ее тогда не любил никто. Да и сейчас тоже... А ей мечталось: идет она по родному городу, а все улыбаются и здороваются. Не из вежливости, а на самом деле желают ей здоровья. Потому что любят.

Как вернуться туда, где это не сбылось? До этого дня чудилось: невозможно. Понимала, что рельсы не разобраны и дороги не поросли бурьяном, но в ее представлении Березняки были отрезаны от того мира, где Ангелина жила сейчас. Мира, похожего на калейдоскоп, в котором сочетание узоров меняется так быстро — только успевай запоминать.

Порой ее охватывало отчаяние: в памяти все путалось, когда она пыталась составить цельную картину прожитых в Москве полутора лет. Столько всего удалось повидать и послушать, столько людям улыбнуться, знакомясь... Но в целом оглянешься — хаос позади. Ничего цельного, единого, за что можно ухватиться, если опять накатит презрение к себе, как уже случилось не раз. Чем можно гордиться, как Льву — его пьесами.

«Неужели не унизительно воспринимать себя только пером в чьих-то руках? — Она вертелась на неудобной постели гостиничного номера и не могла уснуть. — Даже если это Его рука? Хотя, наверное, все мы только Его марионетки. Говорится же, что ни один волос не упадет без Его воли... При чем же тогда мы сами? За что держим ответ на том свете? Спросится ли с бабули за ненависть к моей маме и ко мне. А ведь всего лишь за то, что я была зачата в дни Великого поста! Моего отца она в этом не винила — сын же... Единственный, кого она любила, кроме Бога. Хотя наверняка это папочке приспичило в пост...»

Силясь уснуть, Ангелина опять отвлекалась мыслями о завтрашнем дне, и думалось не столько о самих похоронах, сколько о встрече с семьей, которая не желала о ней знать. Лев напомнил: даже в больницу к ней не пришли, когда она чуть не умерла, избитая Вахтангом. Для бабушки Ангелина стала олицетворением скверны, наверняка это она запретила родителям пойти в больницу. А те, как всегда, не посмели послушаться... Хотя что она могла сделать им, старуха? Избила бы, что ли, мать за то, что та поступила бы по-своему? Значит, не очень-то и хотелось...

Перевернувшись на спину, Ангелина обвела взглядом тускло светившийся прямоугольник окна. Может,

не ходить на похороны? Она ведь могла бы и не узнать о бабушкиной смерти, если б Наташа Лукьянцева не позвонила. Наташка, наверное, уже школу заканчивает...

«Спасительница моя», — подумала она без усмешки, вспомнив, что именно эта девочка и отыскала ее, истекающую кровью в канаве. А потом Сима выхаживала ее целый месяц. И обеим тогда казалось, будто они стали ближе, чем мать с дочерью. Кто знает, если бы тогда не вернулась из Америки младшая Симиная дочь...

«Она нас обоих выжила. — Ангелина попыталась вспомнить Лизино лицо и не смогла. — И Льва, и меня. Захватила ее целиком. Впрочем, ничего неожиданного: Сима всегда только своими девочками и жила... Все ждала, что вернутся. Счастлива теперь?»

Тихий стук в дверь сбил с ритма сердце: что еще?! Вскочив с постели, она бросилась открывать, наспех подумав, что это явно не обслуживание, что им могло тут ночью понадобиться? И не удивилась, увидев Льва.

— Что?

— Нашего театра больше нет. Никаких «Версий»...

Не спрашивая разрешения, он прошел в комнату и сел на разобранную постель, кажется, даже не заметив этого. Не включив света, Ангелина присела перед ним на корточках:

— Ты был там?

— Ну, естественно, раз говорю! — отозвался он раздраженно. — Нет ни одной афиши, на дверях замок, даже окно выбито...

— Может, они просто переехали в другое место? Сима ведь добивалась, чтобы им дали новое помещение.

— Серьезно? — встрепенулся Лев. — Почему я не знал? Может быть... Завтра разведу.

Ангелина села с ним рядом, провела рукой по спине:

— Проще пойти к ней домой и все выяснить. Квартиру-то она вряд ли сменила.

Он не ответил, и ей пришлось спросить:

— Боишься?

— Не боюсь. При чем здесь страх? Просто это глупо — пытаться войти в ту же реку.

Ее рука задержалась на его пояснице:

— Но если этого очень хочется...

— Я сам не знаю, чего мне на самом деле хочется! — Лев уткнулся в ладони и замолчал.

«Как можно не знать этого? — Она погладила его волосы. — Человек всегда понимает свои желания, даже если не хочет их принимать».

Он вдруг встал и пошел к двери. Остановился на пороге, но не повернулся:

— Спокойной ночи.

— И тебе, — отозвалась Ангелина. — Постарайся уснуть.

Лев глянул на нее через плечо. Ей показалось, что его взгляд сверкнул озорством:

— У меня с собой фляжка с коньяком. Сейчас приму на ночь.

— А со мной не поделишься? Я уже извертелась вся, никак не могу уснуть.

На ходу расстегивая сумку, он вернулся к кровати, протянул плоскую фляжку:

— Глотни, хуже не будет.

— Да уж... — отозвалась она неопределенно и отпила из горлышка. — Ух! Жаль, на брудершафт мы уже пили...

Наверняка вспомнив тот ее поцелуй, Лев забрал фляжку и сделал сразу несколько глотков. Жадно, словно утолял многочасовую жажду.

— То, что нужно.

Это прозвучало вопросительно, и у нее вырвалось:

— Не совсем.

— Серьезно? А что же тебе нужно?

— Мне? Ничего.

— А кому же тогда? Мне?

— Может быть, нам обоим?

У нее опять начало сбоить сердце, и не хотелось, чтобы Лев услышал это. Впрочем, для этого ему требовалось прижаться ухом к ее груди.

— Нам обоим необходимо выспаться, — отозвался он сухо и встряхнул фляжку. — Еще будешь? Глоток остался.

— Не знаю. И так в голове зашумело.

— Этого хватит, чтобы уснуть. Знаешь, чего мы с тобой не сделали?

— Мы еще многого не сделали...

— Не поставили кошке укол. Сейчас она устраивает маме веселую жизнь.

— Животные откровеннее людей, правда? Они вслух заявляют о своих желаниях.

— А мы на то и люди, чтобы с ними бороться.

Лев снова поднялся, возвысился над ней в своей неприступности. Задрав голову, Ангелина тихо спросила:

— Зачем?

— Чтобы не портить друг другу жизнь.

— Что это может испортить?

— Все. Инцест непростителен. Самому себе не простишь этого...

Она часто заморгала:

— Какой инцест? Кто кому родня? Ты опять путаешь меня с Гелей? Я ведь даже не сыграла эту роль, только репетировала!

— Неважно. Ты была Гелей.

— Но теперь я — Ангелина! — Она вскочила и толкнула его в грудь. — Убирайся отсюда! Я есть я, понял? Я могу играть других, но я все равно остаюсь собой. Как ты остаешься собой, в скольких бы персонажей ни вживался. Как будто ты не понимаешь этого!

Она продолжала отталкивать его, наступая, и Льву пришлось перехватить ее руки, сжать так, что Ангелина охнула и чуть присела.

— Именно потому, что я вживаюсь в каждого, — произнес он так тихо, что это прозвучало зловеще. — Я ведь и своего отца написал, если помнишь... Яркий персонаж получился.

Разжав руки, он быстро пошел к двери, будто надеялся спастись бегством, и Ангелина едва успела выкрикнуть ему вслед:

— Но ты — не он! И никогда таким не будешь!

Лев обернулся:

— Откуда ты знаешь? Даже я сам не могу ручаться за то, каким стану через пять лет. Даже через год.

— А я знаю, — возразила она упрямо. — Потому что я тебя чувствую.

— Я помню. Ты орала об этом на весь свет. Твое чувство называется ненавистью.

У нее вырвалось:

— Нет! Совсем даже нет.

— Ты сама произнесла это слово.

— Когда это было!

— Разве не вчера? Разве после того дня была какая-то жизнь?

— А разве не было? Мы бродили с тобой по городу, по вечернему Кремлю, заходили на Патриаршьи пруды...

— Seriously?

— А ты не помнишь этого? Как ты рассказывал мне про Булгакова и Елену Сергеевну, про Мандельштамов...

— Ты все это знала и до меня. Это все знают.

— Но мне нравилось тебя слушать. Ты говорил о них, как о родных — с состраданием. А сколько мы исходили с тобой переулков!

Он усмехнулся:

— У меня потом ноги отстегивались...

Ангелина взглянула на него исподлобья:

— Ну и что? Все равно это было самой реальной жизнью. Даже то мороженое, которое мы ели. Пиво пили на ВДНХ, помнишь? Забрались в самые заросли, куда никто не заходит.

— Оно было теплым...

— Неправда! Это ты сейчас придумал. Оно было вкусным. И орешки к нему тоже...

Лев вздохнул:

— Наверное, просто подзабыл этот неземной вкус... Кажется, тогда мы и вправду хорошо погуляли.

— Так что не говори, что все кончилось в тот день, когда мы уехали из Березняков.

— Когда мы уехали от Симы, — исправил он. — Березняки здесь ни при чем. Это не мой город.

— Это *мой* город.

— Извини. Я вовсе не хотел обидеть тебя. Это хороший городок.

— Здесь тоже происходит много интересного.

— Да уж! Более чем достаточно, — согласился Лев на смешливо.

«Все. Вот теперь он сможет уснуть», — поняла она и сама ощутила такую усталость, что так и осела на кровать.

— Я заболтал тебя, — заметил он виновато. — Завтра попытаюсь отыскать следы нашей «Версии».

— Лучше сходи прямо к ней. Сэкономит кучу времени. Все равно ведь ты именно Симу хочешь увидеть, а не театром интересуешься.

— Может, и схожу!

— Сходи, сходи! — Ангелина вытянулась на постели и, набросив простыню, закрыла глаза, чувствуя, что Лев продолжает смотреть на нее. Потом, потянувшись всем телом, перевернулась на живот и затаила дыхание: подойдет еще раз или нет?

— Закрой за мной, — сказал он. — Не дай бог, кто-нибудь ошибется дверью. Уже не уйдет ведь...

Но у нее уже не хватило сил подняться. Кровать качнулась и закружилась, увлекая ее в ту темноту, которая способна высвечивать самые забытые лица и соединять их неожиданно, непредсказуемо. Ангелина улыбнулась им навстречу. Ей невольно было снова оставаться в одиночестве.

* * *

Он вернулся не сразу. Ангелине даже показалось, что она успела выспаться. А Лев все это время сражался с собой, как мог, но потерпел поражение. Сквозь сон почувствовав его тело, она прижалась к нему, потерлась лицом, заставляя себя проснуться как можно скорее, ведь ничего не хотелось бы упустить, оставить в беспомощности.

— Почему ты не закрыла дверь? — шептал он. — Я все время помнил, что она открыта. И ты здесь... Одна.

Она не смогла ничего ответить. И способность говорить еще не вернулась, и не хотелось никакого другого

языка, кроме языка тела, которое безмолвно стонало, изнемогая от нетерпения, и рвалось навстречу тому, чего Ангелина совершенно не знала. Не с кем было узнать... Вахтанг так и не позволил ей понять, что же такое желание, а его собственные вызывали у нее лишь омерзение.

Сейчас же она вскрикивала от каждого движения Льва, от любого касания, даже когда он дотрагивался губами до ее сомкнутых век, до тонкой ключицы... Изредка открывая глаза, Ангелина видела его лицо так близко, как никогда до сих пор, и это потрясло не меньше, чем ощущение его плоти внутри нее. Ей хотелось, чтобы это продолжалось бесконечно, и радость, которая уже назревала в ее теле, растянулась немыслимо, а кончилась, только если им самим этого захочется.

Однако это было невозможно, Ангелина и сама понимала. Когда он затих, уткнувшись ей в шею, благодарно улыбнулась: хоть не целый век счастья, и все же...

Но неожиданно Лев процедил сквозь зубы:

— Что я наделал...

И, вскочив, стал одеваться так торопливо, будто убегал с места преступления. Приподнявшись на локте, Ангелина наблюдала за ним с изумлением. В ее животе еще давали о себе знать отголоски впервые узнанной радости.

— Прости, прости, — бормотал он. — Я просто скотина... Я клянусь тебе, что больше никогда...

— Да что с тобой?! — не выдержала она.

Лев рывком затянул ремень:

— Я только подтвердил все твои слова о мужчинах. Можешь ненавидеть меня и дальше. Я знаю, что мне нет прощения.

— Да ты просто дурак! — выкрикнула Ангелина и встала в постели на колени. — Ты что, даже не понял, как мне было хорошо и как мне хотелось этого?!

Сквозь темноту трудно было разобрать, как именно Лев на нее смотрит, но она мужественно продолжила:

— Я ведь только того и ждала, что ты придешь, неужели это было не ясно? О какой ненависти ты говоришь, если я впервые... — Она смутилась. — Ну, неважно... Разве обязательно все время напоминать мне о том, что я тогда наговорила сдуру? Может, тогда я именно это и чувствовала, но сколько времени-то прошло! Все изменилось, понимаешь? Я изменилась. И то, что есть во мне...

Сев, как японка, на пятки, Ангелина ждала, что Лев ответит, а он все молчал, словно рассчитывал услышать еще какие-то слова.

— Останься со мной, — попросила она. — Ложись здесь. Я поглажу тебя, и ты уснешь.

— Ты меня пугаешь, — признался он, пожившись, потеряв ладонями предплечья, будто озяб от близости с ней. — Ты никогда не была такой покладистой. Ты всегда казалась мне строптивой девчонкой.

— Может, я просто становлюсь женщиной? — Она протянула руку, но Лев не спешил подать свою.

— Ты понимаешь, что мы натворили? Зачем все это? Мы ведь не любим друг друга.

«Почему мне вдруг стало больно? — Ангелина опустила не принятую им руку. — Он ведь прав. Он любит Симу. И я знаю об этом сто лет... А я сама? Разве я люблю его? А разве это не так называется?!»

Но обида уже одержала верх, и она подтвердила:

— Не любим. Ну и что? Мы никого не обидели тем, что случилось. Если вдруг... Если Сима захочет, чтоб ты

вернулся к ней, то так и будет. Я вам ничем не помешаю. И она никогда не узнает, я тебе обещаю.

— Это только моя вина, — опять принялся он каяться.

Она хлопнула ладонью по голой ноге:

— Да хватит! Если хочешь, уходи сейчас же, и будем жить, как будто ничего не случилось. Как будто это приснилось нам. За свои сны мы же не в ответе? Чего ты боишься?

— Тебя, — неожиданно признался Лев. — Я боюсь, что не смогу от тебя оторваться.

Сразу обмякнув, она муркнула:

— Что же в этом такого страшного?

— Будущее. Разве у нас оно может быть?

— А почему нет?

— Потому что ты — еще ребенок...

— Да мне уже почти двадцать! Забыл? Я давно совершеннолетняя. Никакого криминала.

— Это ничего не меняет.

— Чего не меняет? Ты — старик, что ли?!

Поколебавшись, он все же присел на краешек:

— Нам может быть хорошо вместе только в постели.

— Почему это? — возмутилась Ангелина.

— Потому что мы из разных миров. Я родился почти сорок лет назад...

— Ну и что?

— Нам будет скучно вместе. Не можем же мы весь день проводить в кровати!

Она едва не спросила: «Почему не можем?» — но успела остановить себя. Еще не хватало, чтобы Лев принял ее за нимфоманку.

— Но главное — даже не это.

— А то, что ты любишь Симу...

— То, что я люблю Симу, — подтвердил он бесстрастно.

— Тогда иди и разыскивай ее, а не используй меня в качестве заместителя! — Ангелина столкнула его с кровати, и он от неожиданности не удержался, упал на пол.

Не дожидаясь, пока Лев поднимется, она спряталась под простыней и отвернулась к окну. Раздался короткий смешок, возня, несколько шагов до двери. Ангелина вскочила, бросилась за ним следом, чтобы на этот раз повернуть ключ в замке. Но Лев еще не успел выйти, и она налетела на него, ударила в спину:

— Уходи! Уходи отсюда!

Он ловко повернулся и ухватил ее, вырывающуюся, голую, дерущуюся коленками и локтями, стиснул так крепко, что ей нечем стало дышать. Потом подхватил на руки и понес к постели, чтобы повторить все, в чем только что каялся...

Утром Лев вышел из номера, когда она еще спала. Ушел, даже не заглянув в лицо, ведь ресницы у нее были такими длинными, что в них могли запутаться ночные тени. Ему не хотелось ни видеть их, ни вспоминать. И каяться больше не хотелось: что сделано, то сделано.

Он старался отмечать взглядом все детали, любые, лишь бы они поскорее вытеснили то нежеланное, чем Лев еще был полон. Рассветный город показался ему похожим на умытого ребенка: свежий, еще тихий, но глаза уже светятся. И хочется улыбнуться ему, подержать за руку, поцеловать упругую щеку.

Лев вздрогнул: «А она не забеременела? С чего бы ей предохраняться? Любовника у нее давно не было. Насколько я знаю...»

Не от Ангелины ему хотелось иметь ребенка, и он надеялся, что она понимает это. По крайней мере, ночью она рассуждала убедительно... И почему-то действи-

тельно верилось в то, что она не скажет Симе ни слова. Если ту еще волнует хоть что-то связанное с ним...

До ее дома Лев добрался пешком, не позволяя себе замедлить шаг, чтобы как следует прочувствовать это утро, которое казалось особенно трепетным. Зачем он так торопился сейчас, если не был здесь полтора года и Сима не знала о его приезде? «А может, слышала, что умерла эта грозная старуха, и предположила, что я могу приехать с Анжелиной на похороны. Еще напридумывает о нас с ней невесть что... Хотя теперь больше того, что есть, трудно насочинять».

Ему было тошно даже думать об этом, и он упорно гнал мысли об Анжелине, которая норовила на расстоянии обвиться вокруг него своим ловким телом, опутать по рукам и ногам, заставить вернуться. Лев только ускорил шаг: «Ни за что! Никогда больше... Черт, как же хорошо было!»

Запнувшись на ровном месте, он заставил себя изгнать обрывки воспоминаний, с которыми пытался разделаться уже битый час. Неужели она засела в нем так глубоко? Быть не может! Посредственная, ни к чему не обязывающая связь. Мало ли таких было? Анжелина и сама выразилась бы примерно так: «Ну, трахнулись пару раз, с кем не бывает?»

«Не пару, — вспомнил он. — Еще перед рассветом проснулся, и ее, полусонную, взял сзади, пока спала, повернувшись ко мне спиной. Она хоть почувствовала или нет? Стонала, выгибалась, наверное, проснулась. А потом сразу унырнула в сон, будто и не выплывала... Сколько я смог бы провести с ней в постели? В тот момент казалось — вечность. Сойти от непрерывного наслаждения с ума, отупеть, как та крыса, которой показали нужный рычаг... С ней это возможно. Но то, что я

сказал ей о будущем, — правда. Кроме койки, ничего у нас быть не может. Ну, водил я ее по городу, рассказывал что-то, но она ведь все время молчала. Ей просто нечем меня удивить. И это не ее вина... Она не жила еще».

Остановившись перед Симиным домом, Лев нашел глазами ее окна, такие же безлико-серые, как и остальные, но у него тоскливо заныло сердце при взгляде на те стеклянные прямоугольники, за каждым из которых в любой момент могло возникнуть лицо Симы.

«Я должен подняться, — приказал он себе. — Сейчас не так уж и рано, наверное, она встала. Глупо побывать в Березниках и не увидеть ее. Потом это будет мучить меня больше, чем если она опять скажет мне: уезжай».

Он попытался вспомнить, а произносила ли она эти слова? И выудил из памяти — она сказала: «Беги от меня». Такими словами не прогоняют, а пытаются спасти. Получается, он и решил спастись, задетый ее признанием, что она влюбилась в его красоту и молодость, а не будь их...

Но они же и настораживали ее, заставляли искусственно вызывать в себе отчуждение человека, отказывающегося поверить другому безоговорочно. Сима отказывалась принять то, что он — навсегда в ее жизни. Ей необходима была некая постоянная, и она решила, будто это Лиза... Не пожалела ли она об этом?

«Я надеюсь на то, что она несчастна? Благородный рыцарь, вернувшийся из дальних странствий... Очень благородный!»

Не позволив себе окончательно расшевелить шипящий клубок обид, Лев быстро вошел в единственный подъезд в этом городе, который знал, и взбежал по лестнице. На площадке пришлось отдышаться: «Постарел? Она не ужаснется, увидев меня?» И почему-то не

позвонил, а постучал в дверь. Сделал это машинально, только после сообразив почему: чтобы не разбудить Лизу, если та спит. Видеть ее не хотелось. Не сразу.

Когда замок негромко щелкнул, Льву показалось, что у него надорвалось сердце.

* * *

Ей опять не на кого было надеяться. Последние два года отучили Ангелину заботиться о себе, ведь рядом всегда был человек, готовый все решить и сделать за нее, потому что ее жаль, она и так настрадалась.

«Он вдруг перестал меня жалеть? — пыталась понять Ангелина, все еще лежа в постели, пропитанной его запахом. — То, что случилось, откликнулось в нем не нежностью, а злостью? Почему? Разве он сам не хотел того же? Разве не сам пришел среди ночи? Что с того, что я не закрыла дверь?»

Но она понимала: это безмолвное приглашение и стало всему виной. И Львом теперь воспринимается как ловушка, хитроумный капкан, который Ангелина сооружала все то время, пока он полагал, будто они — друзья.

Это не было правдой, ничего она не продумывала заранее. Буквально накануне вдруг что-то тревожно зазвучало в душе, наверное, в тот момент, когда поняла, как Лев боится ехать в Березняки, боится соприкоснуться с реальностью, в которой жила Сима — настоящая, а не та, которая пряталась ото всех в его мыслях.

Укол ревности заставил Ангелину остро прочувствовать все, чего она и сама-то не различала в себе. И вдруг стало страшно: вдруг Лев исчезнет из ее жизни, перестанет опекать с ненавязчивой заботливостью старше-

го брата, каким и чувствовал себя до этой ночи. Кем он кажется себе теперь? Куда ушел так рано?

Она догадывалась — куда. В общем-то, других вариантов и не было. Но решится ли он зайти к Симе или, как школьник, будет маячить под окнами? Что-то в нем до сих пор оставалось от мальчишки девяностых, взросление которого пришлось на глобальную ломку страны. Он так и остался растерянным ребенком, не понимающим, как найти свою дорогу под теми развалинами, которые и сейчас-то еще не разгребли...

Скорчившись, поджав коленки, она яростно нюхала подушку, на которой спал Лев: «Его же нельзя привязать этим! Какая я дура все-таки... Такой человек, как он, никогда не откажется от любви ради секса. Тем более что и с Симой они, помнится, не могли оторваться друг от друга, спать мне не давали. Может, еще в те дни мне захотелось влезть между ними? Змеища... Только тогда я решила, что Сима нужна мне больше, чем Лев. Или так и было?»

Нужно было вставать, приводить себя в порядок и отпрапляться на похороны, если она еще надеялась попасть на них. Ради чего приехала сюда? Ангелина оглянулась на вздыбленную постель: вот ради чего, оказывается... Чтобы впервые узнать, что любовь действительно способна доставить удовольствие.

У нее вдруг вырвался стон, переломивший пополам тело:

— Как я могу отдать его?!

Но ей некого было отдавать или удерживать, Лев не считал, что принадлежит ей. Иначе не ушел бы на расвете, как от шлюхи, даже не поцеловав напоследок. Ангелина десятки раз читала и слышала, как мало значит для мужчин проведенная с кем-то ночь и что они

способны забыть о ней уже за порогом... Но все равно оказалась не готова к тому, чтобы совершенно выпасть из его мыслей после того, как он хотел ее так неистово, причиняя то боль, то радость.

«Но он ничего не говорил, — внезапно вспомнилось. — Упрекнул только, что дверь не закрыла вовремя. Слов для меня у него не нашлось... А ведь они для него — главное, целыми днями их подбирает... Я была для него чем-то вроде резиновой куклы, с которой незачем разговаривать?»

Спрятавшись в ванной за шторкой, она включила душ, смывая и слезы, и то особенное, не ставшее для нее грязью, что бы ни думал по этому поводу Лев. Она уже знала, что не будет за него цепляться и распахивать настежь дверь, пытаясь заманить... Только не это. Прожито и забыто. Не такое переживали...

От мятной свежести зубной пасты ей неожиданно полегчало, и, выскочив из ванной, Ангелина уже чувствовала себя той, кем и была на самом деле: юной девушкой, полной желания жить дальше, даже если приходится пройти через нелюбовь и смерть. Чужую нелюбовь и чужую смерть. А сама она — живет и любит, вот так! Ангелина показала зеркалу язык, узенький, розовый. И подумала, если, следуя советам психологов, пытаться находить в любой ситуации что-то позитивное, то сегодняшняя ночь обогатила ее: она ведь могла вообще не узнать, что такое оргазм...

За чашкой кофе в гостиничном баре, куда Ангелина ворвалась стремительной молнией, не без удовольствия отметив, что хоть на секунду, но приковала все взгляды, ей вспомнилось, как Лев признался однажды: ему не составило бы труда соблазнить ее, если б он захотел этого.

«Только он никогда не хотел меня. — Она почувствовала, как в душе опять стало меркнуть, и попыталась сопротивляться этому. — Ну и что? Всем мил не будешь... Десятки других найдутся, подумаешь! Разве он — лучше всех?» Последние слова отозвались эхом: лучше всех...

Ангелина так дернулась, силясь увернуться от их — бу- мерангом — возвращений, что расплескала кофе, кото- рый едва пригубила. Выхватив из прозрачного коричне- вого стаканчика салфетку, она припечатала ее к столу, но та промокла мгновенно, и понадобилась вторая, тре- тья... Она выдергивала их одну за другой и покрывала столик, уже похожий на обледеневшее болотце.

— Позвольте мне?

Вскинув голову, она мельком осмотрела бармена: «Кого черт принес?!» и убрала руки:

— Да ради бога...

Большая ладонь сгребла раскисшие бумажки, желтая салфетка, по виду — только из упаковки, вобрала остат- ки бурой жидкости, уже мало напоминающей кофе.

— Спасибо, — буркнула Ангелина и заглянула в чашку.

— Я принесу вам другую порцию.

— Разве я просила?

— В подарок от заведения, — пояснил он.

Она язвительно хмыкнула:

— Да что вы? Вы одариваете всех, кто у вас насвинячит?

— Нет, только тех, с кем вместе учились в школе.

На этот раз Ангелина взглянула на него по-другому: лицо круглое, слегка прыщавое, черные глаза, широ- кий рот. Никогда его не видела.

— Серьезно?!

Слово отдалось толчком сердца: так обычно спра- шивал Лев. Неужели успела настолько пропитаться им, что начала повторять интонации?

— А ты меня не помнишь? — Бармен улыбнулся, будто этим пытался помочь ей. — Я закончил на три года раньше. Кеша Исмагилов. Не помнишь?

— Кеша. Точно. — Ангелина так и не вспомнила, но ей не хотелось обижать его. — Мы мало общались с вашим выпуском, вы же всегда учились в другой смене.

Он указал глазами на стул:

— Можно?

— Еще спрашиваешь! Садись, рассказывай. Значит, ты здесь работаешь?

— И учусь в пищевом на заочном.

— Собираешься стать директором ресторана?

— Хочу когда-нибудь открыть свой ночной клуб.

— Зачем? — вырвалось у нее.

Низко нависшие брови еще опустились, ей показалось — ресницами касается.

— То есть как это — зачем?

«Сейчас обидится», — поняла она, но уже не смогла остановиться. Нужно же было отыграться на ком-то за свое пробуждение в одиночестве...

— Ну, я понимаю, зачем люди пишут пьесы, ставят спектакли. Лечат, учат. А зачем открывают ночные клубы?

— Надо же где-то развлекаться...

Исмагилов произнес это так неуверенно, что Ангелина злорадно отметила: «Ага! Засомневался. Так ему! Достали они уже со своими гламурными клубами».

— Сходи в театр! — отрезала она, понимая, что не совсем справедлива.

В конце концов, ни один человек не способен ходить в театр каждый вечер. Затошнить может от перекармливания искусством. Особенно современным. Не такими вещами, как у Льва Потапова, но сколько этого самого на поверхности плавает! Так в глаза и лезет.

— В какой? Не в Москве живем...

— Но и не в тайге! Кстати, что стало с театром «Версия»? Хотя ты такой и не знаешь, наверное...

У него вдруг обиженно заслезились глаза:

— Почему это не знаю? Закрылись они. В газете писали, что временно. Режиссерша их в декрет ушла. А нового режиссера не нашли, что ли... Кто в нашу глушь поедет?

До сих пор Ангелина и не подозревала, что в мгновение может омертветь все тело. Она не чувствовала вообще ничего, губ не было, чтобы спросить, боли не было, мыслей не было. Ее взгляд был по-прежнему устремлен на Кешу, но она его больше не видела, потому что реальность раскололась надвое. И в этой у Ангелины не осталось ничего.

— Эй, ты что? — Кеша помахал пятерней перед ее лицом.

И этот хамский жест, как ни странно, привел ее в чувство. В груди натянулась холодная струна: один неверный жест — и порвется, вопьется острием в сердце. «И получится шашлык!» — Она рассмеялась так отрывисто, что Кеша насторожился.

— Ты в порядке?

— В полном, — отрезала Ангелина. — Так, говоришь, у нее ребенок родился? Давно?

— А я-то откуда знаю?!

— Ну да. Откуда тебе знать? Не твой же ребенок, правда? А чей, не знаешь?

— Откуда?

«Откуда-откуда... Вот раскудахтался, придурок!» — Она чуть не задохнулась от злости, шею вытянула, чтобы вобрать побольше воздуха.

— В газетах про такое не пишут.

— Еще как пишут! Просто Сима — звезда не того масштаба.

— Так ты ее знаешь?

— Я играла в «Версии». Немного. И уже давно.

Он почему-то обрадовался:

— Ты теперь — артистка?

— Только учусь... Вернее, только поступила в театральное.

— Супер!

Ангелину передернуло от этого словечка, которое она и сама частенько произносила, но сейчас — обожгло слух. Ей даже захотелось потрясти пальцем ухо.

«Я не хочу общаться с ровесниками, — вдруг поняла она. — Не хочу поддерживать разговоры ни о чем. Этот бессмысленный треп, который ничему не научит, ничего тебе не даст, — зачем он вообще? То, о чем говорит мне Лев, всегда остается. Кажется, я помню все его слова до единого! Даже то, как он благодарит за ужин. Или это вспомнилось только что?»

Кеша Исмагилов опять втиснулся между ней и Львом:

— Так ты в Москве живешь?

— В общем, да. — В эту минуту Ангелина уже не была так уверена в этом.

— С кем-то или одна?

— С кем-то.

Это было правдой, даже если иметь в виду только маму Льва, с которой они делили квартиру.

— В школе у тебя были длинные волосы, — неожиданно проговорил Кеша с каким-то глуповато-мечтательным выражением.

— Ты даже это помнишь?

— Тебя все помнят. Ты же была первой красавицей школы. Зачем подстриглась-то?

— Череп мне проломили, вот и побрили перед операцией. — Ангелина выпрямилась. — Еще вопросы есть?

Подскочив так, будто готов был немедленно вызвать ее обидчика на поединок, Кеша яростно выдохнул:

— Кто тебя?

— Бывший любовник, — пояснила она невозмутимо. — Он уже сидит, не беспокойся. Неужели эта история не потрясла тогда наш славный город?

— Может, я в армии был?

— Может быть. Плохо в армии?

Он помрачнел еще больше:

— Даже хуже, чем ты думаешь. Своего сына я ни за что туда не пущу.

— У тебя есть сын? — удивилась она.

Как-то не походил Кеша на женатого человека. Бесприютный какой-то, с голодным взглядом. С таким страшновато остаться в комнате наедине...

— Пока нет. Но будет же когда-нибудь.

— Может, родится дочь.

— Будем рожать, пока сын не получится.

— Жестоко!

— Почему? — не понял он. — Дети — это классно!

Ангелина поморщилась:

— Особенно когда их штук десять...

— У тебя будут красивые дети.

— Если будут. — Улыбку необходимо было выдавить, чтобы он опять не пристал с расспросами. — Извини, мне пора идти. Бабушку сегодня хоронят, а я еще до дома не дошла. Рада была повидать тебя, — добавила Ангелина торопливо, пока Кеша не успел спросить, что же она делает в гостинице.

Звук собственных шагов подгонял суетливой дробью. Куда бежать в первую очередь? Кого хоронить? Себя, если увидит своими глазами, что Лев уже обрел семью? Или оттянуть этот сладостно пахнущий ладаном момент и для начала проститься с бабушкой, которая не ждала ее при жизни, и уж тем более не ждет сейчас? Ангелина выскочила на улицу и в растерянности остановилась.

* * *

— Ну, знаешь, последние годы перед климаксом... Женщины начинают сходить с ума.

Он с трудом понимал, о чем с такой издевкой говорит Сима. Смотрел на ребенка, лежавшего поперек дивана и энергично колотившего ногами по мягкой спинке, и думал: «Это даже не мой сын. Она не захотела родить от меня, так сопротивлялась! А от какого-то случайно подвернувшегося щенка... Зачем? Почему? Абсурд какой-то!»

Случайно взглянул на солнце, подглядывающее через окно, и перед глазами возникли лиловые пятна. Лев отвел взгляд, чтобы не смотреть на малыша. Не дай бог что-нибудь... В нем теперь счастье этой женщины. Его женщины... Оказывается, нужно быть ее ребенком, чтобы любовь была безоговорочной, очищенной от мрачных сомнений и неизбежных разочарований.

— И где он теперь? Его отец...

— Какая разница? Мы вообще не живем вместе.

— И все-таки?

— Сейчас в стройотряде. Он — студент.

— Студент? У тебя дочь — студентка.

— Скажи мне то, чего я не знаю!

— Ты знаешь так много, что это, похоже, стало мешать мыслительному процессу. Как его зовут?

Она откровенно расхохоталась:

— Ты собираешься найти его и кастрировать?

— Вообще-то я спрашивал о ребенке...

Мгновенно успокоившись, Сима поймала пухлую голенькую ножку, прижалась губами к ровненьким пальчикам, лизнула с откровенным удовольствием. Потом проговорила нараспев:

— Его зовут Илюшкой.

И продемонстрировала татуировку на левой руке, где к первым буквам имен ее дочерей уже была добавлена большая «и», которая оплела их будто вытянутыми руками. Кожа у нее никогда не была такой загорелой («Гуляют много», — догадался Лев), а волосы отрасли и больше не торчали перьями. Только глаза светились, как раньше, особенно когда Сима смотрела на своего сына. Любой студент мог потонуть в этом сиянии...

— А отчество? — спросил Лев.

— Юрьевич, — ответила она нехотя. — По моему отцу.

Льву захотелось взяться за вторую мельтешащую ножку, погладить ее — так стало жаль этого ребенка, не заслужившего признания родного отца.

— Твоему студенту слабо было дать ему свое имя?

— Знаешь, Илюшке без разницы, какое у него отчество!

То, что Сима усмехалась, рассказывая об этом, и то, как она смотрела на него, опять видя в нем только чувжеродную силу, пытавшуюся вклиниться между ней и ее ребенком, заставляло Льва чувствовать себя одеревеневшим и произносить совсем не те слова, какие ему хотелось сказать Симе еще утром. Особенно утром, когда он убедился, что она по-прежнему остается единствен-

ной, с кем ему хотелось бы просыпаться. И завтракать вместе, и ждать звонка, и смотреть телевизор, и вспоминать, и смеяться, и умереть...

— Почему ты родила именно от него? — все же заставил он себя спросить о том, что не давало ему покоя, но никак не выговаривалось.

— Он молодой и здоровый. Спортсмен. Не дурак и не урод. Что еще нужно?

— Вот уж действительно! Я был староват и глуповат для этой роли?

Ее взгляд устремился в пол, несколько мгновений Сима, сжав губы, напряженно высматривала там что-то, потом отрывисто произнесла:

— Ладно. Скажу. Я хотела родить от тебя. Даже молилась об этом, если хочешь знать. Но тогда я не забеременела, а ты уехал. Лиза уехала. Пустота. Затягивающая воронка. Ужас. И когда возник этот мальчик, за которого я просто уцепилась со страха, а потом поняла, что с ним получилось то, чего хотела от тебя, то это было... Как знак Божий, как Его послание, понимаешь? Я просила, и Он дал мне ребенка. Какая разница, кто его биологический отец?

— Вот так, да?

Лев не мог понять, почему не уходит и продолжает выслушивать весь этот бред. И даже ложь: ему слишком хорошо помнилось, как Сима твердила, что у нее уже есть дети и других — от него — ей не надо. Словно угадав его мысль, она сказала, отведя глаза:

— Мне захотелось родить от тебя, когда ты уже ушел. Ну, скажи, что я поздно спохватилась!

— Тебе стоило только позвонить...

— Тебе тоже.

— И почему же мы этого не сделали?

— Гордыня, — произнесла она по слогам, словно только в эту секунду осознав это.

Лев предположил:

— Тебе уже простился этот смертный грех. Вот, пожалуйста...

Ему опять захотелось потрогать ее ребенка, пальцем отереть слюнку, сползшую по тугой щечке, но Лев не смел даже протянуть руку. Сима заметила ее сама и ласкающим движением подхватила на палец тягучую влагу. Вытерла руку о майку — от него все в радость. Наташа Ростова с испачканной пеленкой... Женщина.

— Сколько ему сейчас?

— Скоро полгода. Он уже пытается сесть, только я пока не даю.

— Почему?

Она пожала плечами:

— Позвоночник здоровее будет.

— Серьезно? Никогда не замечал, чтобы ты столько думала о здоровье... Со своего студента ты потребовала справку?

Сима сердито оскалилась:

— Нет, я на глаз оценила.

— Месяца два прошло после того, как я уехал? Или меньше?

— Какая разница? Ты же уехал!

— Вообще-то я собирался вернуться...

— Почему же не вернулся?

— А Лиза? — увернулся он от ответа. — Я не понял, куда она ушла? Она где сейчас?

И понял, что коснулся больного нерва — так откровенно Сима передернулась. Подхватив малыша, она прижала его к себе, защищаясь. Но голос прозвучал ровно, Льву подумалось: «Даже чересчур».

— Там же, где и была. В Америке.

«Ладно, — сжалился он. — Не будем об этом».

Но Сима продолжила сама, хотя он даже головой мотнул, пытаясь остановить ее:

— Как выяснилась, она вернулась лишь для того, чтобы отомстить мне. Раздразнить возможностью счастья, а потом заявить, что ненавидит меня и никогда не простит. И она права. Абсолютно. Я первой предала своих дочерей. Мой театр оказался мне дороже, чем мои девочки...

Лев вспомнил:

— «Версия» закрылась?

Слегка раскачиваясь вместе с Ильей, она улыбнулась:

— Для нас готовят новое здание, в нашем штукатурка сыплется прямо на головы. Пока я всех отправила в творческий отпуск, а сама ушла в декретный.

— На этот раз дороже оказался ребенок?

— Ну, нельзя же совершать одни и те же ошибки! Человек важнее любой глобальной идеи, ведь это он — подбие Божье.

— И почему меня не оказалось рядом в тот момент, когда до тебя дошло это? — пробормотал Лев.

Ему никак не удавалось избавиться от ощущения полной нереальности происходящего. Даже того, что наконец он видит Симу, которую столько ночей призывал хотя бы присниться ему. Почему он просто не сел в электричку и не приехал в Березняки, чтобы вот так протянуть руку и погладить ее по щеке, как делал когда-то?

— Не трогай меня! — Она отшатнулась.

Потом с усилием поднялась, продолжая прижимать своего сына, с удовольствием посасывающего большой палец.

— Извини, — сказал Лев. — Я немного забылся.

— Если ты думал, что можно явиться через полтора года, протянуть руку и взять все, что тебе захочется, то ты сильно ошибся!

— Я уже понял. Сейчас я уйду.

Но что-то держало его, даже встать не позволяло. Не Сима, это он чувствовал. Ей действительно хотелось, чтобы он ушел, не нарушал сложившейся гармонии ее жизни. Это он сам был не в состоянии даже подняться, не говоря уже о нескольких шагах до двери... Потому что именно здесь было все, чего Лев хотел от жизни.

— Я могу зайти еще? — спросил он через силу, хотя не мог поверить, что способен уйти сейчас.

— Зачем?

— Нам не о чем даже поговорить?

— А о чем? Обсудить твою бурную личную жизнь? Думаешь, мне это интересно? Как старому другу?

Жар прошлой ночи дохнул в лицо, и Лев сам почувствовал, что покраснел. И Сима тоже увидела это, усмехнулась, не щадя его, не любя больше.

Он заставил себя встать. Перестав улыбаться, она следила за ним, как волчица, защищающая детеныша. Вот только Лев и не собирался его обижать.

— Я чувствовал себя лишним, потому и уехал, — скованно проговорил он, не чувствуя уверенности в том, что должен оправдываться. — Почему ты не дала мне знать, когда ушла Лиза? Я тут же вернулся бы.

— По-настоящему возвращаются только по собственному желанию, а не потому, что кто-то позвал.

— Не кто-то! А тот человек, от которого этого ждешь.

Мальчик вдруг рассмеялся чему-то увиденному за окном, и лицо Симы тотчас размякло, просветлело.

— Что, мой хороший? Что там? Птички? Сейчас мы с тобой пойдем кормить птичек.

— Давай я помогу вынести коляску, — предложил Лев.

— Вот от этого не откажись!

Ему подумалось: наверное, это единственное, что она когда-либо согласится принять от него.

* * *

Она так надеялась, что Лев ответит: «Нет у меня никакой личной жизни. Без тебя — нет».

Но его лицо, на которое Сима, как прежде, не могла смотреть, не замирая от нежности и восторга, залилось краской. И стало очевидно, что это не от неловкости, а от удовольствия, которое доставляли даже воспоминания. Так он стал еще больше похож на мальчишку, с этим своим умоляющим взглядом исподлобья, с виновато поджатыми губами, линии которых были совершенны. У него заметнее стали виться волосы, и Симе внезапно пришла на ум старинная песенка: «С радости-веселья русы косы вьются...» Значит, полно было радости в его жизни. Ну и хорошо. Ну и дай бог.

Всхлип заглушила подушкой. Не в первый раз.

— Господи, зачем Ты снова послал мне это испытание?! За что?

Это можно было только прошептать: Ильяка спал с ней в одной постели, не могла оторваться от него даже на ночь. Симе ведь уже начало казаться, что сын — единственный, кто нужен ей в жизни. Да что там! Она твердо была уверена в этом. И тут опять это явление, от красоты которого у нее спутались мысли, и она зачем-то без подготовки наврала про студента, которого и не было в ее жизни.

А была родовая травма у ее мальчика, потому он и не научился сидеть до сих пор, хотя ему уже исполнилось десять месяцев — ходить начинают в таком возрасте. Скольких массажистов и травников они прошли, сколько ночей малыша на руках носила, моля Господа, чтобы позволил ей свою энергию, которой всегда было в избытке, перекачать в тельце сына... Сколько километров исходила, подставляя Илюшку солнечным лучам, потому что на месте он сидеть не любит, — об этом, что ли, рассказывать Льву, все это время развлекавшемуся в Москве?!

Он увидел своего сына крепеньким и веселым, месяца три назад взглянул бы... Сейчас уже можно сказать, что Сима вытянула свою дитятку, скоро и на ноги поставит. Сама. Как до сих пор все сама сделала. Хотя ребята из ее театра прибежали и помогали, даже Наташа Лукьянцева, которая уже ушла от них. И отец ее, Иван, по своим медицинским каналам нашел Симе лучших специалистов, сам договаривался о консультациях. Не только в Березняках, она и в Москву не раз сына возила. И каждый раз все ждала на улице оклика... Не дождалась.

Вся ее нелепая легенда о молодом и здоровом студенте рассыпалась бы в прах, стоило бы только Льву увидеть свидетельство о рождении, ведь в этом случае Сима не пошла против правды, записала отцом Потапова Льва Алексеевича. Только ему и в голову не пришлось проверять документы... Да она и не показала бы!

Зачем он возник теперь, когда все только-только стало налаживаться и Сима наконец перестала внутренне сжиматься от страха: «Что будет с моим мальчиком? Что будет с нами?» Только поверилось: все сложится просто прекрасно! И опять эти ненавистные слезы в

подушку, и протяжные спазмы сердца, и от желания боль в животе...

...Не сразу сообразив, как разобрать прогулочную коляску, Лев все же установил ее под насмешливым Симиным взглядом.

— Прошу!

— Вот спасибо! — отозвалась она. — А я уж решила, что мы сегодня не поедем гулять.

Он пристроился рядом:

— Куда вы обычно ходите?

— Спроси лучше, куда мы не ходим! Весь город оббежишь, пока положенные два часа пройдут.

Лев заглянул ей в лицо:

— Он не спит на прогулке?

Вопрос показался двусмысленным, но Сима не позволила себе обрадоваться прозвучавшему намеку. Отозвалась сухо, солгав в очередной раз:

— Нет. Никогда.

— Я думал, все дети спят на свежем воздухе...

— Что ты знаешь о детях?

— Ну, когда-то я ведь сам был ребенком.

«Ты им и остался», — хотелось сказать Симе, но в этих словах ей самой слышалась такая нежность, что невозможно было произнести их вслух, не выдав себя.

— Это другое. Ты помнишь собственные переживания детства, но со своим ребенком все равно ведешь себя как взрослый. И понимаешь это, и ничуть не радуешься, но ничего не можешь поделать. Комплекс родителя: ты должен воспитывать, и точка.

— И как ты воспитываешь его?

Она улыбнулась:

— Я люблю его. Это и есть мой метод воспитания.

— Серьезно?

— С Илюшкой я поняла, что в душе я — совершенно безумная мамаша. Трясусь над ним, как настоящая квочка. Вот увидишь, он еще сядет мне на шею! А я только радоваться буду.

— Может, в таком случае отец вам все же не помешал бы? Хотя бы, чтоб поберечь твою шею?

Ей вдруг захотелось обхватить *его* шею, сжать так, чтобы он слегка задохнулся и, потеряв силы, не смог уйти: «Да-да, оставайся! Ты нужен нам. Как же ты мне нужен...» Но уже прозвучавшая версия требовала развития, и Сима сказала:

— Какой там отец... Он сам еще не оперился.

— Что не помешало ему...

— Давай не будем развивать эту тему! — одернула она резко.

Лев поспешно согласился:

— Конечно. А кандидатуру другого отца ты не рассматриваешь?

У нее вырвался смешок:

— А ты собираешься баллотироваться?

— Почему бы и нет?

«Да! Да-да-да!» — Сима опустила взгляд, чтобы он — вспыхнувший — не выдал ее. Поправила сыну желтую кепочку, дала другую игрушку.

— Не сотрясай воздух понапрасну. — Она проговорила это, все еще не решаясь поднять глаза. — Лучше расскажи, что написал за это время? Почитать не привез?

— Да так, кое-что... Я хотел написать о тебе.

— Обо мне? — Сима вскинула голову, забыв о своих опасениях.

Но Лев сказал не то, что она ожидала услышать:

— Чтобы освободиться от тебя. Все передать бумаге. Это хороший способ.

— Вот как. Получилось?

— Нет. Я не стал даже начинать.

— Жаль. Было бы любопытно узнать, каким это все представлялось тебе...

— Но я понял, что не хочу освобождаться от тебя.

Последнее прозвучало после паузы долгой настолько, что Сима подумала: «Или он переигрывает, или эта фраза действительно далась ему с трудом». Вернее, ей пришлось в голову слово «реплика» — по привычке, и это насмешило ее.

— Это кажется тебе забавным?

— Ты освободился от меня полтора года назад. — Теперь она могла позволить себе смотреть на него. — Предлогом было, если помнишь, то, что необходимо увезти Ангелину в Москву. Как она там, кстати?

Он как-то нервно моргнул:

— Она не там. Она здесь.

— Так она... — Сима запнулась. — Вы все еще вместе?

— Нет! — Лев выкрикнул это так громко, что мальчик беспокойно завозился, озираясь. — Мы не вместе. Она снимает комнату у моей матери. Поступила в «Щепку».

Сима прижала руку к щеке сына, погладила его прозрачный висок большим пальцем:

— Да? Молодец. Просто здорово! Ты помог?

— Немного.

— Опекаешь ее, да? — Она выдавила улыбку. Шире! Еще шире!

— Ты сама ее опекала. Потом мне спихнула, потому что Лиза вернулась и Ангелина стала тебе не нужна. Забыла? Она приехала сюда на похороны бабушки.

— Да? А ты зачем приехал, если вы не вместе?

И замерла, надеясь услышать: «Чтобы просто увидеть тебя...» Но Лев вздохнул:

— Она попросила меня... поддержать ее.

— В чем? Она была не слишком привязана к бабушке, чтобы горевать.

— Я знаю. Но, понимаешь, вернуться туда, откуда тебя выгнали, — это всегда непросто.

— Я не выгоняла тебя.

— Серьезно? Ты просто выпихнула меня из гнезда, как подросшего кукушонка.

— Бедный птенчик!

Он вдруг встрепенулся:

— Помнишь жаворонка? Помнишь, как мы бродили по полю и всё пытались разглядеть жаворонка, который звенел над головой? Помнишь, какой там был воздух?

— Скажи, ты спал с ней? — вдруг вырвалось у Симы.

Нахлынувшее из прошлого тепло того безоблачного дня вынесло на поверхность главное, что не давало покоя. Она даже остановилась, и Илья снова завошкался, требуя движения. Сима легонько толкнула коляску, чтобы сын успокоился, позволил наконец выяснить мучившее слишком долго.

— Нет, — сразу же ответил Лев.

...Ворочаясь без сна, Сима возвращалась к этому разговору вновь и вновь: «Он даже не спросил: с кем? Значит, других вариантов и быть не могло. Только она и была в его мыслях. Юная, красивая, талантливая... Что еще нужно? К этому давно шло, еще когда они оба жили у меня. Или уже тогда все случилось? Прямо у меня под носом? Может, и нет. Но сейчас, без сомнения, они — любовники. Он опять покраснел, когда сказал: «Нет». Так и не научился врать».

Ей хотелось одного — немедленно отправиться в гостиницу, которую назвал Лев, ворваться к ним в номер

и посмотреть ему в глаза (Ангелина ее не интересовала). Спросить: «Зачем ты приходил, если у тебя все так замечательно? Только чтобы еще раз причинить мне боль? Тоже хотел отомстить мне? Но ведь ты никогда не был жестоким...» Что он ответил бы на это? Мыслим ли ответ?

Протянув руку, она ласкающим движением провела ладонью вдоль тельца сына, вытянувшегося на животе. Никуда она не пойдет. Не потревожит сон своего мальчика. Вот ее маленький львенок, унаследовавший в имени смягченную букву «л». С которой начинается и главное слово...

Все пройдет, напомнила она себе. Все пройдет. Сима всегда считала важным объяснить это тем ребятишкам, с которыми работала. Они еще не понимали этого, не успели узнать, как порой целительно бывает время, и каждую неприятность в своей жизни воспринимали как трагедию, конец света. Симе хотелось открыть им, что иногда бывает достаточно нескольких недель, и боль, которая казалась смертельной, утихнет. Совсем она не уйдет, ссадина останется навсегда, но с ней уже можно будет жить дальше. А пока придется просто стиснуть зубы. Терпеть. Как говаривали их бабушки: Бог терпел, и нам велел. Завет.

«Я перетерплю это, — пообещала она сыну. — На тебе это никак не отразится, кусочек мой. Ты не почувствуешь боли. Ты и без того уже намучился... Хватит».

* * *

Сцена, которую не выжечь из памяти каленым железом, образец семейной идиллии: Лев раскладывает детскую коляску, а Сима держит на руках ребенка.

Их ребенка. Ангелина поняла это, едва взглянув на карапуза — словно ожили младенческие фотографии Льва, которые его мать так любила ей показывать. Чуть ли не каждую неделю открывала пухлый кожаный фотоальбом, поглаживая картонные страницы ладонью, будто готовила Ангелину к этому вот моменту. Получилось.

Отступила за угол, прижалась к стене, чуть запрокинув голову, закрыв глаза, и вдруг словно увидела себя со стороны, опознала уже просмотренное раньше: «Играю?!» И то, как она проводит эту сцену, показалось ей до отвращения фальшивым, откровенно заимствованным. Крик едва не вырвался: «У тебя ни на что не хватает таланта! Ты всегда будешь второй — и на сцене, и в любви. Потому что ты — пустышка, дешевка, которую еще Вахтанг купил за копейку и пользовал как хотел. С Симой вздумала соперничать... Тебе ли не понимать, какая в ней сила? Сама столько лет на нее молилась! Ее не победить. Никогда».

Опустив голову — не потому, что было стыдно себя самой, а просто не хотелось видеть чужие глаза, в которых отражалась совсем другая Ангелина, — она побрела в сторону своего старого дома. В мыслях возникло, что со стороны, в своем траурном темном платье, которое привезла специально для похорон, она похожа на олицетворение скорби. Но Ангелина сразу же почувствовала, как надуманно это сравнение, и фальшивость всего, что составляло сейчас и ее мысли, и ее саму, какой она ощущала себя, заставила ее передернуться от неприязненного отвращения.

«Я и Льва заманила обманом. — Она накручивала уже то, чего не было на самом деле. — Привыкла с Вахтангом врать на каждом шагу...»

Этого сравнения она и сама уже не вынесла: со Львом изображать страсть не было нужды. И он был искренен каждым движением, не держал себя в узде, как обычно. Или никакого обуздания до сих пор и не было? И Лев действительно не хотел ее еще позавчера, когда Ангелина казалась только обузой, которую спихнула ему Сима, уставшая возиться с чужой девочкой?

Да и она сама — разве ей не терпелось увидеть его хотя бы на прошлой неделе? Когда Лев заходил, она радовалась, но скорее как родственнику — единственному не проклявшему ее, а не как мужчине, способному волновать. Что же случилось вдруг? В какой момент? Точно — в тот день, когда они решили вместе поехать в Березняки. Тень Симы смутила безмятежность ее неба? Пресловутое бабское соперничество дало о себе знать? И Ангелине тотчас приспичило захватить то, что могла вернуть себе другая... Все. Один человек — это много или мало?

Было противно думать о них с Симой — так. Они обе, вместе и по отдельности, всегда воспринимались Ангелиной как нечто особенное. И она не разочаровалась в этом тайном, даже когда Сима утратила способность воспринимать ее как родного человека — пусть не дочь, это уж слишком, куда ей сравниться с ненаглядными Лизой и Ритой, но ведь какая-то близость между ними несомненно существовала. Потому Ангелина и была отлучена от театра — за измену с Вахтангом. Не разочарование это было, а ревность, догадалась Ангелина не так давно. Тогда и был ее звездный час, а она не поняла этого...

А потом появился Лев, и мощный поток, исходящий из Симиной души, переметнулся на него, захлестнул с головой. Правда, он сам всегда утверждал, что влюбился

в нее первым, еще и уговаривать пришлось, и очаровывать. Сегодняшняя Ангелина с трудом могла понять, как можно было без сопротивления не отдаться малейшей его прихоти? Стоило ему только чуть дольше задержать взгляд... Эта прозрачная зелень его глаз... Этот сладкий омут... Лицо, которым невозможно налюбоваться...

Ангелина встряхнулась по-собачьи: не вспоминать! Часа не прошло, как, выходя из гостиницы, она чувствовала себя вполне способной к освобождению от этого листовного плена, опутавшего по рукам и ногам. К очередному перерождению. Не впервой... Но потрясение, которое она испытала, сначала узнав о ребенке Симы, а потом и увидев его — точную копию маленького Льва! — отбросило Ангелину к зависимости еще более тягостной, чем та, что ощущалась утром. Теперь ей казалось (или она все больше входила в роль?), что с каждым шагом прочь от него, внезапно обретшего счастье, из нее уходит жизнь. Невидимыми следами остается на асфальте... По ним ее сможет отыскать только тот, кто усвоил с детства, что самого главного глазами не увидишь. Лев любил эту сказку.

«Он приручил меня, пусть отвечает! — Ангелина и сама не могла распознать, что именно душит ее — отчаяние или ярость. Но воздуха не хватало, даже сердце останавливалось. — Он так жадно целовал меня, всю, даже ноги, каждый палец, и это — ничего не значит?! Так у него — с любой? Не поверю... Если он такой, когда не любит, каким же он бывал с Симой? Даже не представить...»

И не нужно представлять, пыталась убедить она себя. Не нужно думать о нем. О том ребенке, который возник так внезапно, будто Сима наколдовала его, пытаясь отомстить за ночь любви, которую Лев провел не

с ней. Почему никто не сообщил Ангелине, что родился этот малыш? Даже Наташка не позвонила, хотя уж она-то знала, если даже Кеша в курсе, хотя никаким боком к их театру не причастен. Как будто кому-то это могло показаться менее важным, чем похороны бабушки, с которой Ангелина не общалась несколько лет...

Она внезапно обнаружила, что стоит перед родительским домом — низеньким, угрюмо-зеленым (совсем другого оттенка зелень!). У двери стояла красная крышка гроба. Совсем простая, с черным крестом. Со страхом покосившись на нее, Ангелина юркнула в дом, на мгновенье забыв о том, что несчастна совсем по другому поводу.

От запаха, мгновенно узнанного, чуть затхлого и пряного, присущего только этому жилищу, и никакому другому, и наплывшего упругой волной, ее качнуло, временные пласты, тоненькие, как крылья стрекозы, сместились, и она увидела краешек детства — так юбочка выглядывает из-под плаща. Целиком не видна, но узнается, если виделась когда-то.

И Ангелина снова, как десять лет назад, почувствовала, до чего же не хочется заходить с улицы, перекатывающей свежий ветер с одного края к другому, всегда — в лицо, так что волосы развеваются пепельной дымкой. Там — дышится, в доме же требуется жить затаив дыхание, опустив глаза, потому что любой ее взгляд кажется бабушке бесовским.

«Она так старалась внушить мне это, что я и сама поверила, будто я — дьявольское отродье. И решила, что самое место мне рядом с Вахтангом. Лучшего-то не достойна... Копни поглубже — Лев тоже так считает. Переспал со мной и побежал к Симе, потому что она — дух, несмотря на то, что тоже сразу согласилась лечь с ним

в постель. Но с нее он любую шелуху счищает своим взглядом, ведь это взгляд — любящий. На меня он может смотреть только с вожделением...» Ангелина заставила себя сделать еще несколько шагов к своему прошлому, с которым нужно было разделаться раз и навсегда.

И уже в крошечном коридорчике, который их бабушка по старинке называла сенями, столкнулась с матерью, выскочившей с венками в руках.

— Мама, — сказала Ангелина, внезапно испугавшись того, что та не узнает ее, пробежит мимо.

Но мать в голос ахнула, венки подскочили у нее в руках, грозно взметнув траурные ленты.

— Доча моя! Приехала все-таки!

«Какая она маленькая». — Ангелина стиснула ее шею и вся сморщилась от желания зареветь в голос, как бывало в детстве, когда не считалось нужным скрывать свою боль.

— Я соскучилась, мам...

— Я уж думала, не увижу тебя. — Мать всхлипнула ей в плечо. — Вот и говорится: не было бы счастья, да несчастье помогло. Ты ведь просто так и не приехала бы?

— Не знаю. Может, когда-нибудь... Мам, я поступила в театральное. В знаменитое училище имени Щепкина. Ты даже не представляешь, какой был конкурс! Мам, почему ты ни разу не пришла ко мне в больницу?

Не время было выяснять это, но Ангелина больше не могла держать в себе то, отчего саднило в душе уже почти два года. Кто знает, сколько еще не увидятся...

Мать испуганно оглянулась:

— Так она ж не позволила...

— Как она могла тебе не позволить? Я — твоя дочь, а она — кто? Не мать тебе даже. Что она могла тебе сделать? Побить, что ли?

— Да она меня со свету сжила бы!

— Каким образом? Голодом заморила бы? Ты сама деньги зарабатываешь.

— Да кляла бы меня направо и налево! Какая, мол, я распутница, что зачала в Великий пост, и дочь у меня такой же выросла... — Она прикрыла рот ладонью. — Я-то так не считаю, доча. Каждый живет, как может... Но бабку эту разве удержать было?

Ангелина отступила на шаг, оглядела ее с насмешливым сочувствием:

— Значит, ты разговоров испугалась?

— Ну, а как же... Старших уважать надо, — растерянно пролепетала мать, и Ангелине подумалось: она сама давно не верит в то, что говорит, прикрывается банальностями, лишь бы оправдать свое глубинное, не поддающееся изменениям равнодушие ко всему на свете.

Взгляд дочери так и пробуравил ее:

— За что уважать?

— Как это?

— Ну, *за что?* Уважение вызывает какой-то поступок или стиль всей жизни. А нашу бабулю — за что было уважать? Людей она не любила, детей вообще терпеть не могла! Одни только бесконечные разговоры, какая она добрая и праведная, хотя каждому дураку понятно, что по-настоящему добрые и праведные никому этим в нос не тычут!

Мать боязливо оглянулась:

— Ты потише бы, доча. Похороны все-таки.

— А мне плевать! Я-то разговоров никогда не боялась. — Оттолкнув ее, Ангелина прошла в комнату, оглядела старушек, сидевших у гроба, который ее взгляд обошел. — Тоже праведницы? А в душе небось рады-радехоньки, что она раньше вас коньки отбросила.

— Верочка, кто это? — раздался чей-то голос — лицо ускользнуло.

Противная суета за спиной, заискивающий голос:

— Да это же Ангелиночка наша приехала! Студентка уже. Артистка будущая. Вон какая красавица.

— Угомонись, — процедила Ангелина, не обернувшись. «Как я могла тосковать по ней? Клуша...» И предупредила сразу всех: — В сериалах сниматься не буду, и не ждите.

Вздых узнала — только ее мать так плакала на вдохе:

— Время покажет.

«Время, время! — со злостью передразнила ее дочь про себя. — Вам ли рассуждать о времени? Для вас оно точно остановилось. Как в восьмидесятых жили, так и живете... Он только родился тогда... Да что ж это такое?! Он теперь постоянно будет торчать в моих мыслях?!»

Только что ей хотелось выкинуть нечто сумасшедшее, одним движением, одной репликой отхлестать этих призраков прошлого. Хотя они были повинны лишь в том, что явились проститься с той, которая лишила Ангелину детства... А вспомнился Лев — и словно солнечный зайчик, которого так не хватало тогда, скользнул по комнате и растаял. Пока он не появился, не ощущалось, как же его недостает. Но теперь уже не хотелось быть ни безумной, ни злой. Потянуло скрючиться в темном уголке и раствориться в тени своего тихого горя, которого никто не замечал. Даже тот, проскользнувший...

Отвернувшись ото всех, она добавила: «Мимо. Он всего лишь задел меня, а от этого уже бросило в жар... Что было бы, если б он остался со мной, поселился во мне? Выдержала бы я это пекло? Может, так и лучше, что — мимо? Печально. Печально, что я так думаю».

Распахнутая дверь в ту комнату, где когда-то они с бабушкой делили диван, поманила ее, и Ангелина шагнула в сырые сумерки. Но старого дивана уже не было, вместо него купили деревянную кровать, тоже, видно, не новую, с потрескавшейся полированной спинкой. Раскладное кресло брата оказалось на месте, только его самого нигде не было. Она перестала дышать: «Неужели в армию забрали? А я даже не знала... И об этом мне никто не сообщил... Что ж это за люди такие?!»

Хотелось обратить свою обиду на Лукьянцевых, посчитавших только смерть нелюбимой Ангелиной бабушки достойным поводом для того, чтобы ей можно было вернуться в свой город. Взяли на себя роли третейских судей, которые вправе решать, кто для Ангелины важнее. По какому праву?! Но в душе зудело: ты же сама ни разу не поинтересовалась никем из тех, кто остался в Березняках! Даже о Симе ничего не хотела знать. Вот и вся твоя хваленая любовь...

Она заплакала не от жалости к кому-либо и даже не к самой себе, а, напротив, оттого, что по большому счету было никого не жаль. Ни брата, на два года выпавшего из жизни, ни матери, прожившей сорок лет, вжав голову в плечи, ни Симы... Сима. Втянув влагу, Ангелина детским движением вытерла нос тыльной стороной ладони, хотя давно не позволяла себе таких жестов. Но родные стены сделали свое дело, сжали ее до детских размеров, и уже потолок казался выше, а ковер на стене ярче. Теперь никто не вешает ковры на стены, а здесь все как было тридцать лет назад...

Она поймала себя на том, что охотно позволяет дыханию своего дома размягчить мысли, увести их от Симы, которая здесь никогда не была. Ведь страшно было представить, даже без подробностей, как она

выдержала эти полтора года безо Льва, зная, что его ребенок уже набирается от нее жизни... Потом сама отправилась рожать, пресекла расспросы соседок по палате, которым, конечно же, хотелось узнать, почему не приходит папа... И оставила свой театр, ради которого когда-то отказалась от дочерей, не поехала с ними в Штаты, где мужу предложили работу. Не написала Льву, не позвонила. Гордость одержала верх над отчаянием или Симе и вправду никто не нужен, кроме ее детей, как все это время считал Лев? Теперь с ней, по крайней мере, двое...

До нее вдруг дошло, что сейчас Лев и Сима решают не только свою, но и ее судьбу. Как они надумают жить дальше, так будет и с ней. Останутся вместе, значит, Ангелине возвращаться в Москву одной, тянуться из последних сил на одну стипендию или подрабатывать где-нибудь официанткой, опять снося липкие взгляды...

«О чем я думаю?! — ужаснулась она. — При чем здесь деньги? Разве я на содержание к нему собралась? Вахтанга не хватило?»

Ее передернуло при воспоминании о «биатлоне» и дурно пахнущей тяжести, расплющивающей не только тело... Потянуло ладонями счистить ощущение его вечно потной кожи, но почему-то вспомнилось, что похоже «обирают» себя перед смертью. Это испугало и отрезвило ее. Ангелина быстро огляделась: «Что я тут сижу? Гавкнула на всех, а теперь собираюсь с ними за гробом идти? Сваливать надо, пока не поздно».

По старой памяти выпрыгнув через окно, она пробежала мимо картофельных грядок, занимавших почти весь огород. И только оказавшись за изгородью, заметно осевшей в землю, вспомнила, что так и не повидала отца...

* * *

— Я был на кладбище. Не объяснишь, почему я тебя не увидел там? Ты же собиралась проститься.

— Я и ходила проститься...

— Серьезно?

— Я заходила домой. На кладбище я не пошла.

Она не встала с постели, когда Лев вошел, продолжала играть с мобильником, наслаждаясь тем, что ее голые ноги, не прикрытые футболкой, дразнят его, выводят из себя. Ее воображение уже столько раз нарисовало, как он не выдерживает этого зрелища и с рыком набрасывается на нее, что к тому моменту, когда Лев на самом деле постучал в дверь номера, а у нее, по обыкновению, оказалось не заперто, в животе у Ангелины уже протяжно зудело. Он должен был с порога различить этот зов.

«Они слишком быстро вышли на прогулку, — восстанавливая очередность случившихся за день событий, рассуждала Ангелина. — Не мог он уговорить ее за это время... Все равно ведь Сима зла на него. Мгновенно не оттаяла бы. Хотя, с другой стороны, столько месяцев воздержания...»

Но где-то в ее расчетах оказалась ошибка. И Лев стоял над ней, не рыча и не задыхаясь от возбуждения. Смотрел настороженно, будто ожидал подвоха, и ей вдруг открылось, точно его глазами увидела, как вульгарно все это выглядит: и выбранная ею поза — ноги на показ, стринги призывно выглядывают из-под майки... И ее рассуждения о Симиной готовности или неготовности принять Льва, которые, наверное, легко прочитывались таким психологом, как Потапов. Олицетворенная пошлость.

Она быстро села, натянула подол, едва не порвала.

— Там было столько старух, которые меня сожрать были готовы...

— Я говорил, что вообще не стоит ездить.

— Ну, ты прав, как всегда! — отозвалась она раздраженно. — Радуйся, что я опять облажалась.

Но радость, похоже, в этот день не касалась его даже кончиком крыла. Еще раз быстро глянув снизу в осунувшееся за несколько часов лицо, Ангелина опустила голову, чтобы ее ликование не бросилось ему в глаза. Значит, появление в его жизни незапланированного ребенка не привело Льва в восторг... Уже хорошо. Сима решила родить, значит, и предполагала, что воспитывать придется одной. Вот и пусть... Вполне возможно, она сама этого хочет. Это его так опечалило?

— Ты был у Симы? — спросила она осторожно, боясь выдать то, что следила за ним.

Лев отошел к окну, поправил сцепившиеся полоски жалюзи. Потом впустил в комнату больше света — она-то, наоборот, пыталась создать интим. «Зря старалась!» — подумала Ангелина с непонятным себе самой злорадством.

— Был.

— Спасибо за подробный рассказ!

— А каких подробностей тебе хочется? — отозвался он со злостью, которую даже не думал скрывать. — Она прекрасно выглядит. Светится вся. У нее ведь ребенок родился. Ты знала?

— Ребенок?! — Ангелина вложила в этот возглас изумления весь свой талант, даже снова на кровать плюхнулась, изобразив, что сражена этой новостью. — Да ты что? Обалдеть! Еще одна девочка?

— Мальчик.

Она не выдержала:

— Тебя это не радует?

У него дрогнули плечи — усмехнулся:

— А это может радовать? Нет, я, конечно, рад за нее.

Она кажется очень счастливой.

Сев по-турецки, Ангелина взялась за свои ступни. Они были мягкими и теплыми. Ночью Лев целовал их, и Ангелина не смущалась — стесняться было нечего, педикюр и массаж ей делали каждую неделю. Сима как-то обронила со смехом, что так и прожила жизнь, не узнав, как вести себя у педикюрши.

«Ну, обернись же! Посмотри на меня! — Ангелина пыталась достучаться до него взглядом. — Тебе понравится то, что ты видишь».

Но Лев упорно разглядывал что-то за окном, и ей пришлось снова вернуться к Симе:

— И театр побоку! Похоже, она совсем помешалась на своих детях.

Он обернулся, но это уже было не ее победой:

— Лиза уехала.

— Да ну? — Это и в самом деле удивило Ангелину. — А что так? Не прижилась на родине?

— Оказывается, она и не собиралась здесь прижиться. Явилась только раздражить мать и бросить. Таков был план мести. Этот ребенок стал для Симы спасением, без него из депрессии не выбралась бы...

— Сима-то? Выбралась бы, как миленькая! Она самая сильная из всех, кого я знаю.

— Не такая уж и сильная. Это больше показное, чтобы других заражать уверенностью. Актеров своих рефлексизирующих.

Ангелина пробормотала, снова подумав о том, что волновало ее больше, чем ребенок, даже имени которого она не знала:

— Не думала я, что она бросит театр...

— Не бросила. Я так понял, для них сейчас строят новое здание, это закрыли из-за аварийного состояния. У них вынужденный отпуск.

— Как это она подгадала так вовремя родить? — удивилась Ангелина.

Ее всегда поражала Симиная способность любые неприятности оборачивать на пользу себе и делу. Иногда этот неистощимый оптимизм, с которым та воспринимала все, что происходило вокруг, начинал выводить Ангелину из себя. Ей хотелось бы, чтобы Сима изредка утыкалась ей в плечо мокрым от слез лицом. Но этого не было. Ни разу.

— Так счастливо совпало, — пояснил Лев. — Илюшка уже подрастет к тому моменту, когда запустят новый театр.

— Значит, она назвала его Ильей? — Ангелина примерила с отчеством. — Звучит как-то по-еврейски...

— Серьезно? Илья? Сейчас сплошь да рядом так называют.

— Я думала, Сима придумает что-нибудь пооригинальнее...

— Ее родители соригинальничали в свое время. Она терпеть не может свое имя!

Ангелина огрызнулась:

— Уж это я и сама знаю! А мне мое нравится.

— Тебе все в себе нравится.

Он произнес это с таким отвращением, что она растерялась. И опять почувствовала свои ноги даже более голыми, чем они были, будто Лев с нее кожу содрал этим взглядом. В нем не было не то что восхищения, обычной человеческой доброжелательности не чувствовалось.

Из последних сил стараясь не потерять лицо, Ангелина небрежным жестом набросила на колени простыню, пробежалась быстрыми пальцами по складкам, расправляя.

— А что во мне не так?

Она спросила об этом с вызовом, чтобы скрыть то отчаяние, в котором таилось все, о чем Льву знать не полагалось: разочарование в себе, не сумевшей защититься ни от любви Вахтанга, ни от его ненависти; опущение вьевшейся в тело грязи, сохранявшееся даже после ванны, после обязательного двухразового душа; неуверенность в уместности любого из слов, которые только предстояло произнести. Особенно в присутствии Льва Потапова. Или Симы. При них она все время помнила, что родилась на самой окраине провинциального городка в доме, где не было даже книжного шкафа. Ангелина брала книги в библиотеке и складывала их на подоконник. А бабушка все время ворчала, что они весь свет загораживают. И в прямом, и в переносном смысле: светская литература была для нее вне закона.

— Все так, — отозвался он равнодушно. — Даже более чем. Успокойся. Ты — красавица.

Она выкрикнула:

— Ты это говоришь таким тоном, будто я — умственно отсталая, а ты мне пытаешься внушить, что я ничуть не хуже других!

— Ты лучше, — заверил Лев, усмехнувшись.

— Я — идиотка! Поверила, что ты мог быть со мной всерьез!

— Нет! — поразился он. — Признайся, ты так не думала! Ты же знала...

— Что я знала? Что у тебя миллион баб до меня был? Знала!

— Я не об этом. Не в миллионе дело, а в одной.

— И это, конечно, Сима! Почему — она, а?

У нее сорвался голос, и Ангелина рыкнула со злости: не до такой же степени раскисать при нем! Лев смотрел на нее так внимательно, будто увидел нечто неожиданное, не совсем ему понятное, в чем необходимо было разобраться, чтобы решить — принять это или отвергнуть. Она затихла, ожидая приговора.

— Иди сюда, — позвал он.

Выбравшись из-под простыни, Ангелина послушно подошла к нему и боязливо взглянула в лицо.

«Черт возьми, какой он красивый!» — Ей захотелось опуститься на колени и обнять его ноги, потому что на такое лицо можно было только молиться. Как она смеет желать дотронуться до него?!

Он погладил ее по щеке:

— Только не говори, что ты любишь меня. И себе не внушай глупостей...

— Почему все, что меня касается, — это глупости?

Лев упрямо качнул головой:

— То, что было сегодня ночью, надо выбросить из памяти. А если не получится, забить ход в это прошлое дубовыми досками и никогда туда даже не смотреть.

Она попыталась противиться:

— А что в этом такого уж стыдного?

— Человеку должно быть стыдно, когда зверь, живущий в нем, одерживает верх.

— Ты ничуть не походил ночью на зверя...

— Серьезно? Уже хорошо. Но я им был.

— Нет! Ты был таким...

— Стоп! — Лев прижал палец к ее губам. И тотчас убрал, потому что Ангелина попыталась поцеловать

его. — Перестань. И незачем нам говорить об этом. Я же сказал: надо выбросить из памяти.

— Я не смогу.

— А ты постарайся...

Ангелина отступила, кусая отвергнутые губы:

— Зачем? Чтобы у меня вообще ничего хорошего не осталось?! О чем мне еще вспомнить? Я ни за что не забуду эту ночь, понял? И ты не можешь меня заставить!

Он пожал плечами:

— Я и не собирался. Как я могу заставить тебя? Мне просто хотелось, чтобы мы оба поскорее освободились от этой неловкости и снова стали друзьями. Как раньше.

— А разве любовники не могут быть друзьями? — спросила она с вызовом.

— Могут, — согласился Лев. — Вот только мы с тобой не можем быть любовниками.

— Почему?

— Да все потому же!

Ангелина отметила: он слегка разозлился, и это уже лучше, чем то прозрачное безразличие, которым Лев был окутан только что. Ведь ночью его злость обернулась такой жадностью к ее телу, что в какой-то момент ей показалось: он ворвется в нее целиком. И Ангелина была готова принять его, вобрать эту красоту и страсть, как самка богомола поглощает своего возлюбленного. Это и было бы полным, глубже некуда, слиянием, к которому все и пытаются приблизиться.

— Как ты не понимаешь? Когда это происходит без любви — это всегда инцест! Преступление.

— В том смысле, что все люди — братья? — Ей стало смешно — такую чушь он нес!

Кажется, Лев и сам понял это, потому что пробормотал смущенно:

— Ну, вроде того...

— Что преступного в том, что мы подарили друг другу наслаждение?

Он вдруг с силой толкнул ее в грудь. Отлетев к кровати, Ангелина упала на ковер и ударилась головой и плечом о спинку. Она не вскрикнула, испугавшись больше, чем когда на нее напал Вахтанг. Быстро подойдя, Лев не подал ей руку, только рассматривал ее, шурясь, будто никак не мог разглядеть.

— Теперь я понимаю, почему он избил тебя! — Лицо у него покраснело, но не от стыда за себя, а от ярости. — Ты кого угодно из себя выведешь!

— Он избил меня из-за тебя! — попыталась напомнить она, только Лев не услышал.

— Тебе вообще неизвестно, что такое стыд! Для тебя существует только твое обожаемое тело и его прихоти.

— Неправда!

— Нет, правда.

— Да как ты можешь говорить о правде, если даже боишься сознаться себе в том, что хочешь меня до того, что на стенку лезть готов?! Потому и бесишься!

Она не собиралась говорить ему этого. Даже не думала так, это само как-то вскипело от обиды и вырвалось наружу. И обожгло Льва до того, что он отшатнулся, потом резко наклонился и с размаху ударил ее по щеке.

— Существуют женщины, которых всегда бьют, — сказал он, уже дойдя до двери. — А есть другие, на которых молятся. Жаль, что ты не хочешь стать другой.

Можно было снова и снова называть себя грязной скотиной — поднял руку на девочку! — только тяжесть не желала распадаться серыми хлопьями слов. Пропитавшись тем соком жизни, что мы называем слезами, не выплаканным за годы (в последний раз плакал навзрыд, когда умерла Геля), эта тяжесть осела в душе бесформенным комом. И было не разобрать, из каких несовершенных и осуществленных движений она состоит.

Лев ходил по улицам уже второй час. Просто ходил, не рассматривая домов, не касаясь листвы, чтобы потом втягивать оставшийся на пальцах трепетный аромат, не заглядывая в окна, что втайне так любил — хотя бы подоконник оглядеть, краешек чужой жизни. Но сейчас ему и свою-то было не вмоготу тащить, куда еще другие нагружать! И вместе с тем Лев понимал, что, против всех законов природы, его как раз и подавляет эта свобода ото всех, кроме себя самого, неперегруженность сердца. Оно не освободилось от Симы, но она сама не желала там оставаться, упорно выкарабкивалась наружу, цепляясь за каждого из своих детей, за этого мифического студента, походя подарившего ей больше, чем сумел Лев за месяцы жизни с ней.

Ангелину же он не пускал сам... Недостойной считал? Лев даже мотнул головой, не озаботившись, как выглядит со стороны. Как он мог назвать ее шлюхой? Впервые сказал такое женщине... От беспомощности выпалил, не представляя, какими еще словами объяснить этой уверенной во всемогуществе секса дурехе, что любовь — это прежде всего желание не взять, как брали и берут ее, Ангелинино, тело, а отдать — свое теп-

ло, время, слова, которые рождаются не для всех, а для одной. Потерял он эту одну.

Только сейчас Лев заметил: улица опустела, дети разбегаются, радостно повизгивая от предвкушения ужасного. Он огляделся, понял, что вокруг как-то странно потемнело, задрал голову и увидел в небе черные воронки. Еще не было ни дождя, ни молний, но тучи показались ему не просто грозowymi, они напоминали торнадо, закручивающиеся сразу с нескольких концов и в разные стороны. Оттенки серого — от прозрачного до свинцового — стремительно менялись местами, перетекая друг в друга. Зрелище было столь грозным и впечатляющим, что Лев замер от восторга.

Он стоял один посреди пустой улицы и чувствовал себя последним выжившим на этой земле. И неожиданно для него самого из этой тьмы — и над головой, и в душе — прорезалось слабым светом желание спасти от надвигающегося кошмара ту женщину, которой было сейчас страшнее всего...

На этот раз дверь в ее номер оказалась запертой. Он постучал громко, уверенный — она не спит. Разве можно уснуть после всего, что он ей наговорил? И вдруг — словно во временном пласте внезапно прорезалась щель — увидел, как Ангелина стоит в ванной с ножом в руке, надеясь одним ударом покончить с тем беспросветным одиночеством, в котором жила всегда, но так и не привыкла. Это Сима могла сжиться с ним, потому что ей было чем окружить себя, общаясь только с собственной душой. Ангелина же еще не накопила внутри ничего, что могло бы вытянуть ее, потому и бросалась от Вахтанга к Симе, от нее ко Льву... Необходим был

некий внешний тягач, чтобы она совсем не погрязла в своей тоске.

Стоя перед закрытой дверью, Лев почувствовал себя таким тягачом.

— Ангелина, открой! Это я, — произнес он требовательно, чтобы она не посмела ослушаться. — Открой, я же знаю, что ты не спишь.

Она не отзывалась, и тогда Лев пригрозил:

— Я сейчас дверь выбью!

Прислушался — ни шороха. Но если бы она и в самом деле спала, то уже пробудилась бы от его стука и крика. Льва начало подташнивать: неужели опять? Навязчивая идея суицида... Почему он был уверен, что она излечилась от этого? Чем?

«Где здесь горничные? — Он быстро огляделся. — У них всегда есть запасной ключ от номера. Если она...»

Наклонившись, Лев заглянул в замочную скважину — ключа не было. Так и оставшись на корточках, он попытался понять, могла ли Ангелина просто уйти куда-то после такого разговора. В такую погоду... И вспомнил, как она говорила, что любит дождь. Особенно грозу. Мол, в детстве всегда выбегала в огород, когда сверкали молнии, а ее бабка крестилась и ругалась одновременно: «Вот бесовское отродье! Ничто ее не берет!»

Достав телефон, Лев попытался дозвониться до нее, но оказалось, она выключила свой, не желая разговаривать ни с ним, ни с кем-либо другим. Ему вдруг явственно увиделось, как Ангелина быстро идет по мокрому улице навстречу струям косога ливня, платье облепило ее ноги, струйки суетливо забираются в вырез, оставляя ломаные следы на коже, а в глазах отражаются молнии... И так захотелось догнать ее, заглянуть в са-

мые зрачки, чтобы увидеть, как вспыхивают и гаснут разряды в самой их глубине.

Он спросил себя уже на бегу: «Зачем? Разве это о ней ты только что думал как о единственной?» И признал, что сам не уверен ни в одном из возможных ответов...

Поравнявшись с портье, вежливым и гладколицым, будто сошедшим с экрана, Лев на всякий случай спросил: уходила ли девушка из двести пятнадцатого?

— Ключ на месте. — Портье рукой продемонстрировал наличие ключа и резиновую улыбку.

Лев кивнул, не улыбнувшись в ответ, и протянул ему свой, хотя мог бы и проскочить мимо, не вспомнить о правилах. Это была своеобразная благодарность за то, что этот человек не вернул ему его страх. Ангелина просто ушла. Это лучше. Это значит, что ее легко будет найти. В таком-то маленьком городе...

«К родителям? К Симе? К Лукьянцевым?» — Он пытался угадать это на ходу, но дождь мешал ему, мысли смешивались, как струи. Майка намочла мгновенно, прилипла к спине, сковывая движения, а джинсы пропитывались постепенно, зато надолго. С Ангелиной произошло нечто похожее, в ней ведь искра не вспыхнула, когда она только увидела его. Потребовалось два года, чтобы ее насквозь пропитало чем-то, сейчас погнавшим под дождь, которому Лев не знал названия. Понимала ли она, что струи могли создать лишь видимость охлаждения?

Бесполезное действие, подумал Лев о своей попытке отереть лицо ладонью. Наступил на крупный пузырь, словно выдувшийся из-под земли, и сморщился от подступившего к горлу раскаяния: «Я виноват, незачем было приходить к ней ночью. Не было бы у нее повода насочинять то, что она придумала для себя. Ничего

ведь и нет по большому счету, но ни одна женщина не в состоянии не придать значения такой ночи... И я ведь знал это. Не мог душ холодный принять? Дрова порубить, как герой Челентано?»

Ему показалось, будто впереди из проулка показалась какая-то девушка, но, заметив его, нырнула обратно. Он не был уверен, что это Ангелина да и вообще кто-то во плоти был там, а не прозрачная иллюзия проглянула из водяного потока, но бросился за ней, борясь с бившим в лицо дождем. Добежав до того проулка, Лев схватился рукой за шершавый угол дома, машинально отряхнул руку, заглянул, но там никого не оказалось. Конечно же, сказал он себе, и быть не могло. Сумасшествие какое-то... Как все, что связано с этой девчонкой, которая гнала его, когда хотела, чтобы он остался, и убегала под дождь, пытаясь заглушить боль.

Вспомнив, как однажды во время такого же побега он нашел ее в пустом доме Вахтанга, Лев отправился туда. В сандалиях смачно почавкивало, и этот звук смешил его, хотя любое проявление веселья казалось неуместным, стыдным. Но Лев ничего не мог с собой поделать. В конце концов, решил он, никто ведь не видит, что я улыбаюсь. Бедная дурочка... Зачем бежать из вполне приличной гостиницы в заброшенный дом, где уйма жутких воспоминаний? Мазохизм какой-то... Она и есть мазохистка. Она ведь понимала, когда оставила дверь так призывно незапертой, что получит от меня только боль. Еще в Москве могло быть по-другому. Но этот город — Симин. Здесь все принадлежит ей.

Только вот сама Сима теперь не принадлежала ему, Лев чуть не забыл об этом. Он опять отер лицо ладонями и заметил, что ливень слегка поутих. Какой-то студент, буквально первый встречный... Рожать от прохо-

жего? Бред! Как ей пришло в голову? Точно племенного бычка ухватила — здоровый, крепкий, порода чувствует-ся. Увидеть бы его...

Лев сам удивился: это еще зачем? Тоже мазохизм какой-то... Теперь все осложнилось еще больше. Даже если они с Симой и сделают попытку снова слиться в одно, этот ее новый ребенок не позволит им. Он всегда будет втискиваться между, как раньше возникали ее старшие дочери. Куда ей столько детей?

«Чтобы спастись от меня», — внезапно открылось ему.

Лев не был уверен, что узрел истину, но какая-то доля правды в этой догадке была. Даже пока они были вместе, ему так и не удалось освободить Симу от сомнений в том, что это надолго, если не навсегда. Что ему по-настоящему хочется, чтобы в его жизни была только она — женщина, понявшая его главную боль, выплеснувшуюся в пьесе «Что такое палисадник?», без объяснений. Она и на репетициях не требовала комментариев, как играть ту или иную роль, хотя автор был под боком. Но Сима чувствовала его героев такими, какими Лев их и создал. Какими они были на самом деле...

Тот мальчик, брат главной героини, судорожно хватившийся за книжку, когда отец начинал требовать, чтобы Геля сходила с ним в гараж, разве можно было словами что-то добавить к тому, как он боится этого реального мира, как рвется сбежать в придуманную реальность? И это не прошло с годами, только прогрессировало, признал Лев. Этот ужас перед настоящей жизнью... Даже Симе не удалось справиться с ним. Напротив, когда они были вместе, он писал еще больше, потому что счастье пугало его своей непривычностью,

ожиданием крушения всего, с чем еще только предстояло сжиться.

Ангелина же не умела даже сочинять пьесы, ей некуда было деться от того липкого страха, который продолжал лапать ее душу даже после того, как Вахтанга посадили. «Вот его дом. Ничего ему не сделалось». Лев осмотрел с пригорка огромный коттедж, быстро сбегал вниз, подошел к задней двери, дернул за ледяную ручку, но войти не смог. Или Ангелина закрылась изнутри, или кто-то другой позаботился о том, чтобы в дом не врывались бродяги.

Не решившись кричать, Лев пошел к парадному входу. Дождь уже истощился, и только с ветвей вязов срывались отдельные капли, ударяли по голове, скользким холодком проходили по щеке, по шее. Достав платок, он наконец вытер лицо и руки и почувствовал себя увереннее, хотя понимал, что все равно выглядит как мокрая курица.

«Петух, — поправил он себя. — Распустил хвост, надумал осчастливить всех курочек разом, а они разбежались кто куда... Куд-куда!»

Он еще не успел дотянуться до звонка, как дверь распахнулась, будто только его и ждали. Лев отпрянул, но скрыться не успел. Вахтанг посмотрел на него, ухмыльнувшись, потом схватил за плечо и втянул в дом.

* * *

— Что? Не ожидала?

Намеренно спросила с вызовом, чтобы не выглядеть побитой собакой, вернувшейся к хозяйскому порогу. Но тут же подумала: «Какой детсад! Что я пытаюсь ей доказать? Да она плевать хотела, где я и чем живу!»

— Почему же? — Сима отступила, приглашая пройти. — Как раз наоборот: удивлялась, что не заходишь. Я знала, что ты приехала.

Момент первой неловкости заполнился расстегиванием мокрого ремешка сандалий, пристраиванием на крючке для одежды сумочки. Телефон Ангелина доставать не стала, все равно отключен.

— Догадываюсь, от кого ты узнала...

Дернула бровями, потеряла татуировку на руке, точно набиралась энергии, если не от самих детей, так от первых букв их имен, вживленных в кожу. Ангелина смотрела на нее и пыталась понять: что изменилось? Прежней Симу назвать было нельзя, но в чем она — новая, сразу распознать не удалось. А Лев ничего не говорил об этом... Нет, как же! Он сказал, что Сима вся светится, но Ангелине так не показалось. Пожалуй, успокоенность какая-то возникла в ней, нет тоски во взгляде.

«Она дочерей заменила этим мальчиком. Всех заменила им». Ангелина вскользь взглянула на малыша, сидевшего на диване. Со всех сторон он был обложен подушками, как маленький падишах. И взгляд у него уже был львиным...

— Привет, пацан! — бросила она.

Сюсюкать и тискать младенцев было не в ее характере. Его мать заподозрила бы неискренность, если б Ангелина полезла с нежностями к ее сыну. Сима уже протягивала ей халат и полотенце.

— Переоденься. С тебя так и течет. Помнишь, где ванная?

Ангелина кивнула молчком, спряталась за дверь. И сразу вспомнилось, как она стояла тут с ножом в руке, надеясь с его помощью избавиться от липкой паутины, опутавшей ее с головы до пят и не позволявшей сделать

ни шагу к счастью. К свободе от презрения к себе. Хоть к чьей-то любви... Которую она так и не нашла с тех пор.

Закутавшись в махровый халат, она втянула забытый запах, и сердце провалилось в пустоту: «Сима...» Потерлась щекой о пушистый ворот, замерла на миг, потом заставила себя вернуться. Просушила полотенцем волосы. Глянула в зеркало: хорошо, что без косметики, тушь не расплылась под дождем, не сделала ее смешной. И без того Сима, наверное, не может смотреть на нее без смеха... Стоит лишь вспомнить, как расставались.

Но ее встретил вовсе не насмешливый взгляд. Ангелина чуть не попятилась, натолкнувшись на луч инженера Гарина.

— Надеюсь, ты явилась не затем, чтобы устроить сцену ревности?

Ангелина переспросила с нажимом:

— Явилась?!

— Извини, я неточно выразилась. — Сима потеряла видок и улыбнулась. — Не выпалась сегодня, еле соображаю... Я хотела сказать: добро пожаловать. Я действительно рада тебя видеть. Ты уже была дома?

— Заходила. — Теперь Ангелина с настороженным любопытством осматривала стены, книжные полки, заставленные литературой о театре, пытаясь во всем найти отличия.

Не верилось, что когда-то она жила в этой комнате. Потом Лиза. Теперь Илья. Илья Львович. Запах глаженого хлопка, набивное солнышко на стене, напротив — рыжий месяц, с потолка свисают, покачиваясь, серебристые звездочки. Другая комната.

Скрип старой мебели. Ангелина определила на слух и убедилась, обернувшись: Сима присела на диван рядом с сыном, ей указала на стул.

— Как они тебя встретили? Я слышала, твоя бабушка...

— Только не соболезнуй! Ты же знаешь, что мы с ней друг друга на дух не выносили.

— Из-за театра. Я помню.

— Не только. Это еще раньше началось. С моего рождения. Вернее, даже зачатия.

— А! Великий пост. Великий грех. Как же, как же...

Уставившись на вытертый уголок ковра, Ангелина угрюмо призналась:

— Я даже не простилась с ней. Взяла и удрала через окно ото всех этих старух, которые меня сожрать были готовы!

Сима вскинула брови, рассмеялась:

— Узнаю тебя прежнюю. Довахтанговскую.

— Театрально звучит!

Ангелина чувствовала себя чем-то польщенной, хотя Сима не то чтобы похвалила ее. Точнее, не ее. Ту Ангелину Полтавцеву, которой давно не существовало на свете... Даже не ту, которая каждый вечер ждала, что Сима заглянет к ней в эту комнату перед сном, хотя бы просто посидит рядом, похлопает по одеялу, как маленькую. Но тогда у Симы был Лев, он тоже ждал. Сейчас его сын. На Ангелину у нее никогда не хватит любви...

— Никуда не денешься. У цирковых во всем цирк, у нас во всем театр...

— Писатели сочиняют все, даже реальность, в которой живут.

Во взгляде Симы — удивление, которое можно было бы счесть оскорбительным, если бы Ангелина не помнила, сколько раз режиссер их театра использовала для работы домашние споры с нею, и ее, Ангелинино, мнение иногда признавалось правильным. Правда, Сима не

говорила этого вслух, но в этом и не было необходимости. Когда-то не было...

— Есть мнение, будто они моделируют действительность, — заметила Сима. — Многое сбывается. Вспомни хотя бы Жюля Верна.

— Ты не поверишь, но я его не читала!

И внезапно стало так легко, будто она действительно перемахнула в «довахтанговскую» эпоху, где между ними не возникало неловкости ни из-за любви, ни из-за ревности. Словно это признание в собственной дремучести было вроде протянутой руки. И Сима не позволила этому жесту зависнуть.

— Но мы смотрели с тобой фильм о капитане Немо, — подхватила она. — Его Дворжецкий играл в нашем варианте. Помнишь, я тогда свалилась с гриппом, и только на телевизор меня и хватало? Тогда еще шли школьные каникулы...

— Новогодние.

— Ты притащила откуда-то елку. Она пахла, как целый лес.

— Я пыталась скормить тебе грейпфрут, а ты морщилась и бубнила, что это не фрукт, а сплошное извращение.

— Но ты все равно впихнула его в меня. И мне стало легче.

— Правда?

— С тех пор я первым делом съедаю грейпфрут, когда опасаюсь, что заболелаю.

Ангелине уже хотелось броситься к ней, встать на колени и прижаться лицом к груди, выглядевшей откровенно переполненной молоком. На майке — маленькое засохшее пятнышко там, где левый сосок. Этот маленький, замеченный Ангелиной штрих заполнил ее душу гордостью: «Она сама кормит его!»

— Чаю хочешь? Погреться. Кофе я теперь не пью. И не курю больше. Стала вся из себя положительная.

— Я не замерзла. Бежала всю дорогу, как сумасшедшая.

— Еще бы, такой ливень...

— Да не в ливне дело! Ты же понимаешь...

Голос угас до шепота, но у Симы был острый слух. Она разобрала все, чего Ангелина и не решилась бы сказать. Только ее интересовало не это:

— Ну, признавайся: ты давно соблазнила его? Меня это теперь не волнует, просто любопытно.

«Как просто навсегда оттолкнуть их друг от друга... Сделать это?» Ангелина смотрела на голую ножку ребенка, пальчики которой то расходились веером, то поджимались. Хотелось зажать их губами, попробовать на вкус, узнать запах младенческих ножек... Сима не позволит. И не простит ей правды. Никогда не простит, как бы ни уверяла ее в своем безразличии. Врет она все, решила Ангелина. Не может совсем не волновать то, что касается отца ее ребенка.

— Честно? Я пыталась. Но Лев не поддался.

— Что-то не верится...

— Как хочешь.

— Но ты пыталась. Значит, теперь он — твоя большая любовь?

— И ничего смешного!

— Разве я смеюсь?

Ангелина с трудом подняла глаза. Мягкий поясок халата обмотался вокруг запястья, сжал его до боли.

— Он остается с вами? Мне одной возвращаться в Москву?

— С какой стати Лев должен остаться с нами? — Сима умела напускать холодное безразличие.

В такие минуты казалось, что даже кожа на ее лице становится каменно-твердой — не пробьешь.

— Ну, ребенок... И все такое...

— При чем здесь ребенок? Не его ведь ребенок!

Это сбило Ангелину с толку. Зрение и слух вступили в конфликт и не желали примирения.

— Как это не его?! Он же вылитый Лев в детстве!

Сима пожала плечами:

— Ты ошибаешься.

— Что значит — ошибаюсь? Я кучу его фотографий пересмотрела! Вот точно так он и выглядел!

— Значит, в этом возрасте дети похожи друг на друга...

— Глулости! Мы даже с братом вообще не были похожи. Сима, ты что, собираешься скрыть от него правду? Зачем тебе это надо?

Не выпуская ребенка из рук, Сима встала и указала головой на дверь:

— Уходи. Ты не поймешь.

— У меня платье мокрое...

Это прозвучало так жалобно, что Ангелине и самой стало жаль себя до слез: сиротку, которую опять гнали под дождь, не позволив даже согреться, не напоив горячим чаем. Сима вдруг рассмеялась:

— Хорошо сыграла!

— Я не играю постоянно! Почему вы все подозреваете меня в этом?

— А, он тоже? Какую роль ты показала ему? Невинной влюбленной девочки, готовой пойти за ним на край света? Только Лев ведь слегка разбирается в людях. Он понимает, что ты — не Герда. Ты ни за кем не отправишься на край света. В высший свет — другое дело.

Пояс опять сдавил руку, Ангелина переждала боль.

— Ты считаешь меня продажной тварью? Все, как было при Вахтанге?

— Потому что ты ничуть не изменилась. Кстати, будь осторожна, кажется, Вахтанг вернулся. Еще ведь не отсидел полностью, а? Досрочно выпустили?

Ангелина сжалась:

— Вернулся? Ты сама его видела?

— Буквально утром. Может, мне померещилось, что это он? В любом случае поберегись. Лучше тебе с ним не встречаться. Ты ведь и Вахтанга использовала, чтобы выбраться к лучшей жизни, и Льва для того же. Добилась. В «Щепку» он тебя затолкал. Отцепись от него теперь. Не порти ему жизнь окончательно.

— Я сама поступила, — пробормотала Ангелина.

У нее и раньше из каких-то недомолвок, намеков его матери, оборванных телефонных разговоров возникали подозрения на этот счет, но услышать со стороны было оскорбительно.

— Ну, конечно! Теперь тебе пора перенаправить поток своего обаяния на кого-то из преподавателей, можно сразу на нескольких. Потом — режиссер на очереди. Продюсер. Ну, и так далее...

— Ты считаешь меня обычной шлюхой?

— Не обычной, — возразила Сима всерьез. — Талантливой. Что вовсе не редкость в артистической среде...

Ангелина буркнула, пытаясь задеть хоть чем-то:

— Тебе лучше знать!

Но Сима уже сменила тон:

— Ты можешь стать очень хорошей актрисой. При определенных условиях. И я уверена, что ты создашь себе эти условия. Меня ведь ты тоже использовала в свое время.

Поднявшись, Ангелина развязала поясок халата, сбросила его на диван и влезла в свое платье, ничуть не высохшее на спинке стула. Сима следила за ней, не проявляя ложной стыдливости, не отводя взгляда. Скорее наоборот — внимательно отмечала каждый ее жест. И Ангелине сделалось неловко от этого пристального разглядывания, и опять возникло это мерзкое ощущение собственной вульгарности, которое не оставляло ее, когда она была со Львом. Почему эти двое так действуют на нее? Что в них — другое?!

Руками вспушив короткие волосы, Ангелина сказала, следя за тем, чтобы голос не дрогнул:

— Если помнишь, я призналась тебе уже тогда, когда решила уехать. Что мне тогда могло быть нужно от тебя?

Сима качнула головой:

— Не в словах дело, не в признании. Оно вообще случилось на грани истерики, я это даже в расчет не беру.

— А что тогда?

— Ты влезла мне в душу гораздо раньше. И мне действительно казалось, что лучше тебя мне для «Версии» никого не найти.

— Теперь ты скажешь, что я вообще бездарность?!

— Нет. Бездарность я и на порог своего театра не пустила бы, как бы она ни изображала из себя несчастную девочку.

— Я не изображала! — закричала Ангелина, уязвленная этой несправедливостью. — Ты же все знаешь обо мне! Как ты можешь говорить, что я изображала? Я никогда тебе не врала!

Переждав, Сима спросила негромко:

— Никогда? Тогда зачем же ты врешь мне сейчас и пытаешься уверить, что Лев не спал с тобой? Я ведь *знаю* это.

— Откуда? — ужаснулась она. — Он сам признался тебе?

— Нет. — Сима заморгала так часто, будто ей внезапно запырило глаза. — Нет. Это ты мне призналась. Только что.

* * *

«Вот это приключение, черт возьми! Страдал, что тебе ярких впечатлений не хватает, ничего не происходит в жизни? Вот получай!»

Лев сидел привязанным к одной из тех колонн, которые тешили примитивное тщеславие Вахтанга своей фаллической мощью и вместе с тем делали из его дома посмешище. Только хозяин этого не понимал. Не смог бы понять, даже если б ему сказали прямым текстом. Что он возразил бы на это? «Эй, слушай, греки строили — красиво было, да?»

В голове перекатывался чугунный шар, давил мысли в зачатке. Чем Вахтанг ударил его, втащив в дом? Лев не успел даже заметить, все произошло так стремительно и неожиданно, что он только ахнул на пороге, а следом уже отключился, чтобы очнуться совершенно беспомощным.

— Ну, давай выкладывай, дорогой, где она?

Голос Вахтанга прозвучал так ласково, что стало ясно: все самое болезненное еще впереди. Хозяин дома задом наперед оседлал стул с высокой спинкой, сложил на нее тяжелые руки, уткнулся в них подбородком. В его взгляде из-под темных век угрозы не было, больше усталости.

— Я сам ищу ее. А зачем еще я пришел бы сюда? — ответил Лев, стараясь глядеть ему прямо в глаза.

И едва не расхохотался, усмотрев аналогию с одним из тех пионеров-героев, которыми восхищался в раннем детстве. Марат Казей. Витя Коробков. Валя Котик. А лучше бы — Павлик Морозов. Если бы для него было приемлемым заложить отца, Геля была бы жива. Ее убила протяженность истязаний, неверие в просвет впереди. Но Лёвушка Потапов не позволил себе стать предателем. В их мальчишеском мире за это били... Он мог позволить себе стать убийцей, но не стукачом. Представления о порядочности из мира кривых зеркал... Вахтанг рассчитывает сделать из него «крысу»?

— Так она и от тебя сбежала? Эта девочка всех кинула.

— Ты тоже сбежал? — не удержался Лев.

Ему нужно было понять: есть ли надежда дождаться полицию?

Вахтанг качнул большой бритой головой. Короткие волосы серебрились даже при электрическом свете.

«Тяжко ему пришлось там». — Лев подумал об этом чуть ли не с жалостью.

Тюрьма всегда ужасала его больше, чем сума. В легкости сумы даже чудилось нечто воодушевляющее: освобождение от бремени собственности, возможность познать мир своими ногами. Иногда Лев всерьез подумывал отправиться путешествовать автостопом, увидеть хотя бы Русь, если другие страны не дадутся. Но до этого пока не дошло — все время держала какая-нибудь начатая или незаконченная пьеса.

Вахтанг проговорил почти без акцента, который он, как подозревал Лев, усиливал сознательно, любуясь колоритом, рассчитывая, что и остальные залюбуются:

— Меня выпустили раньше срока за хорошее поведение. Слышал про такое? Вот домой вернулся.

— Собираешься рассчитаться с Ангелиной? — спросил Лев напрямик. — Опять ведь посадят. Мало показалось?

— Не посадят. Если ты мне поможешь.

— Я?! Тебе?

Вахтанг угрожающе выпрямился, оплывшее тяжестью лицо его потемнело:

— Помолчи, пока не сказал больше!

Страх даже не шевельнулся, не отозвался холодом в пальцах. Льву было скорее любопытно: что этот сумасшедший имеет в виду? О какой помощи он говорит?

— На что ты рассчитываешь?

Вахтанг улыбнулся:

— Ты убьешь эту девочку.

Лев даже не нашелся что сказать на это. А Вахтанг уже продолжил, не позволив ему прийти в себя:

— Разве тебе никогда не хотелось ее убить?

«Да буквально час назад. И в ту самую ночь, когда я не мог справиться с ее притяжением, когда меня просто на куски разрывало!» Лев сам помертвел от внезапного ощущения обреченности, которое возникло будто бы ниоткуда, ведь свой план Вахтанг еще не изложил.

Та самая пресловутая интуиция, которую писатели используют в качестве главного инструмента, уже дала ему знать, что страшного не избежать, оно произойдет вне зависимости от его желания или нежелания. Можно сопротивляться и тянуть время, но все уже предопределено... Аннушка разлила масло.

— Мало ли что нам хочется, — все же попытался он спорить. — Человек на то и мыслящее существо...

— Ай, оставь эту бодягу! — вскричал Вахтанг. — Если мужчина хочет убить женщину — значит, она этого заслуживает.

— Время стремительно приближается к каменному веку...

— Что сказал? — Он выдержал паузу, но Лев не стал повторять. — Ты ведь уже успел ее трахнуть, по глазам вижу! Должен понимать, за что ее убить надо. Она как болото, да? Только шагни — так затянет, в жизни не выберешься!

«Я выберусь, — возразил Лев про себя, пытаясь незаметно высвободить руки. — С ней, конечно, было хорошо, но это все равно не стоит того, чтобы жертвовать всей жизнью. Моя жизнь не в ней. Мне даже не пишется без Симы... Я просто пропадаю без нее».

Узел не поддавался, Вахтанг не пожалел сил, затягивая его. Лев уже начинал верить, что тот действительно мастер вязать узлы. Очередной стягивался прямо на горле.

— Я сам из нее дух выпущу, не трать. Но ты за меня сядешь. У меня алиби из тридцати родственников, с которыми я сейчас выход на волю праздную. Они все, как один, под присягой поклянутся, что я был с ними. А тебя кто видел? Дождь такой... А отпечатки твои я на стволе оставил, пока ты в отключке был. Сбежишь — найдут, да?

— Она не придет сюда, — заверил Лев с тоской.

Детали сцены, на которую только намекал Вахтанг, уже проступали выпукло и красочно, и ощущение собственной обреченности усиливалось с каждой минутой. В какой-то миг Льву даже показалось, что все уже произошло, и мысли заметались в поисках выхода, которого не было. Все к одному: его отпечатки, алиби Вахтанга, мертвая Ангелина... Какой-то дешевый детективный сериал!

— Но я ведь могу стереть отпечатки!

Зачем-то он произнес это вслух, обрезал слабый канатик, который еще мог спасти его. Но Вахтанг не удивился, он уже продумал и это:

— Да ты что, дорогой? За дурака меня держишь? Я тебя опять по головке стукну и увезу подальше, как будто ты сбежал. А ее уже найдут, пока ты в себя приходишь будешь. А потом и тебя разыщут. Куда денешься? А пока будешь сидеть привязанным и смотреть, как я твою девочку убиваю, да? На куски бы ее разрезать и шакалам бросить, чтобы сожрали эту тварь!

— Прекрати нести чушь! — Лев попытался быть резким, чтобы тот пришел в себя. — Выговорился, отвел душу, проиграл это в воображении, и довольно! Никто никого не убьет. Подумай хорошенько, я ведь выдам следствию свою версию. И кому больше поверят? Ты — вчерашний зэк, а я — драматург, писатель. И у меня нет причин убивать Ангелину, а у тебя — налицо. И я избит. Кем, спрашивается? Не сам же я себя по голове бил, подумай хоть! Ну, успокоился?

Выслушав его, Вахтанг поднялся, не спеша приблизился. Льва обдало терпким запахом пота и давно не стиранных штанов, он поморщился, не удержался. И тут же его хлестнули ладонью по лицу так, что голову отбросило вправо, даже в шее что-то щелкнуло, заныло.

После того как отзвенело в ушах, Лев подумал: «Вот каково ей было, когда я ударил ее. Нравится?»

— Сам успокойся. Очко сжалось, да? Болтаешь много. Я сказал: убью — значит, убью. Это дело чести.

— Женщине мстить? Честью тут и не пахнет.

Он был готов к тому, что Вахтанг ударит еще раз, и уже не ладонью, но тот лишь взмахнул кулаком перед его лицом.

— Закрой пасть! Что ты понимаешь...

Сердце екнуло, но Лев постарался не выдать этого. Он продолжил с тем же напором:

— А кому понять, как не мне? Сам же догадался, что я тоже ее... узнал. Выходит, я в том же положении. Но я никогда не возьмусь решать, имеет она право жить или нет!

«В двенадцать лет я был более самоуверен. Я был безбожником. Пионером-героем, убивающим собственного отца». Льву вдруг захотелось плюнуть на все и закрыть глаза. Пусть эта обезьяна творит, что хочет... Пусть и его убьет, если войдет во вкус... За что ему держаться в этой жизни? Пишется все безрадостнее, а кроме этого, нет вообще ничего. Женщина, которую он любил, родила ребенка от другого. Друзья давно превратились в знакомых, которых и увидеть-то тянет все реже. Мать больше интересуется жизнью картонных сериальных персонажей, чем тем, что происходит с ее сыном. Черт с ними со всеми!

— Не понимаешь, не понимаешь!

Вахтанг взвыл так, что Потапов очнулся от изумления. Перед ним метался и корчился грузный немолодой человек, прошедший, казалось бы, через ад, но истинные муки преисподней его заставила познать девушка с лицом ангела. Он скалился и рычал, казалось, сам сатана рвется наружу из его тела. Его стиснутые до боли кулаки прочерчивали в воздухе короткие линии, которые, почудилось Льву, вот-вот готовы воспламениться.

Он затих и замер так внезапно, будто кто-то отключил энергию. Не понимая, что происходит, Лев следил за ним с тем же страхом, потому что такое молчание казалось еще более зловещим, чем проклятия и стоны. Когда Вахтанг улыбнулся, его окатило ознобом.

— Вот, — шепнул хозяин дома так доверительно, будто они уже сдружились за это время. — Это судьба, слышишь, да? Она пришла. Это ее шаги.

Лев ничего не расслышал, но уже хотел было крикнуть Ангелине, чтобы бежала отсюда со всех ног. И не успел.

* * *

Очнулся он как-то вдруг. Точно невидимый гипнотизер щелкнул пальцами, и Лев открыл глаза. И первым делом почему-то подумал как раз об этом: всегда полагал, что сознание возвращается отдельными звуками, запахами, прочувствованием сперва одной руки, потом другой, или сначала пальцев ног — чего-то незначительного, не главного, но — части целого, без которой он, очнувшийся, жить не сможет. Голова была не совсем ясной, однако, к его удивлению, не болела, только дышалось с трудом.

«Сколько я пробыл в отключке?» Лев приподнялся на локте и только тогда понял, что лежит на земле и перед ним ствол березы, как ему показалось, хотя в темноте неразличимо было светлое. Не потому ли и в Ангелине ему померещилась дьяволица, что та ночь затмила все, что было — до. Он протянул руку, корявое на ощупь дерево подтвердило — это реальность. Вахтанг все сделал, как задумал.

Обожгло ужасом: значит, Ангелина уже мертва?! Иначе зачем нужно было увозить его подальше от дома, имитировать побег убийцы? Его уже преследуют? Или труп еще не найден?

— Господи, абсурд какой-то! — прошептал он жалобно. — Неужели это на самом деле происходит со мной?! Этого же просто не может быть...

Цепляясь за ствол, Лев сел, переждал, пока тяжелая волна, взметнувшаяся внутри черепа, улеглась. В памяти всплыли воспоминания о сотнях людей, реальных и книжных, твердивших то же самое, пытавшихся отгородиться от собственного страха неприятием действительности. Она всегда находит средства убедить их. Смириться.

Он попытался подняться. Это не составило труда — оказалось, Вахтанг ничего не повредил ему, не сломал со злости ни одного пальца. И в самом деле — зачем? Он ведь сломал ему жизнь. Все получилось по его чудовищному плану.

В какую сторону нужно идти, Лев не представлял абсолютно. Густо усыпанное звездами небо помочь не могло, ведь он не имел ни малейшего представления о том, где сейчас Березняки. Он пошел наобум, прямо через кусты, туда, где ему почудился просвет, в надежде обнаружить дорогу. Лучше было бы побежать, но в его голове еще гулко и мягко плескалось что-то, предостерегая: осторожней, захлестну целиком, не выберешься.

Иногда Лев терял равновесие и тыкался лицом в сухие ветки — то сосновые, то лиственные, не разберешь в темноте, что за дерево. И с каждым шагом все явственнее ощущал себя беспомощным и маленьким, не способным повлиять ни на что происходящее, ничего изменить. Он всхлипнул, обхватил себя руками, потерся щекой о правое плечо...

И затосковал о том единственном человеке в этом мире, который был способен пожалеть его и поддержать, не унизив. Только ей он мог принести свою беду, свое отчаяние, показать слабость, не стесняясь этого. И даже не потому, что когда-то она любила его... Но — главное — материнство в ней было не просто одним из

инстинктов, а самой сутью. Не сразу, а осознанной в страданиях и принятой теперь, как непререкаемый постулат. Сима и театр свой сама родила и выпестовала, и всех актеров нянчила и учила уму-разуму, растила и выпускала в мир, чтобы радоваться за них издали. Как Ангелину.

Не отдавая себе отчета, Лев ускорил шаг. Теперь он не просто пытался выбраться из лесу, он шел к Симе, и появление четко обозначенного ориентира необъяснимым образом прояснило, где Потапов находится сейчас и куда следует направиться. Он вдруг услышал, как в отдалении проехала машина, и сумел поймать, откуда пришел звук. И бросился туда, отмахиваясь от влажных ветвей. Лев и сам весь уже был мокрым и грязным, наверное, и в крови, так что нечего было и ожидать, что какой-нибудь водитель решится пустить его в машину. Если только Вахтанг...

Пробравшись среди густых, цепляющих за одежду кустов, Лев выскочил на дорогу, ведущую к городу (он надеялся — к тому самому!), и побежал. Шоссе было освещено, и темный асфальт искрился, катясь ему под ноги. Когда Лев смотрел вниз, то, как бывало в детстве, *видел*, что земля действительно круглая. Она выпукло неслась навстречу и уходила вниз прямо позади него.

На миг забыв обо всем случившемся этой ночью, он засмеялся, воскресив в памяти эти мальчишеские ощущения, и откуда-то, необъяснимо, возникла убежденность, что все будет хорошо. В самой этой фразе тоже прозвучал отголосок детства, маминых утешений, которые не сбылись, хотя внешне вроде бы жаловаться не на что: его пьесы начали ставить, вот только пишется все с меньшей радостью, через силу. Мандельштам го-

ворил, будто он из уха стихи мучительно выкарабывает... Что-то вроде этого. Только ему-то рано уставать, ничего еще и не написал толком.

«Я в собственной-то жизни ни черта не соображаю, — признал Лев с досадой. — Куда уж в чужих копаться! Почему Сима так яростно отрицала самую возможность родить мне ребенка, а какому-то случайному мальчишке сделала этот ненужный подарок? Как это можно понять? Месть мне? Но за что? Я только рад был остаться. Откуда мне было знать, что Лиза явилась только наказать ее и уедет тотчас после вынесения приговора? Должен был знать! Если примазываешься к писательскому клану...»

В утешение ворохом обрушились воспоминания о скомканных судьбах самых лучших из этого клана. Своих выдуманных героев они все понимали лучше, чем самых близких, но реальных людей. Издержки профессии. Каждый только вступающий на эту извилистую, труднопроходимую тропку предупрежден об этом десятками биографов и надеется избежать ошибок великих, но — несколько шагов вверх, и все благие намерения сбрасываются, как лишняя поклажа. И за таптываются идущими следом.

До Симиного дома он добрался, уже еле дыша. Взглянул на окна — в кухонном есть свет, значит, можно подняться. Почему она не спит? И сколько вообще времени? Часов у него не было, не любил носить, а телефон то ли выпал где-то, пока Вахтанг перетаскивал его, то ли тот сознательно вытащил его, подстраховался. Лев опять посмотрел на освещенное окно, и сердце испуганно сбилось с ритма: «Что я ей скажу? Что разыскиваю Ангелину и это вопрос жизни или смерти? Это Симу очень порадует... Ладно. Скажу что-нибудь...»

Звонить Лев не стал, постучал кончиками пальцев, практически поскребся в дверь. И усмехнулся без участия губ: «Шелудивый пес приполз к порогу хозяйки». Сима открыла, даже не спросив, кто за дверью, и в первый момент Льву показалось, будто она ждала его, по крайней мере не удивилась. Но уже в следующее мгновение лицо ее исказилось ужасом:

— Что с тобой? Кто тебя так?

Он шагнул к ней и сгреб в охапку, уткнулся в теплое махровое плечо и всхлипнул, опять ощутив ту же беспомощность, которая охватила его в лесу.

«Спасибо, что дал мне сил добраться до нее». — Это родилось в мыслях само, но Лев тут же подтвердил это с благодарностью. Сима судорожно гладила его по спине:

— Что, мой хороший? Что случилось?

— Вахтанг вернулся, — ответил он глухо, не поднимая лица.

— А, Вахтанг... Понятно.

— Боюсь, он убил ее...

— Нет! — это вырвалось у нее громче положенного, и Сима с тревогой оглянулась на прикрытую дверь в комнату, где спал малыш. — Не может быть. Она была у меня совсем недавно.

Лев через силу оторвался от нее:

— Серьезно? А сколько сейчас?

— Часа три. Она ушла уже в двенадцать.

— Три часа?! Почему ты не спишь?

— Илюшка только что просыпался, я покормила его.

И сама чаю попила, чтобы молоко к утру появилось... Подожди, о чем мы? Ты думаешь, что он... Как он тебя нашел?

— Я сам нашелся... Пытался отыскать ее...

Сима чуть отстранилась:

— Понятно.

— Нет! — испугался он. — Это не то! Я только боялся, что она опять задумает что-нибудь вроде... Хотя ты же не знаешь...

— Не знаю — чего?

«Что уж теперь, — вздохнул Лев. — Все тайное рано или поздно становится явным. Я полагал, что это придуманная страшилка».

— Она ведь уже пыталась покончить с собой, — прошептал он, пытаясь опять притянуть Симу. — Здесь, в твоём доме. Еще тогда... Хорошо, что я оказался дома.

Она смотрела на него исподлобья, точно силилась распознать, правду ли он говорит и зачем раскрывает ее после двухлетнего молчания. Потом вынудила его продолжить:

— И сейчас ты решил...

— Что она повторит попытку. Опять укроется ото всех в доме Вахтанга и... Вот я и пришел проверить.

И Лев наспех пересказал то, что произошло в том злополучном доме и как Вахтанг задумал расправиться с ними обоими и, возможно, осуществил все части своего плана. Он попытался выразить это в нескольких фразах, чтобы не терять времени, ведь нужно было бежать туда, пытаться что-то сделать, может быть, еще спасти Ангелину...

Но, выслушав его, Сима спросила:

— Ты главного не сказал: с чего ей сейчас пытаться покончить с собой? Разве случилось нечто из ряда вон? Еще до появления Вахтанга.

«Момент истины, — его бросило в жар. — Если я солгу ей сейчас, она сразу почувствует и никуда не пойдет со мной. Если скажу правду...»

Губы с трудом шевельнулись:

— Я спал с ней вчера ночью. Это был единственный раз. А утром я сказал ей, что не люблю ее и у нас не может быть будущего. Я люблю тебя, и она ведь всегда это знала... А с ней это было...

— Да-да! — прервала она нетерпеливо. — Затмение. Безумие. Опыянение. Что еще обычно говорят в таких случаях? Ты ведь подготовил слова для объяснения? Только мне не нужно объяснять того, что случается между мужчиной и женщиной!

— Конечно! — подхватил Лев. — Ты и сама это знаешь не хуже меня! Как это произошло с тем студентом? Затмение? Безумие? Опыянение?

— Да не было никакого студента! Не смей приравнивать меня к себе!

— Не было? — опешил он. — Но как же... А кто же...

Сима начала торопливо натягивать длинную куртку, скрывшую халатик, но ей никак не удавалось попасть соединить части «молнии», и она даже рыкнула со злости. Лев поймал ее руки.

— погоди... Ты чего-то не договариваешь. Я должен знать.

— Почему это ты должен знать? — огрызнулась она. — Ты пришел за помощью, не так ли? Я схожу с тобой туда, потому что понимаю, как тебе страшно... Вот только соседку разбужу среди ночи, чтобы Илюшку покараулила... Я помогу тебе. По-дружески, не более того.

Он зажал ей рукой рот:

— Не говори так!

Куснув ребро его ладони, Сима вывернулась и, присев, принялась обуваться. Глянула на него снизу:

— Хорошо, что ты сказал правду. Потому что я все равно уже знала ее.

— Знала?!

— Я взяла Ангелину на понт, — призналась Сима с легкостью.

В этот миг она показалась Льву похожей на озорную девчонку-подростка, которая хитростью завладела чужой тайной.

— Это ты можешь...

— Я многое могу. — Она выпрямилась. — И знаешь почему? Потому что мне надеяться не на кого.

...Наверное, если б он не явился к ней таким грязным, продрогшим и окровавленным, с черными мешками у глаз, с жуткой щетиной, Симино сердце не наполнилось бы жалостью. Ведь за минуту до того, как Лев постучал в ее дверь, она ненавидела его со всей страстью женщины, оскорбленной тем, что ее обманули уже после того, как она решилась было поверить ему снова.

Отхлебывая горячий чай со сгущенкой, Сима распаляла себя каждым глотком и твердила: лишь идиотка вроде нее способна дважды наступить на одни и те же грабли, которые бьют в лоб без промаха, да с такой силой, что теряешься в пространстве и времени. Она больше не могла позволить себе потеряться. От ее умения держать удар зависел маленький человечек...

И во Льве Потапове, каким он предстал перед ней, Сима неожиданно — сквозь небритость и запекшуюся кровь — тоже увидела ребенка, прибежавшего, чтобы укрыться от ночного страха. И она прижала его прежде, чем вспомнила, как обижена им. И этого нельзя прощать, иначе обиды будут наноситься одна за другой...

Когда он всхлипнул ей в плечо, Сима едва не задыхнулась от нежности и любви к этому красивому, не-

счастливому человеку, который зачем-то приходил и приходил к ней, хотя невозможно ведь было — после всего узнанного! — поверить в то, что Лев действительно любит ее.

Но потом зазвучали слова, опять нагромоздились между ними, в большинстве своем неточные, фальшивые, и Сима снова разглядела взрослого мужчину, неспособного поступиться малейшей возможностью наслаждения ради того, что он сам называл любовью. А что он понимал под этим словом? Желание видеть ее время от времени? И промежутки могут измеряться годами... Вот так прибегать к ней за помощью, не оказывая ее самому? Разве он знает, какова на самом деле неодолимость любви, когда подушку зубами рвешь, чтобы не заорать от боли, когда рожаеть — во имя него! Чтобы семя его дало всходы, — и даже не обременяешь его хлопотами отцовства? Лев Потапов совершенно не разбирался в любви, сколько бы ни писал о ней...

И уже поняв это о нем и внутренне отпрянув от человека, способного походя резануть по живому и присыпать солью, Сима все же отправилась с ним в тот дом, где вечно происходило что-то зловещее. Он ведь был построен на грязные, сатанинские деньги, и Ангелина знала это не хуже ее, но и жила там, и возвращалась вновь и вновь. Зачем она пошла туда в этот вечер? Лев ведь слышал, что пришла... Смерть звала? Так говорят... Но неужели это действительно случается?

Сима поежилась и ускорила шаг: «Как я могу спокойно рассуждать о ее смерти? Мы с ней только сегодня... То есть уже вчера... Но несколько часов назад перебирали наши общие солнечные моменты. И набралось прилично... Разве справедливо будет уничтожить даже

память о них только потому, что девочка тоже не устояла передо Львом, упала — бери, властвуй! И он взял, естественно. Царь зверей. Вот пусть и живет в своем зверском мире! Хотя целый прайд заводит. Это не мое. Я предпочитаю общество людей».

— Что ты все молчишь? — Лев зябко шмыгнул носом, заглянул ей в лицо.

Сима не ответила на взгляд, загипнотизированная влажным блеском асфальта.

— Я согрешил, сам знаю, но это ведь...

— По слабости, я понимаю. Предательство — это всегда слабость духа. Не тела, оно тут ни при чем. Дух способен с ним справиться. Если хочет справиться. Ты и не пытался... Как ты мог потом явиться ко мне? Ребенка моего трогать?

Сунув руку в карман ветровки, чтобы случайно не коснуться Симы, не осквернить и ее, Лев хмуро сказал:

— Все правда. Я — полный ублюдок. Но...

— Не сейчас, — остановила Сима. — Может, она умирает там, пока мы с тобой спорим.

Послушно замолчав, Лев пошел за ней, почти бегущей, бесформенно-смешной в своей объемной куртке, из-под которой торчали голые ноги, и все равно необъяснимо притягательной, необходимой ему, как никто другой. Ему хотелось обхватить ее сзади, прижаться щекой к растрепавшимся от быстрой ходьбы волосам, пригладить их, но было страшновато вновь оказаться отвергнутым. И Лев следовал за Симой молча, пытаясь найти радость хотя бы в этой условной близости.

— Мы пришли. — Сима остановилась. — Подожди здесь. Я сама проверю.

Он задохнулся:

— Да ты что?! Чтобы я отправил тебя туда одну?

— Меня ему убивать не за что. Да я и не думаю, что он еще там. Это было бы полным идиотизмом с его стороны. Если, конечно, он всерьез собирался обеспечить себе алиби. Постой здесь. Ничего со мной не случится.

Сима слышала, как он застонал от бессилия, как топтался, наверное, сжимая кулаки, все то время, пока она бесконечно долго шла к крыльцу, поднималась по ступеням, тянула на себя дверь. Из дома пахло затхлостью, Сима зажала ладонью нос. Нашарила выключатель и удивилась тому, что есть свет. Но потом вспомнила, как Ангелина говорила, что этот дом записан на имя матери Вахтанга, жившей на соседней улице, и та, наверное, платила исправно. Вот только не могла заставить себя прийти сюда и проветрить комнаты...

— Ангелина! — крикнула Сима во весь голос, чтобы звук достиг всех уголков дома.

Подождала ответа, не особенно надеясь услышать его, быстро прошла по первому этажу, заглянув и в ванную, и в кладовку. Потом поднялась на второй этаж, где в спальне все еще валялся изрезанный Ангелиной матрас. Сима заглянула под кровать, проверила огромный зеркальный шкаф. Меньше всего ей хотелось спускаться в подвал, но ничего другого не оставалось. И Сима быстро сбежала по лестнице, дернула дверь. Та открылась так подозрительно легко, что у нее похолодело сердце.

Нашарив справа выключатель, она нажала на кнопку и сразу увидела Ангелину, лежавшую на деревянном топчане, застеленном оранжевым пуховым одеялом. Вахтанг заботливо уложил ее на бок, будто хотел, чтобы она хорошенько выспалась, вот только забыл укрыть, и просочившаяся на одеяло кровь темнела траурным пятном.

Не позволив себе закричать, Сима медленно приблизилась к девочке, запрокинутое лицо которой мертвенно белело в полумраке, прислушалась, пытаясь уловить дыхание. Ей показалось — еще никогда тишина не звучала так страшно. У нее защипало в носу, но Сима вспомнила, что снаружи ждет тот, кому сейчас станет еще хуже, и она должна поддержать его, потому что... Да просто потому, что она все еще любит его, как бы ни хотелось ей избавиться от этого проклятья! И еще потому, что так будет по-человечески. В отличие от происшедшего до сих пор.

«Она приходила ко мне затем, чтобы я спасла ее, — вдруг поняла Сима. — Удержала возле себя, не позволила вернуться в этот проклятый дом. Ей нужна была чья-то любовь, неважно чья, а мы оба оттолкнули ее в очередной раз. Так рвались друг к другу... А ее никто не любил. Никто и никогда. Вот что ее убило!»

И, забыв о человеке, ждавшем ее наверху, и о том, что ради него необходимо быть сильной, Сима заплакала с тем тихим отчаянием, которое не уходит со слезами, а остается в душе и то и дело напоминает о себе, сколько бы лет ни прошло. Уже без опаски протянув руку, она погладила короткие волосы, которые ничем не напоминали то дымчатое сияние, которое еще помнилось. Скользя вниз, ее пальцы коснулись выгнутой тонкой шеи, и вдруг Симе почудилось, будто что-то отозвалось изнутри этого неподвижного тела. Она принялась судорожно щупать кожу, которая теперь уже казалась теплой, и закричала, когда едва ощутимая пульсация отозвалась на ее прикосновение.

— Лев! — закричала она, но вспомнила, что он не услышит, и начала шарить по карманам в поисках теле-

фона, без которого даже ночью не выходила из дома. Тем более ночью...

«Только бы антенки были!» Сима жадно всмотрелась в засветившийся надеждой дисплей. От радости у нее вырвался сдавленный смешок...

— Алло! «Скорая»?

В «неотложке» поклялись, что будут на месте через пять минут.

«Лев поймет, что она жива, только когда увидит их машину», — мелькнуло в мыслях, но Сима тут же забыла о нем. Потом. Это потом.

Быстро встав на колени, она коротко прижалась к бледным губам, которых никогда не касалась, и горячо зашептала:

— Девочка моя, очнись, пожалуйста! Прости меня за все... Нас прости. Такая красивая. — Сима медленно провела пальцем по прохладной щеке. — Не можешь ты умереть! Поняла? Такая красота не должна уходить из мира. Ты не уйдешь...

Оглавление

Часть первая	5
Часть вторая	111
Часть третья	213

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Лавряшина Юлия Александровна

ДЕВОЧКИ МОИ

Ответственный редактор *Е. Неволина*
Литературный редактор *Т. Кравченко*
Младший редактор *М. Мамонтова*
Художественный редактор *П. Петров*
Технический редактор *Г. Романова*
Компьютерная верстка *В. Андриановой*
Корректор *О. Степанова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 25.07.2017. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «NewBaskervilleС». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 4000 экз. Заказ 6870

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В электронном виде книги издаются в формате
книжки на www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

Москва. Адрес: 142701, Московская область, Ленинский р-н,
г. Видное, Белокаменное шоссе, д. 1. Телефон: +7 (495) 411-50-74.

Нижний Новгород. Филиал в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, улица Карпинского, дом 29, бизнес-парк «Грин Плаза».
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Екатеринбург. Филиал в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024,

г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2щ. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).

Самара. Филиал в г. Самаре. Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».
Телефон: +7 (846) 269-66-70 (71...73). E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,

г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10.

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,

г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д.44 В. Телефон: (863) 303-62-10. Режим работы: с 9-00 до 19-00.

Новосибирск. Филиал в г. Новосибирске. Адрес: 630015,

г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7(383) 289-91-42.

Хабаровск. Филиал РДЦ Новосибирск в Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,

пер. Дзержинского, д.24, литера Б, офис 1. Телефон: +7(4212) 910-120.

Тюмень. Филиал в г. Тюмени. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени.

Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алябашевская, 9А (ТЦ Перестройка+).

Телефон: +7 (3452) 21-53-96/97/98.

Краснодар. Обособленное подразделение в г. Краснодаре

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре

Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).

Республика Беларусь. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г.Минске. Адрес: 220014,

Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outleto».

Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92. Режим работы: с 10-00 до 22-00.

Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровский, 3 «А».

Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99).

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073, г.Киев, Московский пр-т, д.9.

Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Э»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.

Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру. Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-99360-4

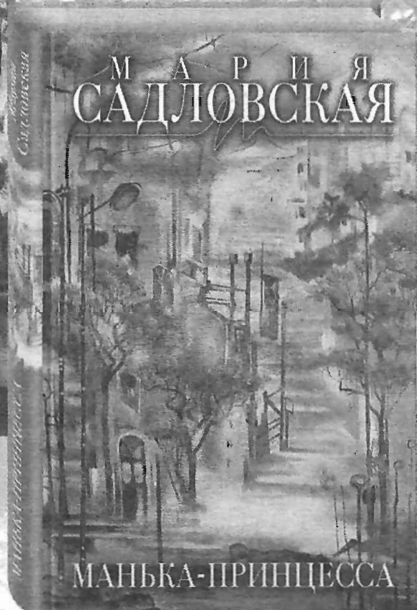
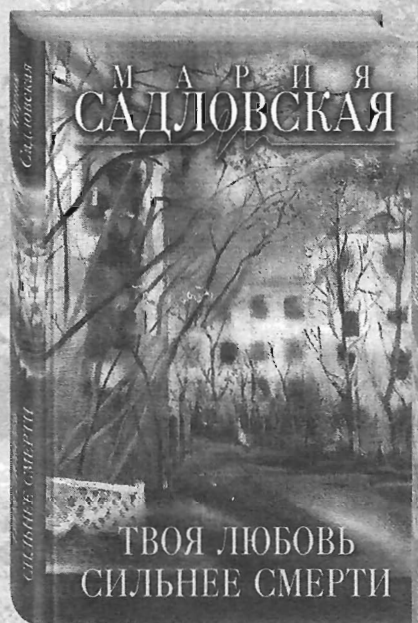

9 785699 993604 >

Линия жизни

МАРИЯ САДЛОВСКАЯ

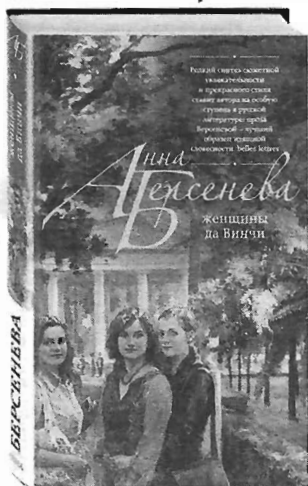

Истории о маленьких людях,
заслуживающих большого романа

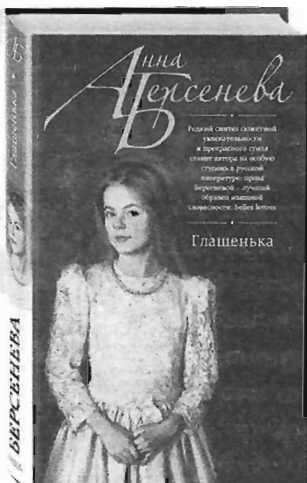
Русский характер

Романы

Анны Берсенева

Редкий синтез сюжетной увлекательности и прекрасного стиля ставит автора на особую ступень в русской литературе: проза Берсенева – лучший образец изящной словесности, belles lettres

У

~~_____~~
254 руб. = цена
коп.

Юлия Лавряшина – автор почти сорока книг прозы для взрослых и детей, ряда пьес, киносценариев, сборника стихов. Юлия – лауреат Международной детской литературной премии В.П. Крапивина, а роман «Фальшь истины» в 2006 г. был номинирован на премию «Русский Букер». Отличительными чертами ее прозы являются напряженный сюжет и психологическая глубина.

Три непростых женских судьбы связало в один узел искусство. Ангелина – талантливая актриса, променявшая жизнь на сцене на благополучный уют и тиранию нелюбимого мужа. Сима – режиссер, она сумела создать театр, но не может справиться с собственными детьми, ради которых готова пожертвовать всем, даже любовью. Наташа – только-только получившая свою первую роль романтическая чистая девочка, еще ничего не знающая о предательстве. Три женщины, три пути, и на каждом свои испытания. Предательство и ревность, ложь и кровь разъединяют и вновь соединяют эти судьбы.

ISBN 978-5-699-99360-4

9 785699 993604 >